

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Дорога пришедших с войны

Сборник эссе к 68-летию Великой Победы

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

2013

ББК 63.3 (2 Но) 62
Д 69

Дорога пришедших с войны / сост. и ред. А. Ф. Булгакова. — Великий Новгород, 2013. — 352 с.

ISBN .....

Эту книгу написали преподаватели, сотрудники и студенты Политехнического института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого — машиностроители, строители, архитекторы, дизайнеры, автомобилисты, теплоэнергетики. Взяться за перо этих далёких от литературного творчества людей вдохновили большая любовь к Родине и безграничное уважение к людям, которые выстояли и победили в годы тяжёлых испытаний. В книге собраны записанные студентами воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, блокадников, «детей войны», тех, кто восстанавливал разрушенные города.

ББК 63.3 (2 Но) 62

*Политехнический институт НовГУ выражает
благодарность Алле Михайловне Веселитской
за помощь в работе с ветеранами.*

ISBN .....

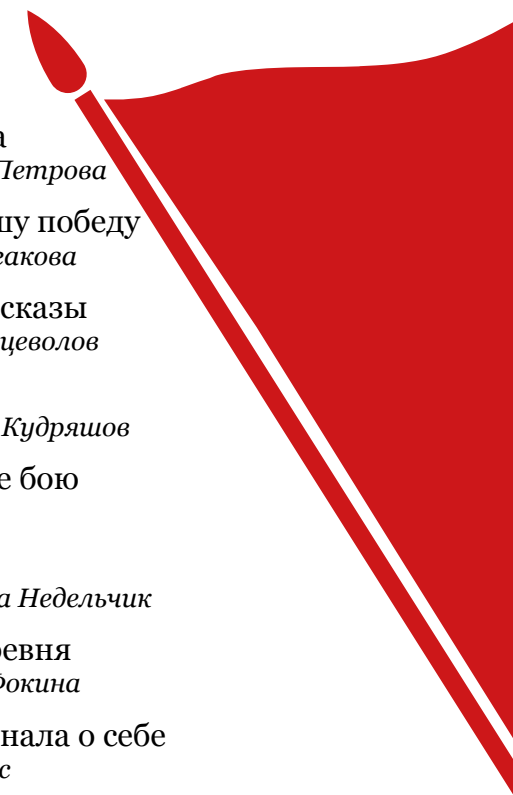
© Новгородский государственный
университет, 2013
© А. Ф. Булгакова составление, 2013

Содержание

- 7 Предисловие
- 8 В глазах ветеранов
Виктор Карпушкин
- 9 Он был настоящим солдатом
Виктор Карпушкин
- 11 Невозвратный долг
Виктор Карпушкин
- 14 Знать и помнить
Екатерина Икконен
- 20 Всё отправляли на фронт
Екатерина Икконен
- 23 Учил верному служению Отечеству
Екатерина Икконен
- 25 Партизанка Валя
Екатерина Икконен
- 33 Мы подбирали каждую крошечку
Екатерина Икконен
- 38 Видеть глаза матерей
Вячеслав Сизов, Евгений Фёдоров
- 45 Война — это тяжёлая работа
Евгений Сосин, Евгений Фёдоров
- 53 У нас навсегда останется память
Владислав Крутиков
- 58 Мы не падали духом
Владислав Крутиков
- 64 Война — это грустная история
Сергей Бугров, Константин Епифанов
- 75 Все верили в нашу победу
Сергей Бугров, Константин Епифанов

- 81 Помню лагерь, обнесённый колючей проволокой...
Сергей Бугров, Константин Епифанов
- 84 Мужество в наших генах
Александр Назаров
- 90 Лишённые детства
Александр Смирнов
- 98 Дорогое имя на гранитной плите
Дмитрий Шанин
- 100 Жизненный путь длиною в 88 лет
Василий Петрович Михеев
- 158 Мы отомстим за ваши страдания
Вера Ивановна Баранова
- 162 Скоро опять в бой
Инна Викторовна Тихонова
- 172 Я выполню ваш наказ
Тамара Юрьевна Василенко
- 190 Великое счастье — жить заботами о своей семье
Лариса Николаевна Пилюгина
- 199 Это письмо я помню наизусть
Раиса Васильевна Петрова
- 203 Ах, как жить мы могли бы!
Алла Михайловна Веселитская
- 205 Среди большой жестокой войны
Галина Ивановна Ванилихина
- 209 Он погиб в начале войны
Галина Акимовна Тихомирова
- 212 Пропал без вести
Валентина Георгиевна Левицкая
- 220 Связист от Бога
Василий Сиротин

- 229 В наш дом пришла война
Людмила Васильевна Петрова
- 232 Верил в командира и нашу победу
Алла Филипповна Булгакова
- 238 Короткие фронтовые рассказы
Павел Михайлович Куцеволов
- 244 Моя жизнь
Василий Порфирьевич Кудряшов
- 260 Они погибли в первом же бою
Владимир Тяжов
- 266 Я родом из войны
Александра Васильевна Недельчик
- 284 Нас спасла татарская деревня
Зинаида Николаевна Фокина
- 289 Война ещё долго напоминала о себе
Елена Николаевна Тейс
- 293 «Ах, война, что ты подлая сделала!»
Людмила Кимовна Умарова
- 303 Гремящие военные годы
Светлана Евгеньевна Карпова
- 309 Память — лучшее, что у нас сегодня осталось
Михаил Степанович Сергеев
- 323 Они защищали свой дом
Илья Большаков
- 329 Он силой духа возвращал себя к жизни
Алла Филипповна Булгакова
- 333 Прикосновение к гению
Полина Смирнова
- 336 Вечная память известным и безымянным героям
Алла Филипповна Булгакова

Вам, живым и павшим героям Великой Отечественной войны, посвящается этот сборник

*Мы Родину себе не выбираем.
Она, как жизнь, даётся нам судьбой.
И в каждой жизни есть передовая,
И в каждой жизни есть последний бой.*

*Ирина Савинова,
новгородская журналистка*

Эту книгу написали преподаватели, сотрудники и студенты Политехнического института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого — машиностроители, строители, архитекторы, дизайнеры, автомобилисты, тепло-энергетики.

Взяться за перо этих далеких от литературного творчества людей вдохновили большая любовь к Родине и безграничное уважение к людям, которые выстояли и победили в годы тяжелых испытаний. В книге собраны записанные студентами воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, блокадников, «детей войны», тех, кто восстанавливал разрушенные города.

**Вступительное слово
Губернатора Новгородской
области С. Г. Митина
к сборнику эссе студентов
и преподавателей НовГУ
им. Ярослава Мудрого, посвященному
68-летию Великой Победы**

Дорогие друзья!

Сборник, который вы держите в руках — результат творческого, плодотворного труда преподавателей и студентов Новгородского государственного университета

имени Ярослава Мудрого. Это издание показывает наглядный пример неразрывной связи поколений, еще раз напоминает нам о подвиге героев, победивших фашизм.

Великая Отечественная война — событие огромного масштаба, затронувшее судьбы большинства граждан нашей страны. Несмотря на тяжелейшие испытания, трудности, потери, наш народ выстоял и победил.

В этой книге вы найдете воспоминания, эмоции, чувства очень сильных, мужественных людей — ветеранов, блокадников, «детей войны». Крайне важно, что они собраны молодыми юношами и девушками — студентами, которых на это доброе дело вдохновили искренняя любовь к родной земле, стремление внести личный вклад в поддержание и развитие традиций патриотического воспитания, сохранение исторической памяти народа России. Именно это благородное и ответственное чувство будет лучшим залогом устойчивого развития и процветания нашего Отечества.

Низкий поклон ветеранам и самые искренние слова благодарности всем, кто участвовал в подготовке и издании этой книги.

*Губернатор Новгородской области
С. Г. Митин*

Виктор Карпушкин
гр. 8061

Эта боль от годами
открытой раны —
Вот что я увидел
в глазах ветеранов.

*Юрий Михайлович Левков,
Иван Осипович Аксенов*

В глазах ветеранов

Памяти Ивана Осиповича Аксёнова

Киноэпопеи не расскажут правду,
Ни одна книга нас не вернёт туда,
Мелодии военных лет не сделают храбрым,
Для кого-то их забыть не составит труда.

Двадцать второе июня, четыре утра:
Для нашей страны начало утрат.
Сказав «Конец войны — победа», я бы солгал.
Она идёт, пока не похоронят всех солдат.

Два врага превратились в коллег,
Но один из них ещё только встаёт с колен.
В горле ком, словно от сухих галет —
Скоро новый юбилей на календаре.

Целые города линией фронта стёрты.
Но душу согревают гимнастёрка и костёр.
Родина встретит руками распростертыми:
Многих увезут туда, где дуб не растёт.

Несгибаемый стержень, крепче иностранных,
Позитивный взгляд на мир, как ни странно,
Эта боль от годами открытой раны —
Вот что я увидел в глазах ветеранов.

Виктор Карпушкин
гр. 8061

Как ему удалось
совершить такой подвиг,
насколько это было
тяжело, мне, наверное,
никогда не понять.

Виктор Карпушкин

Он был настоящим солдатом

**После моей встречи с Иваном Осиповичем Аксёновым
прошло больше недели, а я до сих пор не могу до конца
осмыслить, осознать то, что рассказал мне ветеран.**

Все мы изучали историю нашей страны и знаем, что наш народ
пережил немало тяжёлых периодов. В общих чертах представля-
ем себе, какой была Великая Отечественная война. Для большей
части моего поколения это всего лишь главы из учебника исто-
рии, которые, как и любой другой учебный материал, только
со временем укладывается в голове.

Но когда видишь, как события со страниц исторических хроник
проецируются на судьбы людей, это всё уже воспринимается со-
вершенно иначе.

**Трудно представить, как наш народ (и каждый человек в от-
дельности) смог вынести все испытания, которые выпали на его
долю в XX веке, и не сломаться.**

Ивану Осиповичу довелось сражаться на озере Хасан и реке
Халхин-Гол, участвовать в войне с Финляндией, пройти всю Ве-
ликую Отечественную войну. Не раз он оказывался в, казалось
бы, безвыходных ситуациях, но, благодаря мужеству и отваге,
всегда находил выход, который часто был связан со смертельной
опасностью.

Аксёнов горел в танке, подрывался на mine, получал множественные осколочные и пулевые ранения, но после госпиталя опять возвращался к товарищам на фронт и продолжал сражаться с врагом.

Теряя в бою друзей, выполняя невыполнимые приказы, очень трудно остаться верным себе и сохранить достоинство, сберечь силу духа и не потерять надежду на лучшее. Однако Ивану Осиповичу это удалось. Пройдя невероятно тяжёлые испытания, он смог вернуться к мирной жизни, создать семью, вырастить детей, стать примером стойкости и любви к жизни для всех, кто с ним знаком. Как ему удалось совершить такой подвиг, насколько это было тяжело, мне, наверное, никогда не понять.

Я могу лишь восхищаться такими людьми и верить в то, что и наше поколение несёт внутри огромный потенциал, который пока не раскрыт.

Прожив почти век (95 лет!), Иван Осипович сохранил прекрасное чувство юмора, которое снимало напряжение во время довольно продолжительной и серьёзной беседы. Поразительная точность и объём исторической информации, которой располагает ветеран, не могут не впечатлять. Доброжелательное отношение к людям и бережное отношение к их чувствам пронизывают рассказ ветерана о своей жизни.

Хочется верить, что моё поколение и я лично когда-нибудь будем обладать хотя бы частью вышеперечисленных качеств. Как минимум, для того, чтобы нам не было стыдно перед героями — нашими дедами и прадедами.

(Этот материал был написан почти год назад).

Виктор Карпушкин
гр. 8061

Невозвратный долг

К сожалению, я совершенно случайно и с большим опозданием (слово «не вовремя» тут совершенно не подходит, потому что удобного, подходящего времени для таких известий просто не может быть) узнал о том, что 7 июля 2012 года на 96-м году жизни скончался легендарный танкист, ветеран Великой Отечественной войны Иван Осипович Аксёнов. Поэтому откликнуться на эту утрату смог только через два месяца.

Я имел честь познакомиться с ним в ходе работы над нашими книгами воспоминаний о Великой Отечественной войне. Сама идея создания серии таких книг принадлежит Алле Филипповне Булгаковой, заведующей механико-энергетическим отделением, на кафедре «Автомобильный транспорт» которого я и учусь.

Алла Филипповна — составитель, редактор этих книг и автор большого количества текстов. Вызывает безграничное уважение то, что ей удалось добиться издания этих книг. Но я лично хотел бы поблагодарить её не только за все вышеперечисленные труды, но и за возможность познакомиться с таким интересным человеком, каким был Иван Осипович Аксёнов.

Его рассказ о военном времени и не менее трудной послевоенной жизни в разрушенной стране произвёл на меня большое впечатление. Но не в меньшей степени, чем факты героической биографии Аксёнова (утомительные марш-броски, тяжелейшие бои, серьёзные ранения, длительное лечение в госпиталях), меня поразил тот позитивный настрой, с которым ветеран-танкист рассказывал мне историю своей жизни.

Назвать «интервью» моё общение с Аксёновым можно лишь с большой натяжкой. Он говорил, а я молча слушал. Мне даже представить себе было нелегко те события, в которых ему до-

велось участвовать. Несмотря на все невзгоды, Иван Осипович до последних дней своей жизни сумел сохранить редкий оптимизм.

О его многотрудной судьбе я уже писал раньше. Сейчас хотелось бы рассказать, о чём я размышлял после его смерти и к каким выводам пришёл.

Мы с детства слышим о некоем долге перед Родиной, но понять, что это такое, по крайней мере, лично мне было всегда достаточно сложно. Раньше для меня это понятие было абстрактным. Теперь оно приобрело конкретные очертания, и я понял, что долг у каждого — свой, личный, перед конкретным человеком, и зачастую не одним.

С нашей первой встречи с Иваном Осиповичем я чувствовал себя перед ним в долгу. И на его 95-летнем юбилее, на который в прошлом году я был приглашён вместе с Аллой Филипповной, у меня было такое же ощущение. Теперь, после его смерти, это ощущение многократно усилилось.

Я наивно полагал, что можно что-то сделать, скажем, написать стихотворение памяти Ивана Осиповича, и это чувство исчезнет: долг будет отдан или что-то в этом роде... И только сегодня я понял: что бы мы ни делали, сколько бы мы ни издавали книг, ни сочиняли песен, ни писали стихов, ни снимали фильмов и ни создавали памятников, нам никогда не отдать этот долг Родине, то есть долгу тому поколению, которое сохранило для нас теперь уже нашу страну.

Наверное, самое правильное, что мы можем сделать, — жить не только так, чтобы предшествующим поколениям не было стыдно за нас, но и чтобы наши потомки могли нами гордиться. Получится ли у нас — вопрос совсем другой...

Наш долг перед Родиной настолько огромен, что отдавать его нужно всю свою жизнь, каждой мыслью, каждым словом, каждым поступком. Нам оказали доверие, предоставили все возможности: главную — жить, а что со всем этим делать, мы решаем сами.

Иван Осипович Аксёнов

PS. Хотелось бы поблагодарить за содействие дочь Ивана Осиповича, Веру Ивановну. Без её помощи я бы не смог записать воспоминания Ивана Осиповича и, возможно, не скоро задумался бы о многих важных вещах: о связи поколений, о нашей ответственности за свою страну.

Вера Ивановна, примите наши искренние соболезнования, мы скорбим вместе с Вами.

Екатерина Икконен

Екатерина Икконен
гр. 1411

Эта страница истории наглухо была закрыта. Но это вовсе не значит, что мы не должны об этом знать.

Знать и помнить

Моя бабушка, Екатерина Павловна Икконен (в девичестве Леонтьева), родилась 15 ноября 1925 года в деревне Поддубье Оредежского района Ленинградской области, Сокольниковский сельский совет. Она была первым ребёнком в семье.

Отца звали Леонтьев Павел Иванович. В конце 20-х—начале 30-х годов он был председателем колхоза. Мать — Леонтьева Анна Александровна. Кроме старшей Кати, в семье было ещё шесть девочек. Самая младшая родилась зимой 1942 года и через год умерла.

Павла Ивановича призвали в Красную Армию в конце лета 1941 года. Он воевал под Ленинградом и умер от ран осенью 1941 или зимой 1942 года в госпитале в блокадном Ленинграде.

Анну Александровну в октябре 1943 года вместе с младшими детьми угнали на принудительные работы в Латвию, а мою бабушку Катю немцы отправили на работу в Германию. 1 ноября 1943 года ей исполнилось 18 лет.

Катя сначала работала на строительстве дороги у деревни Вороний Остров. Это недалеко от Любани. Здесь немцы строили дорогу от Лути и Любани для наступления на Ленинград. Бабушка рассказывала, что вместе с ней там было много девушек из ближних деревень и сёл. Затем в феврале 1944 года их угнали в Прибалтику, в город Вайке, потом морем отправили в столицу Восточной Пруссии Кёнигсберг (теперь Калининград). Дальше перемещались по территории Германии.

Весной 1945 года Катя оказалась в небольшом местечке в 20 километрах от Лейпцига. Молодые девушки работали в немецких столовых, госпиталях. Труд был принудительным, но они могли свободно перемещаться по территории населённых пунктов, в которых жили. Немцы из советской молодёжи формировали так называемые «трудовые лагеря». 14 апреля 1945 года их освободили американские войска.

Бабушка побывала в побеждённом Берлине. Вспоминала, что весной 1945 года ездила там в метро. В июне 1945 года в городе Риза её вместе с другими молодыми людьми американцы передали советским войскам, после чего она вернулась в СССР, в свою родную деревню.

В послевоенной деревне семье жилось очень тяжело. Дом сгорел, жили в маленькой избе, в которой раньше, до войны, принимали молоко. Прадед с войны не вернулся, строить дом было некому. Моя бабушка в 1947 году уехала в леспромхоз в посёлке Радофинниково Тосненского района Ленинградской области. Она говорила: «на лесозаготовки».

Молодые девушки пилили, таскали и грузили в вагоны двухметровые брёвна. Но эта тяжёлая работа была нужна и доходна, так как жить в деревне, особенно в 1946 году, было очень трудно. Колхозникам паспортов не выдавали, но бабушка, уезжая на лесозаготовки, паспорт в сельсовете получила. Правда, хранился

он в администрации леспромхоза, но забрать его было уже легче.

В Радофинникове в 1948 году бабушка познакомилась с моим дедом. Они поженились 19 февраля 1949 года. Вот для свадьбы паспорт ей и отдали на руки. Дальше они вместе с дедом уехали в деревню Клепцы. Это недалеко от станции Рогавка. В Рогавке в это время развивалось торфопредприятие. Добывали торф для Волховской ГЭС.

Потом переехали в посёлок Тёсово-Нетельский, который образовался в 1939 году. Сюда «по вербовке» приехало очень много молодёжи. Их так и называли: «вербованные». Среди них было много девушек, их называли «матанями». Они вручную носили куски (брикеты) торфа, а затем складывали их в штабеля. Работа была тяжёлая.

Но бабушка на торфе не работала. У неё в 1949 году родилась дочь, затем в 1951 году — сын, в 1953 — ещё один. Дед устроился в транспортное управление путевым мастером. Бабушка вела домашнее хозяйство и на работу устроилась только в 1960 году.

***

Моего дедушку звали Икконен Павел Петрович. Он родился 10 марта 1924 года в деревне Горка Тосненского района Ленинградской области. По национальности он финн.

Территорию между Ленинградом и Новгородом, где издревле проживали финно-угорские племена, прежде называли Ингерманландией.

Дед родился в большой семье, которая жила плотницким ремеслом. Стругали из осины стружку и возили в Ленинград для изготовления искусственных цветов.

К началу войны деду ещё не было 18 лет. Поэтому зимой 1941—1942 годов он оставался в родной деревне. Во время Любанской операции 1942 года 2-я Ударная армия как раз вышла в прорыв к деревням Горка и Дубовик.

Дед рассказывал, что 2 февраля 1942 года в деревню пришли солдаты 2-й Ударной армии. В финских деревнях Горка и Дубовик они сформировали молодёжные группы по 2—3 человека. Дед в составе такой группы отправился в разведку. Им было приказано дойти до города Нарвы, разведать состояние железнодорожного полотна и моста. Он со своим другом, Кирпу Исаем Ивановичем, уже почти дошел до Нарвы. Но у Иван-города их арестовали и отправили в Лугу.

В Луге они три дня провели под арестом, и все три дня их не кормили. Допытывались, зачем они шли к Иван-городу. Дедушка тогда решил, что их расстреляют, но они чудом спаслись. Во время допроса их прервали, разрешили выйти во двор. Во дворе к ним подошёл другой немец, который, видимо, не понял, что они тут делают, и приказал убираться прочь. Они, 19-летние мальчишки, долго не раздумывали и быстро убежали. Вот так и спаслись.

Пешком из Луги шли в деревню Кудрово, так как деревня Горка была полностью сожжена. Всё население, в том числе и дедушкина семья, вместе со 2-й Ударной ушло под Кересть. Отсюда их эвакуировали в Сибирь.

Семье деда повезло. Её успели вывести до того момента, как закрылся «котёл» под Керестью и Мясным Бором. Летом и осенью 1943 года дед жил со своей тёткой в деревне Кудрово. В 1944 году немцы забрали его в «молодёжный трудовой лагерь», но отправили не в Германию, а в Финляндию, где он и находился до 1945 года.

После окончания войны вернулся в СССР, в Углич Ярославской области. Впоследствии бабушка получила «марки» за принудительный труд во время войны от Фонда взаимопонимания и примирения, а дед не получил ничего. На его письмо ответили, что финны якобы добровольно работали на врага. Дед говорил, что это не так, что его принуждали. Документов об участии в делах 2-й Ударной, о том, что он получил задание идти в Нарву, нет никаких. Кроме того, дед был «поражён в правах», ему запретили жить на территории Ленинградской и Московской областей. Поэтому он выбрал Новгородскую.

О войне дед рассказывать не любил, только после 1985 года стал смелее в своих воспоминаниях. Ему было очень обидно, что он длительное время был под надзором КГБ. Говорил, что в 1945 году перед отправкой в СССР ему и другим предлагали остаться в Финляндии. Он выбрал Родину и, без вины виноватый, оправдывался потом всю жизнь. Из-за письма, в котором ему отказали в получении компенсации, он тяжело переживал. Дело не в деньгах, конечно, а в том, что там было написано «добровольно уехали».

После войны дед работал в Тёсовском транспортном управлении мастером железнодорожных путей. Он был хорошим работником, его ценили и уважали.

Дедушка с бабушкой вырастили 5 детей, у них 8 внуков, 7 правнуков. Бабушка умерла 1 сентября 2003 года, дед — 20 мая 2004 года. Их могилы рядом, у них общий памятник. До самых последних дней жизни они с уважением и любовью относились друг к другу.

***

Во время Великой Отечественной войны миллионы людей находились в недостойных человека условиях и принуждались к изнурительному труду. Судьба людей, прошедших фашистскую неволю, была в нашей стране поистине трагичной. Вырвавшись из плена, они попадали в объятия ГУЛАГА. Репрессиям подвергались их родственники и дети. Глубокий страх засел в душах этих людей. Многие давали себе обет молчания на всю оставшуюся жизнь. Эта страница истории наглухо была закрыта. Об этом не говорилось и не писалось. Но это вовсе не значит, что мы не должны об этом знать.

Людам, прошедшим лагеря, не давали прохода, самая черная и тяжелая работа — их. Они трудились и окончательно подрывали свое здоровье в шахтах, на металлургических комбинатах, на вредных производствах... На узников фашизма смотрели косо и с опаской во все времена — и в сталинский, и в хрущевский, и даже в брежневский периоды. Мало кто из них выбился в люди и получил достойное образование. Узники фашизма приобретали клеймо предателя...

Это поколение восхищает своей стойкостью духа. Страницы истории призывают нас делать всё возможное, чтобы люди никогда больше не испытывали ужасов фашизма.

Все мы знаем, что тема прошлого стала в обществе непопулярной, особенно среди молодежи. В музеи войны, боевой и трудовой славы сегодня не ходят. Теперь в моде другие ценности, они связаны с естественным стремлением человека к мирной, спокойной и безмятежной жизни. Это неплохо. Но знание о том, как близкие тебе люди выживали в экстремальных условиях, как сохраняли свое человеческое достоинство даже под страхом смерти, будет полезно всем.

Валентина Петровна Самсонова,
Екатерина Икконен

Екатерина Икконен
гр. 1411

И вдруг кто-то
закричал, что
закончилась война.

Всё отправляли на фронт

Валентина Петровна Самсонова (в девичестве — Звягина) родилась 10 мая 1930 года в селе Семёновка Курманевского района Оренбургской области.

Когда Валя училась во втором классе, семья переехала на станцию Колтубанка Бузулукского района. В родной деревне остались только дедушка с бабушкой. Отца призвали в Красную Армию с первых дней войны.

«В это время, — вспоминает Валентина Петровна, — мне было 11 лет, младшей сестрёнке — 4 года. Мама до войны была домохозяйкой, а теперь пришлось устроиться на работу. Так что все домашние хлопоты легли на мои хрупкие плечи. А ещё у нас была беременная соседка с ребёнком. Ей я тоже помогала — доила корову. Все огороды — посадка, прополка — были на мне.

В нашей школе открыли военный госпиталь, и мы учились в бараках. После занятий ходили в госпиталь, ухаживали за ранеными, писали письма их родственникам. А ещё мы копали картошку, вязали пуховые варежки и отправляли на фронт.

Валентина Петровна Самсонова
(справа) и сестра Рая. 1941 г.

Валентина Петровна
Самсонова

Каждый раз, идя в школу, несли с собой охапку дров, чтобы протопить печку, — в бараках было очень холодно. А уже в пятом классе вместе с учительницей ходили в лес, пилили дрова.

Когда фронт приблизился к Сталинграду, к нам стали долетать немецкие самолёты. И мы начали готовиться к войне. Ходили в лес, смотрели, где можно рыть землянки, где создавать партизанский отряд. Но немцы до нас не дошли. Так и прошло моё военное детство.

В День Победы мы сидели в школе. И вдруг кто-то закричал, что закончилась война. Мы сорвались с мест, выскочили на улицу и побежали с криками «Победа, победа!» Все обнимались, целовались, многие плакали.

В 1945 году умер дед, и я поехала в Семёновку — помочь бабушке управляться с хозяйством. Там прожила целый год.

В 16 лет меня взяли на работу секретарём в Главконсерв-трест, но с условием, что я освою пишущую машинку. Я освоила.

Позже я с отличием окончила педагогическое училище. Какое-то время поработала в школе. А когда вышла замуж, то мы вместе с мужем поступили в Ленинградский педагогический институт. После рождения сына жить стало трудно, не на что, и я пошла работать в вечернюю школу.

В 1961 году мы перебрались на Новгородчину. Потом и старший брат сюда переехал. Мама с сестрой жили в Душанбе, но в начале перестройки тоже приехали в Новгород.

Я 55 лет проработала в школе, из них 25 лет директором в школах города и области».

Екатерина Икконен
гр. 1411

Учил верному служению Отечеству

Василий Петрович Звягин родился 23 сентября 1926 года в селе Семёновка Курманаевского района Оренбургской области.

О своём старшем брате рассказывает Звягина Валентина Петровна:

«Он всегда был отличником в школе, очень дисциплинированным и послушным. А я считалась хулиганкой, меня часто вызывали к директору.

И вот когда в пятом классе меня в очередной раз пригласили в директорский кабинет, я очень испугалась. Но о моём поведении речи не было, мне передали для Васи повестку из военкомата. Это было в 1943 году. Брат тогда учился в девятом классе средней школы.

Василий Петрович Звягин

В тот день повестки получили все его ровесники. Издавна сложилось так, что наша деревня была разделена на две части, и мальчишки этих двух частей всегда дрались между собой. И в этот раз, пока они все вместе шли в военкомат, произошла очередная стычка.

Василий Петрович Звягин

Моего брата сильно ударили по голове, и он получил отсрочку на месяц. Всех остальных отправили на фронт.

Через месяц Василий стал курсантом лётного училища. А спустя полгода, после его окончания, брат уже воевал на 1-м Украинском фронте в 38-м бомбардировочном авиационном полку 19-й Краснознамённой Львовской дивизии, летал на пикирующем бомбардировщике Пе-2.

Василий Петрович награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной

войне 1941—1945 гг.», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», многими юбилейными медалями, нагрудным знаком «Фронтовик 1941—1945 гг.», шестнадцатью грамотами с объявлением благодарностей Верховного Главнокомандующего товарища Сталина».

Когда война закончилась, Звягина направили на учёбу в Москву, в 22-ю школу воздушных стрелков-радиострелков, где он и получил звание старшего лейтенанта. Служил на Дальнем Востоке, но в 1950 году по болезни его комиссовали.

В мирное время Василий Петрович окончил Ленинградский педагогический институт. Профессию учителя выбрал не случайно, в течение 45 лет работал в школе, стал ветераном педагогического труда. Многие годы был организатором внеклассной работы, а с введением в школе должности военрука работал военруком. **Как мог, всегда старался воспитывать настоящих патриотов своей Родины, учил верному служению Отечеству.**

Екатерина Икконен
гр. 1411

В первые же дни оккупации Новгородчины началась героическая борьба подпольщиков и партизан против вражеских войск.

Валентина Алексеевна Дуданова,
Екатерина Икконен

Партизанка Валя

Их семья поселилась в Новгороде только в 1939 году. В семье было трое детей, Валя — младшая.

Когда началась Великая Отечественная война, отец был в Новгороде, а дети с мамой отдыхали у тёти на даче в Чудовском районе. В тот день стояла прекрасная летняя погода, и на реке было много детворы. Дети купались, шумно плескались, было весело.

Вдруг неожиданно громко закричала мама, стала звать всех домой. Вале было только семь лет. Она ещё не понимала, что такое война, но по возбуждению взрослых сообразила, что это что-то страшное, и что с этого времени начнётся другая жизнь.

А уже через 4—5 дней налетели самолёты. Сплошной чёрной тучей, заполонившей небо, они направлялись в сторону Ленинграда.

Валентина Алексеевна вспоминает:

«На нас посыпались бомбы. Первая бомба попала в наш двухэтажный дом, который до революции принадлежал нашему деду — владельцу небольшого лесопильного завода.

В деревне жил мужчина, инвалид гражданской войны. Он посоветовал бежать в лес, чтобы спастись от бомбёжки. И мы побежали. Кто в чём был: в летних платицах, сандаликах... Самолёты, сбросив часть своего смертоносного груза, полетели дальше.

Мы переночевали в лесу и на следующий день пошли в направлении Николо-Вязицкого монастыря. Больше двух дней мы преодолевали эти 80 километров. Мы были полураздетыми, очень хотелось есть. Везде валялись тела убитых лошадей. Изголодавшиеся люди варили и ели это мясо. А наша мама есть не стала, и я отказалась вместе с ней.

Монахини встретили нас очень приветливо. Отдали всю, какая была, одежду, накормили, чем смогли. В помещение набилось много народу, было очень тесно, и мы спали сидя.

Рядом лежал раненный красноармеец. Мама, окончившая до войны курсы медсестёр, ухаживала за ним, и мы ей помогали. Когда раненому стало совсем плохо, он сказал маме: «Сними с меня фуфайку, я всё равно умру. Возьми детям». Добрые люди дали мне сапоги 41-го размера. Чтобы сапоги не сваливались, мама подложила туда сена.

Полицай из соседней деревни выдал нас немцам. Они пришли ночью и выгнали нас на улицу. Стариков и больных расстреляли сразу, а остальных погнали на станцию Батецкая. Дали чуть-чуть отдохнуть и опять ночью погнали дальше, в направлении Пскова. Мы были измученными, голодными, едва передвигали ноги. Но мама всю дорогу подбадривала меня: «Ты сильная девочка, ты всё выдержишь».

Последним пунктом нашего пути была деревня Козловичи Псковской области. Нас расселили по домам, хозяйка отвела маму с двумя старшими детьми и двумя своими дочерьми, ровесницами моей 17-летней сестры Ани, в подвал, завалив крышку всяким барахлом. Я вместе с хозяйкой осталась в доме.

Утром пришли немцы и, увидев женщину с маленьким ребёнком, трогать нас не стали. А ночью хозяйка вывела нас в лес, где, как она знала, формировался партизанский отряд.

И мы остались в партизанском отряде. Мама ухаживала за ранеными, мыла, стирала. Рвала простыни на полоски, а я сворачивала эти «бинты» в рулончики. Использованные бинты она стирала, сушила, а я опять их сворачивала. Со временем жить в бригаде стало легче. Когда начали прилетать самолёты с Большой земли, с медикаментами и питанием всё наладилось».

С самого начала войны на временно оккупированной территории страны начало формироваться партизанское движение — вооружённая борьба советских людей против немецко-фашистских захватчиков. Призыв к партизанской борьбе прозвучал в обращении к народу И. В. Сталина 3 июля 1941 года. 18 июля 1941 года ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск», в котором были сформулированы общие цели, задачи и основные формы борьбы. Партизанские отряды создавались партийными организациями на добровольных началах из местных активистов и выходящих из окружения бойцов и офицеров Красной Армии.

В первые же дни оккупации Новгородчины началась героическая борьба подпольщиков и партизан против вражеских войск. Отрезанные от советского тыла и не имевшие боевого опыта, они вступали в борьбу с вооружёнными до зубов немецкими частями. **Население оккупированных деревень считало партизан своими защитниками, своей вооружённой силой и всячески помогало,** оказывало содействие в борьбе с гитлеровскими захватчиками.

Со временем партизанское движение получило массовое развитие, росло, крепло и ширилось. В юго-западных районах Новгородской области партизаны объединились в 5-ю партизанскую бригаду, которой командовали Герои Советского Союза Константин Денисович Карицкий и комиссар Иван Иванович Сергунин.

Бригада вела крупные боевые операции, очищала населённые пункты от карателей, уничтожала органы оккупационной

власти. Наиболее чувствительные удары наносились в районе железных дорог с тем, чтобы дезорганизовать немецкий тыл, осложнить нормальное снабжение вражеской армии, а позже — её отступление.

Нападая внезапно, партизаны взрывали железнодорожное полотно и мосты, пускали под откос вражеские эшелоны и бронепоезда. Оккупанты нигде не находили себе покоя и укрытия от народных мстителей, были бессильны принять какие-либо действенные меры против партизан и, особенно в 43—44-м годах, ждали только случая, чтобы выбраться живыми.

Поначалу партизаны ощущали острый недостаток оружия, боеприпасов, медикаментов. Совершенно не было минно-взрывной техники и средств радиосвязи. Население подвергалось за связь с партизанами жесточайшему террору.

Для координации действий партизанских отрядов 30 мая 1942 года при Ставке был создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД). ЦШПД, подчиняясь Ставке, осуществлявшей общее руководство партизанским движением, работал в тесном контакте с Генеральным штабом, военными силами фронтов и армий, руководителями партийных органов республик и областей. «Большая земля» оказывала партизанским отрядам помощь оружием, боеприпасами, средствами связи, продовольствием.

Партизаны 5-й бригады взорвали 21 железнодорожный мост, 265 шоссейных мостов, 81 паровоз, около 400 вагонов с живой силой и техникой врага, в боях уничтожили более 12 тысяч гитлеровских солдат и офицеров. Было спасено от угона в Германию более 40 тысяч советских граждан, в сотнях населённых пунктов восстановлена Советская власть.

Валентина Алексеевна продолжает:

«Однажды партизаны нашей бригады вошли в деревню, где не было немцев. Но полицей сбежал в соседнюю деревню за подмогой. Как сейчас помню: идут сытые, холёные... Был страшный бой. Тогда же мы с моим 14-летним братишкой подорвались на mine. Ему ранило ноги, и, хотя обошлось

без непоправимой беды, он всю жизнь, особенно в преклонные годы, чувствовал эти раны. Меня контузило. Так и остался в правом ухе ослабленный слух на всю жизнь.

Я была в 5-й бригаде единственным ребёнком, и меня все любили. Я бегала по лагерю и громко пела всего несколько слов когда-то услышанной песни, единственной, которую знала: «Любимый город может спать спокойно». Мама ругала меня, говорила, что я мешаю отдыхать. Но раненые приглашали меня в свою землянку, просили спеть, и я с удовольствием выполняла их просьбу. Все смеялись, говорили, что я вырасту и стану артисткой.

Иван Иванович часто бывал в нашей землянке. Мама заваривала ему чай из собранных осенью трав. Он сажал меня на колени, прижимал к себе, говорил какие-то ласковые слова.

Моя 17-летняя сестричка Аня была связной между бригадами. Она ходила по деревням, собирала и передавала нужные сведения. Но однажды её выдал полицей. Аню схватили, заперли в бане и приказали расстрелять. Брат привёл меня в село. Я, маленькая, ходила, к немцам, просила отпустить сестру, но меня никто не хотел слушать.

На следующий день Аню повели на расстрел. У неё на груди была дощечка с надписью: «Я партизан. Я убивала немецких солдат». Но сестра не погибла, её отбили партизаны. Она была ранена; тяжело, но не смертельно. За ночь перед расстрелом Аня поседела. Её длинные русые волосы стали совершенно белыми. Так и жила она, юная девочка с белыми как снег волосами.

Одна местная жительница, услышав, что в отряде есть ребёнок, привела в лес молоденькую козочку Шуру, которая уже давала молоко. С тех пор я стала пить козье молоко, а мама поила им раненых».

После освобождения Новгорода, 3 марта 1944 года, семья вернулась домой. Продукты на дорогу выделили в отряде, Шуру взяли с собой.

Родной город встретил голодом, холодом, разрухой. Поначалу впали в отчаяние, не знали, что предпринять. Потом мама нашла уцелевший подвал у здания старого универмага (рядом с нынешним Клубом юных моряков), и семья поселилась в этом подвале. А когда весной стал протекать потолок, власти выделили маленькую каморку прямо в нише кремлёвской стены.

Валентина Алексеевна вспоминает:

«Было очень голодно. Варили и ели суп из лебеды, только вода и трава. Люди помогали друг другу, чем могли.

Помню, как-то шёл мужчина, ел жареную рыбку, а головки выбрасывал. Мы с подружкой шли сзади, подбирали эти головки и, даже не отряхнув от земли, мигом съедали. Столько лет прошло, но я и теперь, когда вижу у мусорных контейнеров выброшенные кусочки хлеба, поднимаю их и кладу повыше, чтобы никто не наступил ногой.

Перед самой войной, когда уже, казалось, в самой атмосфере и в душах людей поселилось тревожное ожидание беды, мама на чудовской даче кое-что закопала в землю: швейную машинку, несколько золотых монет и серебряный столовый сервиз, оставшийся от деда. Это нас и спасло от голодной смерти.

Мама ездила в Боровичи, меняла там наши «богатства» на отруби и жмых, тем и спасалась.

Мой отец без вести пропал в 1944 году, и мы, к сожалению, о нём ничего не знаем.

А когда пришла весть о Победе, на улицы выставили большие столы из грубо сколоченных досок и выложили на них всё, что было. Женщины радовались и плакали — Победа!

Когда появились хлебные карточки, нам давали одну буханочку с малюсеньким довесочком. Этот ломтик я не съедала сразу, а долго держала во рту, наслаждаясь его необыкновенным вкусом.

Время шло. Вышла замуж и уехала далеко на юг старшая сестра. Призвали на срочную службу в морфлот брата, где он и прослужил семь с половиной лет. А в это время тяжело заболела мама. Не осталась без последствий жизнь в холодном и сыром лесу: зимой по пояс в снегу, а летом — по щиколотки в воде. У мамы отнялись ноги, и больше, до самой смерти в 1979 году, она так и не поднялась, мой муж носил её на руках. Сам он умер в 1994 году.

Я осталась в семье за старшую, и пришлось мне идти на работу. Мне было только 15 лет, а я соврала, что 17, и меня взяли. Работа была очень тяжёлая, но мы радовались, что живы, и готовы были выдержать любые испытания.

Мы, молоденькие девочки, работали на стройке, таскали носилки с раствором, песком, гравием. Потом я сколотила комсомольско-молодёжную бригаду, и мы стали работать грузчиками. Нам дали машину — американский студебеккер. У него были такие высокие борта, что, стоя на дне кузова, мы не доставали до края. Открывали задний борт, грузили в кузов или разгружали стройматериалы. Мы обслуживали в основном свою стройку — Новгородский ремстройтрест. Из Ленинграда возили канализационные трубы, арматуру весом килограммов по 80, и мы всё это носили на своих плечах.

Мы построили Хутынский гараж и целый ряд двухэтажных домов на улице Суворовской, это рядом с Медицинским колледжем.

В 1957 году открылся завод имени Ленинского комсомола, и я стала работать в закрытом цеху на припайке триодов. Позже по семейным обстоятельствам с завода уволилась, устроилась на работу в поликлинику санитаркой в рентген-кабинет.

Пришло время, и я вышла замуж. У меня родился сын, в 60-е годы — дочь, затем вторая.

В 1954 году моей сестре нужны были какие-то справки, и мы вдвоём пошли к Ивану Ивановичу Сергунину, который

к тому времени уже был вторым секретарём Новгородского обкома партии. Сестру он узнал сразу, а про меня, уже взрослую и незнакомую, спросил: «Кто это?». «А это наша певунья». Он сразу стал меня обнимать, целовать и сказал: «Будь партизанкой. Будь такой, какой была в детстве». А потом мы долго сидели, разговаривали, вспоминали былое. И вдруг Иван Иванович весело сказал: «А мне иногда, когда остаюсь один в кабинете, так хочется громко запеть: «Любимый город может спать спокойно», да только боюсь, люди подумают, будто у меня не всё в порядке с головой». И после этих его слов я увидела прежнего Ивана Ивановича, человека исключительного обаяния, искренности, доброты».

2 апреля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение заданий командования в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, проявленные при этом мужество и героизм и за особые заслуги в развитии партизанского движения Ивану Ивановичу Сергунину присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда (№3408).

В 1944 году капитан Сергунин, выйдя в отставку, остался на партийной и советской работе в Новгородской области. Был вторым секретарём Новгородского обкома партии, затем председателем облисполкома. В 1983 году стал Почётным гражданином Великого Новгорода. Умер 3 июля 1998 года. Похоронен на Рождественском кладбище Великого Новгорода.

«В 1992 году, — продолжает Валентина Алексеевна, — я стала пенсионеркой. Ушли из жизни дорогие мне люди: сначала мама, потом — муж. Я тяжело переживала эту утрату. Тогда было трудно представить, что можно жить дальше и что всё ещё может наладиться. Но время лечит раны, даже такие тяжёлые, и сейчас в моей жизни всё хорошо. У меня трое замечательных детей, три внука. Жаль только, что годы ушли и здоровье не то. Но мне хочется жить и приносить пользу людям. Я состою в организации «Дети войны». Часто хожу по школам и рассказываю о войне, о том, чего нельзя забывать, о том, как нужно любить и беречь свой древний город».

Екатерина Икконен
Ольга Костюк
гр. 1411

В сознании
ленинградцев пожар
на Бадаевских
складах стал одним
из самых трагических
событий блокады
и символом начала
голода.

Ольга Костюк

Мы подбирали каждую крошечку

Вячеслав Владимирович Мацнев родился 10 марта 1938 года в Ленинграде

На Бадаевских складах Ленинграда хранились текущие запасы продовольствия. В начале блокады, 8 и 9 сентября 1941 года, во время первого массированного налёта фашистской авиации на Ленинград на складах вспыхнул пожар. Длился он более 5 часов. Сгорело больше 40 строений, в них было 3 тысячи тонн муки и около 2,5 тысяч тонн сахара. Были уничтожены полуторасуточные запасы муки и трёхсуточные — сахара. Часть горелых продуктов в дальнейшем была переработана пищевыми предприятиями. Остальное, как выяснилось много позже, было заранее рассредоточено на других складах по всему городу.

Вячеслав Владимирович Мацнев

В сознании ленинградцев пожар на Бадаевских складах стал одним из самых трагических событий блокады и символом начала голода 1941—1942 годов. В городе до сих пор живёт легенда о том, что именно этот злосчастный пожар стал его причиной. Удобное и весьма кстати появившееся мнение активно поддерживалось городскими властями. Оно маскировало и оправдывало в глазах населения просчёты и преступные ошибки руководителей города, не обеспечивших достаточных запасов продовольствия в начале войны.

По воспоминаниям очевидцев, ленинградцы со всего города сходились на Киевскую улицу с тем, чтобы раздобыть хоть кусочек земли, пропитанной расплавленным сахаром.

Вячеславу Владимировичу в начале блокады было всего три года. Вот что сохранила его память о том страшном времени:

«Жили мы тогда в Тучковом переулке в коммунальной квартире в доме №3 на Васильевском острове. В нашей семье было 3 детей: я и две мои младшие сестрёнки. Самая маленькая только что родилась, и мама её кормила грудным молоком.

Отец был ранен в ногу осколком снаряда в начале войны, когда стоял на посту, охраняя военные склады. Ногу пришлось ампутировать, и он лежал в госпитале здесь же, в осаждённом Ленинграде.

Бадаевские склады находились недалеко от Московского вокзала. Какой-то предатель навел на них немцев. После

налёта немецкой авиации склады полностью сгорели вместе с хранящимся там продовольствием.

Очень скоро мы ощутили нехватку продуктов. Нас постоянно мучил голод, все мысли были о еде, и это моё самое яркое детское воспоминание. После обеда мы с сестрой, которая была младше меня на год, ходили вокруг стола и подбирали каждую крошечку. Ели всё, что хоть чуть-чуть было пригодно в пищу, варили и ели студень из столлярного клея.

Помню, как-то началась воздушная тревога. Мама сильно всполошилась. Для маскировки, как обычно, занавесила окна. Что-то заставило её заглянуть в соседнюю комнату. Я пошёл вслед за ней. Там в полной темноте лежал на кровати наш мёртвый сосед.

Хоронить умерших было некому, не хватало сил. Их выносили из дома и оставляли прямо на улицах. Специальные похоронные службы ежедневно подбирали и увозили сотни трупов.

Позже мы переехали на улицу Жуковского. Собрались в бабушкиной квартире все оставшиеся в живых родственники, чтобы помогать друг другу. Вместе выживать было легче.

Однажды ночью я проснулся от сильного взрыва. На перекрёстке улиц Жуковского и Маяковского была школа, прямо в неё попала бомба, от здания остались одни развалины. Взрывной волной у нас были выбиты оконные стёкла, ветер раздувал занавески. Мама была изранена осколками стекла. Я, конечно, сразу заревел от страха.

Самая младшая моя сестрёнка, которая спала рядом со мной, в одну из ночей умерла. Это я помню очень хорошо.

В марте 1942 года нас вывозили из Ленинграда по «дороге жизни». Ехали мы на открытых грузовиках, и моя вторая сестрёнка сильно простудилась. Нас доставили в Старую

Ладогу. Там, в соборе, который сохранился до сих пор, был перевалочный пункт. Оттуда нас отправили дальше в товарных вагонах поезда.

По дороге сестричка умерла. Мама это долго скрывала, но попутчики заметили неладное и стали возмущаться, что в вагоне вместе с живыми везут мертвого ребёнка. Нам пришлось вынести ночью тело сестрёнки, оставить его на каком-то полустанке и ехать дальше. Много страшно-го и неприятного сохранилось в моей памяти.

Я с трехлетнего возраста отчётливо помню все события. А вот мои дети и внуки, думаю, и с пяти лет мало что помнят. В тяжёлое военное и послевоенное время все чувства были настолько обострены, что запечатлелись в памяти на всю жизнь.

Серьёзный провал в моей памяти случился почему-то с девяти до тринадцати лет. Вспоминаются только отдельные эпизоды.

Помню, что мы в нашей школе много читали. Был у нас мальчик, который плохо учился. Вдруг в какое-то время он увлёкся чтением и начал читать сутками напролёт. Вскоре этот мальчик, ко всеобщему удивлению, так быстро поднялся в учёбе, что стал одним из лучших учеников в классе.

Из блокадного Ленинграда нас вывезли на восток. Нашу семью дважды спасала ярославская деревня. Первый раз это случилось в 1918 году, после Октябрьской революции. Тогда дедушка, машинист поезда, вывез свою семью в Ярославскую область. А потом и мы оказались почти в том же месте. Оба раза нас выручал огород.

Я убеждён, что нам надо больше любить свою землю и быть к ней ближе. А мы, особенно молодёжь, стремимся в города. С тех пор, как я учил и сдавал философию, запомнил слова Энгельса о том, что большие города как порождение капитализма в будущем исчезнут. Они не соответ-

ствуют естественному состоянию человека, который должен жить на земле.

А что творится в Новгородской области? Людей, наоборот, загоняют в города. В сельской местности закрываются школы, клубы, магазины, люди вынуждены покидать родные места. Исчезают деревни, где веками жили наши предки».

На наш вопрос «Помнит ли он День победы?» Вячеслав Владимирович ответил:

«О-о-о, этот день я, конечно, помню. В Ленинград мы вернулись в 44-м году и поселились на ул. Марата, 17. **В День победы я вышел на площадь. А там салют! Все радуются. После столько дней непреходящего горя — такое долгожданное счастье! Тогда это понимали даже дети».**

Вячеслав Сизов

Евгений Фёдоров

Вячеслав Сизов

гр. 1041

Евгений Фёдоров

гр. 1411

Видеть глаза матерей

Состоялась встреча студентов Политехнического института с ветераном Афганистана Могилёвым Валерием Александровичем.

Талантливый рассказчик, умный, интеллигентный человек, немало повидавший на своём веку, он имеет собственный взгляд на события нашей давней и новейшей истории.

Война в Афганистане заставила переосмыслить многие привычные вещи, научила в человеке видеть главное, ценить человеческую жизнь, крепкую мужскую дружбу.

Студенты внимательно слушали честные и откровенные размышления Могилёва о человеке на войне. Были затронуты темы национальной политики, интернационализма, ответственности командира за судьбу своих солдат.

«Чеченцы, — рассказывает Валерий Николаевич, — прекрасные воины. Не пьют, не курят, занимаются спор-

том, потому физически здоровые, выносливые. Это гордый народ. Они никогда не забудут того, что мы натворили на их земле. Воевать против своего народа — что может быть абсурдней и страшней?

Генерал Борис Громов на афганской земле, как только мог, берёт своих солдат. А позже отказ воевать в Чечне стоил ему должности замминистра обороны. И я бы туда не поехал! Я никогда не буду стрелять в своих!

В Афганистане ценой собственного здоровья мне спас жизнь чеченский солдатик, закрыл меня своим телом, и почти все пули достались ему. Мой солдатик выжил,

награждён орденом Красной Звезды. Вернулся в Грозный, пошёл на работу в милицию, женился. Молодая семья ждала второго ребёнка. Но судьба с моим другом обошлась жестоко: на посту ГАИ его убили бандиты.

Валерий Александрович Могилёв

С того времени прошло много лет, но я до сих пор общаюсь с его женой, в ближайшее время жду в гости его младшую дочку. В течение последних десятилетий поддерживаю связь со многими боевыми товарищами и считаю их самыми близкими своими людьми. Среди них были армяне, казахи, татары... В тех

На привале

давних событиях национальность роли не играла, были важны человеческие и гражданские качества и чувства.

Мне неприятно и горько слышать, когда оскорбляют представителей других народов, тех, которые жили с нами в одной стране, вместе с нами выполняли свой воинский долг и были нашими настоящими братьями. Что с нами случилось? Почему мы так одичали?

С истоцёнными детьми, привезёнными в Ташкент из блокадного Ленинграда, узбеки делились последней лепёшкой. Разобрали их по домам, выходили, поставили на ноги.

Тогда их никто не называл «чурками». А теперь, за копейки работая в России, чтобы прокормить свои семьи, узбеки, таджики, молдаване стали людьми второго сорта? *Такое отношение к людям других национальностей, с которыми мы совсем недавно жили в одной стране, недостойно великого русского народа.*

И афганцы — вовсе не дикие люди из средневековья, как мы привыкли думать. Они бедные, но мудрые, гордые, легко-ранимые. Живут в стране с древней культурой, глубоко

Афганские дети. Г. Диларам. 1983 г.

чают свои многовековые традиции и имеют право распоряжаться своей судьбой без чужого вмешательства.

В нашем ОКСВ (Ограниченном контингенте советских войск) были отважные ребята — настоящие герои. Но и подлецов было много. Ради наживы убивали, насиловали мирных жителей, продавали в Кандагаре бензин, боеприпасы, продовольствие, обрекали на гибель товарищей.

Что на войне самое трудное? Посылать в бой своих солдат и знать, что не все вернутся назад, а потом отвечать перед их матерями, которые днём и ночью, неделями, месяцами думают об одном и том же: только бы не ранили, только бы был живой...

Довелось мне как-то беседовать с Василием Лановым, сыгравшим кадрового военного в известном советском фильме «Офицеры». Прекрасный человек и отличный актёр! Сколько ребят выбрали профессию защитника Родины под влиянием этого фильма!

А вот фильм Фёдора Бондарчука «9-я рота» — настоящее издевательство над правдой о войне. Невозможно пове-

Деревня Равенсбрюк, Германия. Комната советско-германской дружбы. Могилёв в центре. 1988 г.

рить в игру актёров, никогда не служивших в армии, не державших в руках оружия. В фильме масса фактических неточностей, искажений, преувеличений. Это оскорбляет память о погибших и изувеченных советских солдатах.

В ОКСВ было немало женщин. Мы относились к ним с безграничным уважением, не допускали никаких вольностей, тем более хамства».

Могилёв тепло отозвался о многих известных людях, с которыми довелось встречаться на афганской земле.

Например, высоко оценил исключительную порядочность и гражданскую позицию Иосифа Кобзона:

«Какая разница — еврей, не еврей?... Человек с большой буквы!

Народный артист выступал перед несколькими тысячами бойцов. В переполненном ангаре (разве что на люстрах не висели!), на пятидесятиградусной жаре! Всем позволил

раздеться, даже своим оркестрантам, а сам в сценическом костюме пел несколько часов подряд всеми любимые песни. Стоял и пел до тех пор, пока его готовы были слушать истосковавшиеся по Родине бойцы. А потом собрал у солдат полный чемодан записок, писем, телефонных номеров, чтобы, вернувшись в Москву, всем позвонить, передать по адресам. И ведь сделал, как обещал!»

Нашёл Валерий Александрович добрые слова и для нынешнего министра обороны Сердюкова, на долю которого выпала незавидная роль — разгрести годами копившиеся армейские проблемы.

По его мнению, при всех очевидных сложностях ситуация в армии меняется к лучшему.

Принята долгосрочная программа вооружения армии, суть которой в том, чтобы сделать армию боеспособной. Для этого активно закупается иностранная военная техника, по всей России загружаются заказами оборонные заводы. Наводится порядок в воинских частях. Хотя и медленно, но улучшается солдатский быт.

Могилёв (слева) с другом Суреном. Город Шинданд, Афганистан. 1982 г.

«Парням, — считает ветеран, — нужно обязательно послужить в армии. Там можно многому научиться, например, разбираться в людях. А чтобы в будущем стать руководителем на производстве, неплохо бы для начала покомандовать хоть небольшим армейским коллективом. В армии можно пройти школу настоящего муж-

Валерий Александрович Могилёв
после Афганистана. 1983 г.

ского воспитания, чего многие мальчишки лишены в семье.

В жизни постоянно что-то происходит. Мы меняемся ежедневно, ежечасно, ежеминутно, независимо от нашей воли. С каждой новой встречей, с каждым днём что-то меняется в нашем мироощущении, происходит трансформация нашего сознания. Из этой аудитории мы уже выйдем немножечко другими, чем были час назад.

*С возрастом я стал мягче, снисходительнее к чужим ошибкам. **И вам советую терпимее относиться к своим близким, больше любить их, чаще прощать мелкие промахи».***

Подполковник в отставке, кандидат педагогических наук Валерий Александрович Могилёв в течение 12 лет работал на кафедре педагогики. В настоящее время является помощником военного комиссара по работе с ветеранами, активно работает во многих общественных организациях.

В Афганистане был ранен, имеет боевые награды.

Ветеран ответил на все вопросы аудитории, и поскольку беседа была исключительно интересной, то она, без сомнения, оставила свой след в душе студентов.

Валерий Александрович отметил гражданскую и нравственную зрелость наших ребят и был искренне тронут их способностью правильно воспринимать непростые вопросы, которые приходилось решать старшему поколению в то противоречивое время.

Евгений Сосин
Евгений Фёдоров
гр. 1411

С боевых заданий машины нередко возвращались с продырявленным фюзеляжем, с изодранными в клочья крыльями и хвостовым оперением, все в дырках.

Евгений Сосин

Война — это тяжёлая работа

Леонид Александрович Баташанян родился 15 сентября 1923 года в Одессе. Через девять лет семья переехала в Харьков. Там в 1941 году Леонид окончил среднюю школу.

«В начале войны, — вспоминает ветеран, — мою маму направили на строительство оборонительных сооружений. Но вместо неё копать противотанковые рвы поехал я. Нас отвезли на железнодорожную станцию, где мы и копали эти очень глубокие, но, как потом оказалось, совершенно бесполезные рвы. Немецкие танки их преодолевали очень быстро.

Когда немцы подошли совсем близко, женщин отпустили домой, а нескольких мужчин, в том числе и меня, оставили при сапёрной части. Вот так в неполные 18 лет я оказался на фронте.

Евгений Сосин, Леонид Александрович Баташмян, Евгений Фёдоров

После сыпного тифа и тяжёлой контузии в 1944 году я частично потерял память. Да и времени с тех пор прошло немало — почти 70 лет. Много из того, что было в первые годы войны, я так и не вспомнил. Смутно вспоминаются отдельные, разрозненные эпизоды, которые не всегда складываются в целостную картину.

Не помню, как мы отступали и как я потом попал в запасной стрелковый полк. Приезжали командиры военных частей и из всех мобилизованных набирали себе бойцов. Меня вместе с другими новобранцами, у которых было среднее образование, направили в подмосковные Кузьминки, в училище командиров пулемётных рот.

Там, в Кузьминках, я и тренировался. Как-то, неловко перелезая через препятствия, повредил ногу, попал в госпиталь. Кость загноилась, и меня комиссовали. Направили на работу токарем на шарикоподшипниковый завод.

Через четыре месяца комиссия признала меня годным к военной службе. Меня направили в авиацию, в батальон аэро-

дромного обслуживания, где я и служил до зимы 1944 года. Мы охраняли аэродром, на котором дислоцировались штурмовики ИЛ-2».

Штурмовик ИЛ-2 в силу большой роли, которую он сыграл в борьбе с войсками вермахта, оценивается как первый среди главных самолётов Великой Отечественной войны. **Вклад в Победу этого легендарного самолёта трудно переоценить. ИЛ-2 — это «летающий танк», ставший самым массовым самолётом в истории авиации.** Каждый третий лётчик-штурмовик, ставший Героем Советского Союза, летал на ИЛ-2.

К 1944 году советская штурмовая авиация уже приобрела необходимый боевой опыт, мощь истребительной авиации тоже возросла. Появился двухместный вариант ИЛ-2, оснащённый более мощным двигателем. Были установлены кабина стрелка и крупнокалиберный пулёмёт. Относительное число наших потерь по сравнению с началом войны уменьшилось примерно в десять раз. С боевых заданий машины нередко возвращались с продырявленным фюзеляжем, с изодранными в клочья крыльями и хвостовым оперением, все в дырках. Крылья были из дюраля и частично из крепкого полотна, и Леонид научился эти дырки латать.

«В 1944 году, — продолжает Леонид Александрович, — я был на 2-м Украинском фронте. Помню Днепр, с одной стороны — разбомблённый Кременчуг, камня на камне не осталось, а через реку — железнодорожная станция Крюково — полностью уцелевшее деревянное здание. Это мне хорошо запомнилось, до сих пор перед глазами яркая картинка.

Наша часть принимала участие в Корсунь-Шевченковской операции, которая готовилась в очень сложной обстановке. Зима 1944 года была на Украине необычно тёплой. Часто шли дожди, почва превратилась в непролазную грязь. Гитлеровское командование не ожидало удара нашей армии в такую распутицу. Бездорожье затрудняло манёвр войск, подвоз материальных средств и использование авиацией грунтовых аэродромов. Наши войска мобилизовали

всех местных жителей, которые вместе со свободными от службы солдатами на руках доставляли снаряды.

Советские войска в ходе ожесточённых боёв сломили сопротивление противника и в конце января завершили окружение неприятельской группировки. Немцы предпринимали отчаянные попытки прорвать кольцо и выйти из окружения. Большую надежду гитлеровское командование возлагало на транспортную авиацию. С её помощью окружённые войска снабжались боеприпасами, медикаментами, продовольствием и даже горючим.

Однако все попытки противника вызволить свои войска из «котла» остались безуспешными. 17 февраля вражеская группировка была уничтожена, и только небольшой её части удалось вырваться из окружения. *Осталось значительное количество немецкой техники, которую не смогли вытащить из липкого чернозёма, так и стояла она долго-долго.*

Тогда же немцы разбомбили наши армейские вещевые склады. Сменить зимнее обмундирование на летнее возможности не было, переодеться было не во что. Мы до апреля ходили в ватных штанах. Я завишвел и подцепил сыпной тиф. В нашей части это был единственный случай. В военных госпиталях таких инфекционных отделений не было, и меня положили в гражданскую больницу».

Леонида после излечения и короткого отпуска направили в 55-ю миномётную бригаду, которая формировалась в городе Харьков. В составе 2-го Прибалтийского фронта под командованием маршала Баграмяна бригада противостояла курляндской группировке немцев. Наши войска несли огромные потери. Противнику по морю доставляли из Германии боеприпасы, продукты и вообще всё, что ему было нужно, и нашим войскам никак не удавалось замкнуть кольцо.

«Это продолжалось, — рассказывает Баташанян, — до 4 мая, аж пока 1-й Прибалтийский фронт, заняв Кёнигсберг, не выделил нам авиацию. Авиация так хорошо по-

работала на 2-й Прибалтийский, что буквально смешала небо с землёй. И тогда немцы пошли сдаваться толпой.

Война — это тяжёлая работа, работа без отдыха. Миномётный расчёт состоял из семи человек, я был сначала наводчиком, потом командиром. Тяжёлый миномёт было нелегко обслуживать, перевозить, устанавливать: вес миномёта — 980 кг, вес мины — 40 кг. А ещё надо было строить землянки. В Прибалтике это очень тяжело, потому что там сплошные болота.

Нередко приходилось спать под открытым небом. В последний год войны я ни разу не ночевал под крышей дома. В Прибалтике деревень нет, только хутора, ночевать там было негде. К тому же был приказ: с местным населением, которое к нам не благоволило, в контакт не вступать. Ещё раз повторяю: война — это тяжёлая работа и большие испытания. Мы перестали бояться смерти, привыкли к ней, потому что видели её каждый день.

Запомнилось ещё вот что. Мы не сразу узнали об окончании войны с немцами. Вышли на огневые позиции, и вдруг со всех сторон начали запускать ракеты. Мы сначала не поняли, в чём дело, а, когда по радиу сообщили, что немцы капитулировали, мы тоже начали стрелять вверх из автоматов.

У меня был трофейный немецкий пулемёт, я мечтал сбить вражеский самолёт. Но мне это ни разу не удалось. Самолёты летали, хоть и очень низко, но появлялись и исчезали внезапно. Вот самолёты-разведчики — рамы — летали очень высоко, были оснащены фотоаппаратурой, которая давала возможность рассмотреть на земле мельчайшие детали.

Германия капитулировала, и на западе страны война закончилась. Не успели отгреметь победные салюты, как нас погрузили в вагоны и повезли в неизвестном направлении. Вскоре мы узнали, что едем воевать с японцами. Наше передвижение было хорошо организовано. Ехали мы только ночью, днём стояли закрытые маскировочной сеткой.

Так мы пересекли всю Россию. Я видел и казахские степи, и Байкал, и Ангару. Ночью, помню, проехали бурятскую станцию Оловянную, а утром, опять под маскировочной сеткой, остановились на окраине монгольского города Чойбалсан. Там мы стояли неделю».

На Дальнем Востоке ещё оставался очаг напряжённости. Япония держала у границ СССР крупные вооружённые силы, угрожая Советскому Приморью и препятствуя судоходству. 8 августа Советский Союз, верный своему союзническому долгу, объявил войну Японии. Советским вооружённым силам, сосредоточенным на трёх фронтах — Забайкальском, 1-м и 2-м Дальневосточных, противостояла в Маньчжурии сильная Квантунская армия. Военные действия начались 9 августа.

Леонид Александрович продолжает:

«Мы сели в машины и буквально часа через полтора вошли на территорию Маньчжурии (Тогда это было самостоятельное марионеточное государство Маньчжоу-го, которое прекратило своё существование 19 августа 1945 года).

Войска Забайкальского фронта преодолели горы Большого Хингана и вышли в тыл Квантунской армии. Части, которые размещались в Приморье, развили наступление на Харбин. Монгольская народно-революционная армия наступала через пустынные степи Внутренней Монголии. Японское правительство, пребывая в шоке от атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки и первых поражений сухопутных войск, согласилось на безоговорочную капитуляцию.

Но отдельные части Квантунской армии всё равно сопротивлялись. Японцы — воины серьёзные, храбрые, буквально фанатичные и очень опасные. Я видел однажды, как смертельно раненный японский солдат, теряя последние силы, тянулся к винтовке, чтобы отправить на тот свет ещё хотя бы одного врага.

Советские войска вскоре заняли города Дальний и Порт-Артур в Корее, затем очистили от японцев Южный

Сахалин и высадились на Курильских островах. 2 сентября 1945 года Япония подписала «Акт о безоговорочной капитуляции», и вторая мировая война закончилась. Советско-японская война длилась 25 дней.

После войны я 2 года прослужил в Пхеньяне. Был рядовым, сержантом, старшим сержантом. Только в 1951 году, после окончания Харьковского юридического института, получил звание лейтенанта. Я никогда не мечтал о военной карьере, хотя мне не раз предлагали направление в военное училище.

В Пхеньяне жилось трудно: холера, чума, клещевой энцефалит. Это всё было. Зимы там всегда дождливые, электропроводка отвратительная, изоляция плохая. Были случаи гибели наших солдат от удара электрическим током. Дожди шли днём и ночью, а летом вдобавок всегда было жарко. Открываешь бумажник, а там — плесень. Жара и влага, как в бане. И так постоянно. От этого по телу шла сыпь, и настроение у всех было подавленное.

Чуму разносили не только крысы, но и тарбаганы, овцы. Когда начиналась эпидемия чумы, мы огораживали территорию воинской части рвом. Ров рыли от реки, и он быстро заполнялся водой. А ещё делали маленький островок, который служил изолятором для больных с температурой.

Помню ещё один интересный случай. Как-то я присутствовал на митинге. Из толпы в Ким Ир Сена бросили гранату, а наш солдат заслонил его своим телом. И, кажется, оба остались живы.

Что ещё запомнил? В Пхеньяне были маленькие магазинчики. Двери из дранок, обклеенных промасленной бумагой. Корейцы их никогда не запирали, просто закрывали на задвижку, и люди знали, что хозяина нет. Когда появились наши войска, то оставлять магазин без присмотра стало опасно. И хотя дверь можно было пальцем проткнуть, наивные корейцы стали навешивать большие замки, как будто этим можно защититься от грабителей.

Мой старший брат (старше меня на 4 года) был призван на срочную службу в 1939 году. Служил на Черноморском флоте, защищал и оставлял Севастополь, а потом его освобождал.

Отец до войны работал грузчиком в порту, потом стал профсоюзным работником. В первые дни войны был призван в железнодорожные войска. Я не видел его с начала войны до 1947 года».

Со своей женой, перенёсшей во время войны все тяготы фашистской неволи, Леонид Александрович прожил 60 лет. После её смерти в 2011 году ведёт довольно уединённый образ жизни. Несмотря на преклонные годы и слабое здоровье, освоил компьютер и теперь, не выходя из дома, много и охотно общается со своими детьми, внуками, правнуками. Они живут и в России, и за рубежом.

За свой ратный труд Леонид Александрович награждён многими орденами и медалями. Его, человека мыслящего, многое не устраивает в нашей нынешней жизни: коррупция, цинизм, непомерная жажда личного обогащения, разобщённость людей. Не нравится, как и кем ведётся в наших школах патриотическое воспитание. И мы полностью разделяем его озабоченность.

Мы желаем ветерану здоровья, долголетия, больше оптимизма, веры в молодёжь, значительная часть которой, несмотря на все проблемы, умеет тонко чувствовать, стремится к идеалам. Таких правильных и серьёзных молодых людей, искренне любящих свою страну и готовых потрудиться на её будущее, с каждым днём становится всё больше, хотя им, как и большинству россиян, живётся непросто.

Владислав Крутиков
гр. 0061

Советские люди, восстановившие из руин древний город, совершили настоящий подвиг.

Владислав Крутиков

У нас навсегда останется память

В январе 1944 года войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов нанесли немецко-фашистским захватчикам тяжелейшее поражение под Ленинградом и Новгородом. В ходе операции была полностью снята блокада Ленинграда, освобождены земли нынешних Ленинградской и Новгородской областей. Архивные документы и свидетельства очевидцев дают представление о масштабах разрушений древнего города.

За годы оккупации Новгород понёс огромные потери. В городе практически не осталось зданий, хотя бы частично пригодных для жилья. Были разрушены все больницы, школы, библиотеки,

Раиса Петровна Кострова

музеи, а также промышленные предприятия, водопровод, электростанции и другие сооружения городского хозяйства.

Сожжённое здание музея превратили в солдатские казармы. Большинство памятников оккупанты использовали для военных целей, устроив там наблюдательные пункты и огневые точки.

Значительное количество зданий, в том числе и не пострадавших от военных действий, подверглось разрушению со стороны войск, расквартированных

в Новгороде. Их использовали для получения строительных материалов и топлива: снималось кровельное железо, разбирались деревянные конструкции, разрушалась кладка стен. Многие церкви были взорваны немецкими войсками, а кирпич употреблён на строительство дорог. С первых дней оккупации деревянные постройки разбирались на сооружение блиндажей и частично — на дрова.

Вот как вспоминает это тяжёлое время представитель общественной организации «Коренные новгородцы» Раиса Петровна Кострова:

«20 января 1944 года Новгород был освобождён. На западе страны ещё шла война, советские войска гнали немцев с нашей земли. Но в древний город, истерзанный войной, уже возвращались жители, и его надо было восстанавливать.»

В феврале 1944 года наша семья вернулась в Новгород. Мой отец и 15-летний брат устроились в Северо-Западное пароходство. Работали мотористами на пароходе, таскали баржи с лесом, пиломатериалами, песком.

Нам дали комнату (восемь квадратных метров) в сохранившейся до наших дней каменной церкви Николы Белого, что на Звериной улице (сейчас там располагается Дом народного творчества). В церкви поселили 3 семьи, отапливались помещения только буржуйками.

Мне было 11 лет. Я училась в пятом классе школы № 2, что на улице Людогоще. Классные комнаты тоже отапливались буржуйками, трубы печек выходили прямо в окна.

В школе всегда было очень холодно, иногда замерзали чернила в чернильницах-«непроливайках». Тетрадей не было. Разлиновывали между печатными строками чистые места в старых газетах и брошюрах. Так и писали.

На уроках сидели в одежде. Нам постоянно хотелось есть. На большой перемене приносили в класс каждому из нас маленький кусочек хлеба с маслом и стакан чаю. Этого момента мы очень ждали.

Дома вокруг школы были разрушены, не было крыши и рам, а на развалинах всё лето пышно цвёл иван-чай. Никакого общественного транспорта, конечно, не было, улицы по вечерам не освещались. Люди жили в церквях или землянках. Бежишь, бывало, вдоль вала, а из земли огонёк светится.

Мы, дети, любили бегать на базар. Он был небольшим и располагался в том месте, где сейчас драмтеатр. Сюда приезжали люди из деревень, продавали огурцы, пирожки,

Раиса Петровна Кострова

Площадь Труда и ул. Мерецкова. 1944 г.

молоко, другую нехитрую снедь. И если у кого-то было хоть немного денег, то можно было купить пирожок или огурец.

Хорошо помню, как мы играли в разрушенном храме Покрова Богородицы и находили там немецкие трофеи. Как-то обнаружили остов легковой автомашины.

Город постепенно наполнялся людьми. Они разбирали завалы, строили небольшие щитовые дома, бараки, сажали в парке у кремля липы. На плавучем дебаркадере открылась больница для возничих, где меня лечили от малярии.

В подвале одного из домов на Дмитриевской заработала столовая. А мы ходили в столовую для возничих. Она открылась в церкви, где сейчас размещается санэпидстанция.

Продукты выдавались по карточкам. Хлеб: 500 грамм — для работающих и 250 грамм — для детей. Иногда

Первый субботник. 1944 г.

отец приносил талон на отрез диагонали или ситца, а то и на детскую обувь. Мы с мамой ходили по деревням, меняли это на зерно и картошку. Вот такое послевоенное детство мне запомнилось».

Прошло почти семь десятилетий. В современном Новгороде ничто не напоминает о немецкой оккупации в годы войны. Но память о событиях того времени до сих пор жива и будет жить вечно, ибо советские люди, восстановившие из руин древний город, совершили настоящий подвиг.

Владислав Крутиков
гр. 0061

Мы не падали духом

Ольга Викторовна Иванова (в девичестве Платонова) родилась 11 мая 1932 года в городе Новгород, на ул. Ильинской, 1. Дом стоял на берегу Волхова, вокруг дома был большой сад, и вся улица утопала в садах.

Ольга Викторовна вспоминает:

«В начале войны мне было девять лет, сестре — полтора года, старшему брату — 14 лет (он только что окончил семилетку). Отец ушёл на фронт с первых дней войны, и мать в 35 лет осталась с тремя детьми. Она медлила с эвакуацией, так как с нами жили её престарелые родители: наш дед Дмитрий Иванович, старый телеграфист, и бабушка Анна Петровна, которая вела домашнее хозяйство. До войны у нас была корова, а перед войной её продали, так как содержать её стало не по силам.

Когда начались бомбёжки и по радио объявляли воздушную тревогу, мы прятались в церкви Спаса Преображения. Она была через дорогу от нашего дома, рядом с церковью Ильи Пророка. Город горел, всюду рвались бомбы и снаряды.

Бабушка с дедом стали уговаривать маму бежать из города в сторону Деревяниц, там стояли баржи для эвакуации оставшихся новгородцев. Дед уверял, что мы скоро вернёмся назад, ибо «не было ещё в истории Новгорода такого, чтобы город сдали врагу». Он обращался к маме, просил её: «Тебе надо спасать детей. О нас с матерью не беспокойся. Мы останемся и присмотрим за домом».

Брату Коле собрали котомку с едой, а маленькую Верочку бабушка привязала большим клетчатым платком к маминей груди. Потом вышла с иконой и, перекрестив, благословила нас.

И мы побежали: впереди Коля, за ним — мама с ребёнком на груди, а я держусь за мамину юбку.

У церкви Апостола Филиппа был продуктовый склад, нам дали на дорогу большой кулёк печенья. Бежали по берегу Волхова, а в центре города гремели взрывы, рвались снаряды. Когда летели немецкие самолёты, мы прятались в кустах.

Добежали до Деревяниц. В первую баржу, закрытую, нас не взяли, она была уже переполнена. Велели пробежать ещё километра два. Там стояла вторая баржа, открытая. Сели мы в эту баржу. Мамочка, измученная дорогой, нашла у стенки сухое местечко, куда мы и пристроились.

Баржу заполнили беженцами, мужчины большими кольями оттолкнулись от берега, и мы поплыли по течению своим ходом. Это было 14—15 августа 1941 года.

Над нами часто кружили немецкие самолёты, но они нас не разбомбили. Когда самолёт опасно снижался, мамочка закрывала нас платком и просила: «Не смотрите, не смотрите на небо...»

А закрытую баржу, которая плыла за нами, разбомбили. Многие люди тонули, наши бойцы их спасали. Потом, чтобы не попасть в плен, беженцы семь километров шли пешком. Об этом нам рассказала наша родственница.

Ольга Викторовна Иванова

Ольга Дмитриевна Платонова
(мама Ольги Викторовны)

в Вологде. А оттуда нас отправили в деревню Чучково Сокольского района.

Поселили нас в доме, где жили муж и жена: дядя Миша и тётя Лариса. Эти добрые, жалостливые люди пустили нас в свой дом. Мама устроилась на работу в пекарню и всю войну пекла хлеб. Из хлеба сушили сухари и отправляли на фронт. В школу в тот год я не ходила, так как нечего было надеть.

Брат Коля уехал в ремесленное училище, где выучился на кузнеца, а затем с пятнадцати лет всю войну проработал на военном заводе кузнецом, ковал детали к снарядам. Как-то мамочка с поклажей — где пешком, а где на лошади — за сто километров добралась до города Сокола, отвезла Коле в котомке сухари и то из продуктов, что дали соседи. На военный завод чужих не пускали. Коля с ребятами вышли к ней навстречу, и всё, что она везла, разобрали в один миг. Эти подростки работали и спали на заводе.

Позднее нас подхватил пароходик, и мы прибыли в Волховстрой. Там нас посадили в вагоны, принесли в ведрах пищенную кашу. Мы плыли около недели и ели только то, что было взято с собой. Каша нам понравилась, и ели мы её с большим аппетитом.

Как только поезд тронулся, появился немецкий самолёт и начал нас бомбить. Было очень страшно, но поезд быстро набирал скорость, и нам удалось уйти.

Поскольку у нас было трое детей, то по маминой просьбе нам разрешили выйти

Так мы жили в Чучкове до июня 1945 года. А потом маме с новгородского главпочтамта прислали вызов, чтобы мы смогли вернуться в Новгород. Хозяева уговаривали нас немного подождать — ведь там разруха. Но нам хотелось домой.

Ещё в марте 43-го года пришло извещение о гибели отца под городом Старая Русса. Поэтому мама обратилась с просьбой, чтобы на родину отпустили брата. А когда ей отказали, она обратилась в Москву к М. И. Калинину. Вскоре пришёл ответ, и Колю отпустили.

И вот мы вернулись в наш родной город. В город, которого не было. Всё было в развалинах, заросло бурьяном. Бежим по улице Ильинской к своему дому, и... перед нами пепелище, виден фундамент. Сели мы и заплакали. Оказывается, когда немцы вошли в город, они с факелами стали жечь дома. Обезумевшая от горя бабушка трижды тушила свой полыхающий дом. Немцы её арестовали, и там к утру она умерла.

А дедушки не стало ещё раньше. Когда нас только проводили и немного стихла бомбёжка, он пошёл на Волхов за водой, чтобы поставить самовар. Домой он больше не вернулся, кто-то застрелил его прямо в грудь. Раненая собака прибежала домой. Кругом рвались снаряды, и бабушка к телу деда подойти не могла. Только через четыре дня соседи помогли притащить тело на простыне. Похоронили в костюме связиста у церкви Илии Пророка.

Александр Васильевич Иванов
(муж Ольги Викторовны) ушел
на фронт в 17 лет

1 класс, 1941 г. Ольга Викторовна Иванова третья слева в верхнем ряду

Всё это нам рассказали соседи, которые с дедом и бабушкой были рядом. Мамочка эту печальную весть еле пережила.

Мы поселились в церкви Илии Пророка, где, кроме нас, жили ещё тридцать человек. Кровати — с пепелища, нам дали одну и кое-как втиснули её между другими.

Мать стала работать на главпочтамте, а Коля на телефонной станции налаживал связь. Мать носила деньги — пенсии и пособия — в церкви, подвалы, землянки, коробки семьям погибших. В разрушенном городе найти людей было трудно. Она меня, девочку, часто брала с собой, так как было страшно одной нести сумку с деньгами, особенно на окраины.

После работы взрослые и дети ходили разбирать развалины домов, сажали деревья. Хлеб и крупу давали по карточкам. Мы на четверых получали чуть больше половины буханки. На базаре буханка хлеба стоила сто рублей. Однажды мне в День рождения дальняя родственница подарила десять рублей. Я побежала на улицу Боровичскую — купить на базаре кусочек хлеба. Но в этот день кусочек хлеба уже продавали за пятнадцать рублей.

Я растерялась, стою, мну в руке десятку, говорю, что у меня сегодня День рождения... Тогда женщина смилостивилась: «Ну ладно, бери за десять». Я обрадовалась и побежала домой, чтобы поделиться с младшей сестрой.

Так в нищете, голоде и холоде прошли моё детство и юность. Мы, дети войны, остались сиротами, без отцов. Как могли, помогали своим матерям, не дождавшимся с войны мужей. Но мы не падали духом.

Я выучилась, окончила среднюю школу № 4, где мы с И. Н. Жуковой создавали музей, посвящённый нашему городу; музей и сейчас работает. Затем я окончила в Новгороде учительский институт, потом педагогический институт им. Герцена в Ленинграде. Получила профессию учителя географии, биологии и химии. Всю жизнь трудилась в школе, была учителем, завучем, директором. Сорок лет служила школе! У меня шесть наград, одна из них «Ветеран труда»; много грамот Министерства просвещения СССР. Получила звание «Учитель-методист», читала лекции по линии общества «Знание».

Сейчас я на пенсии. С радостью хожу в «Клуб коренных новгородцев». Я люблю свой город и с удовольствием гуляю по нему в любую погоду.

Когда читаешь этот грустный рассказ о послевоенном времени, трудно поверить, что речь идёт о нашем прекрасном городе. Низкий поклон тем известным и неизвестным людям, которые подняли его из руин! Хочется сделать всё, что в наших силах, чтобы Новгород стал ещё более красивым и удобным для жизни.

Сергей Бугров

Константин Епифанов

**Сергей Бугров
Константин Епифанов**
гр. 9411

Война — это грустная история

В 1939 году Любови Ивановне Высочиной исполнилось 18 лет. Она окончила медицинский техникум и получила направление на работу. Но уже через месяц её вызвали в военкомат и отправили на Карельский перешеек, где дислоцировалась одна из советских воинских частей.

Любовь Ивановна вспоминает:

«Вскоре мы — я и ещё две девушки из нашей группы — оказались в санроте стрелкового полка. Кроме нас, там были ещё и парни: фельдшеры и санитары.

Сергей Бугров, Любовь Ивановна, Константин Епифанов

Полк стоял в лесу. Там же, в палатке, располагалась санрота. Через короткое время нас вызвали в штаб полка и отправили на работу в Ленинград.

Когда началась война с Финляндией, мы уже работали в Ленинградском госпитале. Зима в том году была очень холодная. Морозы стояли сильные — больше 40 градусов, и было очень много обмороженных. До конца войны мы работали в этом госпитале. А уже в апреле попали в распоряжение Новгородского райвоенкомата. В Новгородском госпитале тоже было много больных и раненых. Из-за обморожения часто делали ампутации.

А когда раненых стало меньше, госпитали укрупнили, и всех пациентов из нескольких госпиталей перевели в один. В кремле около Софийского собора располагалось здание педучилища. Мы с девочками там жили. Здесь же с нами проводили специальные занятия. Мы ждали приказа о демобилизации. Советско-Финская война длилась четыре месяца, с 30 ноября 1939 года до 13 марта 1940 года, а я

Любовь Ивановна Высочина справа

числилась военнотружачей почти год.

И вот прошло совсем немного времени. В воскресенье 22 июня 1941 года я была на работе в больнице. В 12 часов дня по радио сообщили, что на Советский Союз напала фашистская Германия.

У нас была большая дежурка, одна на два отделения. Мы с напарницей сидели на широком подоконнике и в голос рыдали. Хорошо представляли, что нас ждёт в ближайшее время. А из окна видели, как по улице с песнями из Дома культуры шла молодёжь, которая ещё ни о чём не подозревала».

В первую же ночь после объявления войны Любе в отделение больницы принесли повестку: 25 июня явиться к 10 часам в военкомат. И с этого дня она опять была в Красной Армии.

Сначала её отправили в Старую Руссу. Там на базе курорта был организован госпиталь. **С первых недель войны город начали бомбить: в 6 часов утра и в 6 часов вечера, как по часам.** Все знали и помнили, что в это время надо прятаться. И уже были заброшены шпионы.

«Я помню, — продолжает Любовь Ивановна, — как-то нам показался странным один случай. В госпитале работали врачи, которые друг друга давно знали. И вдруг один из них увидел на территории незнакомого мужчину в белом халате, который спокойно сидел на скамеечке. Врач сел рядом

и заговорил: «Вы что, здесь работаете?» — «Да, я врач, меня прислали», — ответил незнакомец. А наш врач знал, что из всего нового медперсонала прибыли только медсестры. Он пошел к политруку госпиталя и рассказал о необычной встрече. Тот проверил у «новичка» документы. Оказалось, что это заброшенный к нам немецкий шпион.

Каждый раз во время бомбёжек было много жертв. Нам рассказали, что в Демянском районе у станции Лычково разбомбили поезд с ленинградскими детьми, которых вывозили из города.

В июле пришёл приказ об эвакуации нашего госпиталя. Нам дали состав, и мы сначала отправили раненых, а потом стали грузить имущество. Курорт был богатый, оборудования много. Мы грузили целых три дня!

И вот заметили: уже третий день привозим на машинах имущество, грузим, а какой-то старший лейтенант всё время ходит по платформе туда-сюда и наблюдает за нами. Мы сказали политруку, что этот товарищ уж очень подозрительно себя ведёт. И мы опять беспокоились не напрасно. «Лейтенанта» забрали. Оказалось, что он тоже вражеский диверсант».

Госпиталь из Старой Руссы эвакуировали в Калининскую область, в город Красный Холм. Там в зданиях городских школ размещали госпитали. Но в этом городе Люба работала недолго.

В начале войны у всех советских людей, особенно у молодежи, был очень высокий патриотизм! Все рвались воевать с врагом. И девушки — медсестры тоже написали рапорты, попросили, чтобы их отправили на фронт. Заявления отослали в Военный Совет РСФСР. Пришел ответ: «Откомандировать всех троих по собственному желанию в действующую армию».

Прямо из Красного Холма девушек направили в 225-ю стрелковую дивизию, которая стояла под Новгородом, растянувшись от озера Ильмень далеко по Волхову до Дубровки и даже немного дальше. Вот такой была линия обороны.

Раненные поступали постоянно. Левый берег Волхова очень низкий, в окопах всегда была вода, и чтобы не стоять в воде, солдаты на посту подставляли ящики. На этих ящиках они были хорошо видны издали и совершенно беззащитны перед вражескими пулями.

И вот так 225-я дивизия практически на одном месте находилась до 20 января 1944 года. Правда, после оккупации Новгорода в августе 1941 года немецкими войсками командование группировки Красной Армии не раз предпринимало попытки по освобождению города, но успехом они не увенчались.

В ночь на 29 января группой из 20 человек под командованием сержанта Ивана Герасименко, командира отделения 299-го стрелкового полка 225-й стрелковой дивизии, была предпринята вылазка на левый берег Волхова с целью выявления и уничтожения огневых точек противника.

Бой завязался в районе мостовой насыпи у так называемых «быков» — опор недостроенного в 1914 году моста через Волхов. В ходе недолгого боя красноармейцам удалось частично выполнить боевую задачу, однако они попали под перекрёстный огонь двух замаскированных дзотов противника. Сзади — открытое пространство заледеневшей реки. Положение было критическим. И тогда, чтобы спасти жизнь товарищей, сержант Иван Герасименко своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота. Следом за ним на другой дзот легли друг за другом рядовые Леонтий Черемнов и Александр Красилов. Закрыв пулемёты своими телами, они на некоторое время приглушили стрельбу, что дало возможность остальным бойцам перегруппироваться и продолжить бой с более выгодных позиций.

21 февраля 1944 года всем троим было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. В честь Ивана Герасименко, Леонтия Черемнова, Александра Красилова названы новгородские улицы, установлены обелиски на месте их героической гибели и на Ярославовом дворище.

«В прежние годы, — рассказывает Любовь Ивановна, — когда на встречи ветеранов нашей дивизии приезжало

по 400—500 человек со всего Советского Союза, мы посещали места боевой славы, в том числе место гибели Героев.

А вот дочь Черемнова и сейчас живёт в Новгороде. Они с матерью переехали сюда, чтобы быть поближе к месту захоронения отца и мужа.

Лично я ни с кем из Героев знакома не была. Дивизия у нас большая — четыре полка. Знала в основном тех, кто лечился в нашей палатке с нетяжёлыми ранениями. А остальных сразу отправляли в госпиталь, но делать это старались пореже. Иначе в полках оставалось бы совсем мало бойцов. Новобранцев на всех не хватало, их присылали нечасто.

Вот так мы здесь и стояли. В 1943 году мы наступали там, где расположено Рождественское кладбище. От кладбища до леса — местность сырая, болотистая, да ещё протекает небольшой ручеек. Наше наступление началось 20 марта, и длилось целую неделю.

Получалось так — немцы и наши стреляли из пушек, а снаряды падали в эту болотную жижу. Хотя они разрывались далеко не всегда (для этого нужен удар о твёрдую поверхность), в болоте погибло много наших бойцов.

Когда после войны ветераны приезжали в Новгород на места былых боёв, то всегда ходили на Рождественское кладбище. Вспоминали то неудачное мартовское наступление 43-го года и своих однополчан, которые погибли в болоте и здесь же нашли себе могилу. Ветераны добились, чтобы городские власти установили на этом месте десятиметровый чёрный крест.

Тогда, во время нашего наступления, немцы около кладбищенской церкви поставили усилитель. И ставили пластинки: «Напрасно старушка ждет сына домой» или «Катюшу». **А в перерывах громко вещали: «Сдавайтесь, вас послали на гибель. Сдавайтесь в плен, мы вам сохраним жизнь».** И так каждый день с утра до вечера. В тот раз мы уже до вала дошли. Потом силы иссякли, помощи не было, на этом всё закончилось. Около

Рождественского кладбища столько людей положили, около 700 человек!

Во время встреч ветераны просили начать поисковую работу. И такая работа началась. Около вала найдены останки уже около 200 красноармейцев. Там же рядом, на кладбище, их торжественно похоронили. Были священник и много новгородцев.

Я на этом кладбище часто бываю, там похоронены мои родители. А захоронение воинов-освободителей долго оставалось неблагоустроенным. Прошли торжественные похороны, и всё. О воинском захоронении забыли, как-то у власти не доходили до него руки. А люди, навещая могилы своих родственников, подходили, и кто яичко положит, кто цветочки на траву. Тогда я пошла к председателю горсовета: «Неужели люди, освобождавшие Новгород, не заслужили более достойного отношения?»

Меня слышали, сделали ограду и установили мемориальную доску: «Погибшим воинам 225-й стрелковой дивизии».

Наступление, в результате которого Новгород был освобождён, состоялось в 1944 году. Готовиться к нему начали заранее. Не было грузовиков, чтобы перевозить тяжести, 45-миллиметровые пушки таскали упряжками лошадей. Дороги везде были разбиты. Перед самым наступлением на Новгород мы стояли около Савина.

Зима, сильный мороз. Нам было приказано всё имущество, палатки, инструменты погрузить на машины, а самим идти пешком. На машины если и брали людей, то одного-двух человек. Для того, чтобы, когда мы подойдём, палатки уже были натянуты и можно было сразу приступить к работе. С нами был мужчина из местных, знавший дорогу через лес, и мы шли от Мшаги до Холыньи.

Солдатам приходилось ложиться на снег, поэтому им выдавали полушубки, а мы шли в такую даль в шинелях и кирзовых сапогах.

Вышли около Холыньи. На высоком берегу Мсты сильный ветер. Добраться бы до любой домишки, чтобы хоть от ветра спрятаться! Вся дивизия, все четыре полка — один артиллерийский и три стрелковых — собрались в Холыньи.

Чтобы враг не заметил подготовки к наступлению, все пушки заворачивали в белую ткань. Мы, помню, ещё удивлялись, откуда взяли столько белого материала?

Маскировались мы не зря. Получилось, как и задумали: наше наступление для немцев в такой сильный мороз стало полной неожиданностью. Они спросонья выбегали на улицу полураздетыми.

Ночью с 19 на 20 января началось наше главное наступление. Мы, медсанчасть, расположились у истока Волхова, и именно в этот угол у самого озера нам должны были привозить раненых. Скоро появились раненые. Их доставляли в основном на аэросанях. Туда везут снаряды, а обратно — раненых.

А после Новгорода освобождали Псковскую область. Обычно наше имущество возили, а мы всё время шли пешком. Позже дали составы. Все четыре полка и подсобные подразделения погрузились в вагоны и прямым ходом уже в Польшу. Вот такой быстрый скачок мы сделали. Освободили Польшу, войну закончили в Чехословакии.

В Чехословакии нас очень хорошо встречали. Люди там добрые. Навстречу нам даже со знамёнами выходили. Угощали мужчин домашним вином, вытаскивали заранее приготовленные бутылки и говорили: «Мы знали, что русские придут». На Сандомирском плацдарме нам объявили, что война закончилась.

С того времени у меня сохранилась только одна фотография, копию которой я передала в Музей 225-й Новгородской Краснознамённой ордена Кутузова 2-й степени стрелковой дивизии, который в 1978 году открылся при средней школе № 10.

Раньше я в этой школе часто бывала, посещала музей. И другие ветераны, побывавшие здесь, приносили сюда всё, что у них осталось с войны. Мы надеялись, что в музее всё сохранится. И всё оставалось в целости, пока был жив мой муж, председатель Совета ветеранов 225-й дивизии, участник боевых действий по освобождению Новгорода Александр Иванович Высочин. Потом некоторые экспонаты исчезли. А как будет теперь — не знаю. Думаю, что люди, которые занимаются музеем сегодня, относятся к делу так же ответственно. Слышала, какой-то предприниматель взялся обустроить этот музей в отдельной комнате и стилизовать его под землянку.

Около школы №7 на улице Пролетарской есть место захоронения 56 красноармейцев. Однажды весной огородник на своем участке случайно выкопал дуло от винтовки. Поисковики заинтересовались, раскопали основание дома и обнаружили в подвале останки красноармейцев. Сохранились даже документы, поимённые списки.

Судя по фактам, произошло следующее. Немцы заняли Новгород, а не успевшие отступить красноармейцы укрылись в подвале. Сдаться врагу отказались. Немцы в подвал пустили газ, и все бойцы погибли.

Выяснилось, что все погибшие из 225-й дивизии. Красноармейцев торжественно перезахоронили у монумента Победы, а на месте их гибели установили памятный знак. Мы, ветераны, туда ходим и возлагаем цветы. А благодаря документам даже некоторые родственники нашлись. Они тоже сюда приезжают в День Победы.

Война — это грустная история, очень грустная. Тем более, когда на работе постоянно сталкиваешься с болью и смертью и узнаешь: того убили, того ранили. Это тяжело.

А был еще такой случай. Это произошло в Прибалтике в 1944 году. Наш грузовик с палаткой и ящиками с инструментами переезжал на новое место. Мы с одной девчонкой были в кузове, а наш врач — в кабине с шофером. Осень, день

хороший, солнечный. И вот мы едем. Вдруг видим: солдат стоит на дороге с поднятой рукой. Когда машина остановилась, он рассказал врачу, что девять дней назад здесь были бои. Осталось много раненых, наших и немцев. Врач отдал команду посмотреть, кто и что. И мы пошли по дороге. Смотрим: немец лежит живой и тянет руки, что-то пытается сказать. Но солдат говорит: «Идёмте дальше, я вам покажу».

Мы пошли дальше. В лесу на небольшой опушке лежат наши убитые, и сбоку, в землянке, от одной стенки до другой, тоже лежат убитые, и среди убитых поднялась рука. Видимо, раненый услышал русскую речь и поднял руку. Мы его вытащили. Он был ранен в ногу, рядом с ним лежал убитый лейтенант с орденом Красного Знамени на груди.

Нашли его документы, взяли с собой. Потом пошли за носилками, положили раненого и понесли: я несла носилки сзади, а моя подруга Маша Горшкова — впереди. И так мы шли, шли, и вдруг взрыв. Маша наступила на противопехотную мину, и ей оторвало ногу. Носилки упали. Я стою в шоке и не знаю, что делать. Побежала в машину, взяла жгут. Врач сказал, что остановит первую же машину, чтобы отвезти раненую в госпиталь.

Я ей забинтовала рану, наложила жгут, сунула бумажку с указанием времени наложения жгута (его больше двух часов держать нельзя), и Машу отправили. Вот так ехали, вроде ничего особенного не ожидали — ведь далеко от фронта. И на тебе. Я и сейчас, рассказывая вам об этом, мысленно нахожусь на месте той трагедии.

Бои прошли девять дней назад, а раненых по-прежнему много. В госпиталь отправляли только тяжелораненых, которых можно перевозить. Когда мы везли их, они все просили у нас пить. Раненых легко не брали: потерпят немножко. А если кого-то нельзя было эвакуировать, то рядом оставляли медсестру и санитаря. Санитарная машина уезжала, а мы ждали, пока наш подопечный не придет в себя настолько, чтобы его было можно везти.

Как-то раз санитар пошел в близлежащую деревню за водой. У колодца встретились с немцем. Оба без оружия, разошлись мирно.

В другой раз была похожая ситуация. Пошла девчонка за водой к колодезю и тоже встретила немца. Ведром его по лицу ударила, а сама убежала. Разные случаи бывали.

По молодости, если выпадала свободная минутка, иногда хулиганили. Помню, под Новгородом фельдшеры и санитары построили себе домик, а мы, медсестры, жили там, где палатку поставят. Так мы другой раз, если раненых немного, — а ночью на дежурстве спать нельзя, — двери парням подпирали, чтобы те выйти не могли. А однажды начальника аптеки привязали за ухо бинтом и дергали через окошко палатки. В общем, молодость есть молодость. Даже на войне».

Константин Епифанов, Юлия Константиновна Матанова, Сергей Бугров

Сергей Бугров
Константин Епифанов
гр. 9411

Все верили в нашу победу

Юлия Константиновна Матанова родилась 1 января 1924 года в Ленинграде. Её мама работала учительницей, отец — бухгалтером. Юлия была в семье старшей из пяти дочерей.

Юлия Константиновна вспоминает:

«Мама очень рано научила меня читать и писать, к семи годам я уже знала программу первых трёх классов. Поэтому десятилетку успела окончить до войны. Училась я хорошо, в аттестате были только две «четвёрки», остальные «пятёрки».

Юлия Константиновна Матанова

му что тогда в школу принимали с восемью лет».

7 июля молодёжь отправили на берега Мсты — рыть противотанковые рвы. Юлия оказалась в деревне Маловишерского района с необычным названием Парни. До этого дня многие из девушек и лопату-то в руках ни разу не держали. А тут копали днём и ночью, откуда только силы брались!

Немцев ждали с одной стороны, а они пришли с другой: взорвали мост через Волхов, высадили десант в Чудове и пошли на Новгород.

В один из вечеров позвонил встревоженный председатель поселкового совета: «Девочки, немцы уже в Новгороде. Немедленно бегите в Малую Вишеру! Там ещё стоят наши войска».

Девушки быстро собрались. У каждой на плече лопата, в руках маленькая сумочка, а в ней только кофточка да тапочки, больше ничего.

Таковыми они и явились в Малую Вишеру. Из документов — одна на всех бумажка, что они идут с трудового фронта.

22 июня 1941 года я отсыпалась после выпускного вечера. И вдруг меня разбудил дедушка: «Вставай, война!» Отмахнулась: «Какая война? Дайте человеку поспать». Я не сразу поняла, о чём он говорит, настолько всё это отличалось от наших вчерашних планов на будущее. Так я впервые услышала о войне.

Хотя мне было 17 лет, я выглядела на 15: маленькая, худенькая, бантики в косичках. Многие мои сверстники к этому возрасту успели окончить только 8 или 9 классов, потому

Юлия Константиновна продолжает:

«Уже темнело, мы валились с ног от усталости, а кругом стрельба, бомбёжка, грохот взрывов. Мы тряслись от страха, впервые столкнувшись с войной.

В Малой Вишере у нашей семьи была дача. Мама с младшими сестрёнками могла быть там. Но на дверях домика висел замок. Бросилась к одним соседям, к другим: «Не знаете, где наши?». Одна соседка сказала, что, возможно, они у своих знакомых на 2-й Поперечной улице. Там я и нашла своих родных. Упала у порога, так и уснула на полу. Оно и понятно — 60 километров чуть ли не бегом бежали.

Хлеб уже выдавали по карточкам, а у нас их не было. Что делать? На следующий день мы всей толпой пошли в военкомат. Нам дали временные карточки, на которые полагалось по 300 грамм хлеба. Комендант сказал: «Девочки, вам здесь оставаться нельзя. Не сегодня-завтра Малую Вишеру совсем разбомбят. Я могу посадить вас в товарный эшелон. Но вам достанется место только где-нибудь сбоку, на приступочке. Сможете усидеть, — значит, вас отсюда вывезут».

Мы были готовы ехать куда угодно, только бы подальше от бомбёжки. Ехали долго, несколько дней, потому что эшелон часто и подолгу стоял. Привезли нас в Ярославль. А что делать дальше? Надо куда-то устраиваться на работу, потому что без этого — ни карточек, ни денег. Есть

Юлия Константиновна Матанова

Юлия Константиновна Матанова

Попать в технический вуз и уже немного разбиралась в металлах. Поэтому её взяли на две недели ученицей-дефектчицей авиационных моторов.

«Я училась днём и ночью, — говорит Юлия Константиновна. — Наши мастерские находились в помещении МТС. Там были такие маленькие клетушки, отгороженные одна от другой плащ-палатками. У каждой группы были свои обязанности. Я занималась моторами, кто-то — другими механизмами. Самолеты У-2 были не только с металлическим корпусом, но и просто обтянутые парусиной.

Через две недели я уже начала работать самостоятельно. Нормального освещения не было, только синий свет от движка грузовой машины. Мы под плащ-палаткой проверяли с лупой, нет ли трещин, потому что трещинка даже тоньше человеческого волоса могла привести к аварии.

нечего, и одеты мы полетному. А скоро осень.

Наконец один военный посоветовал: «К нам на днях из-под Калинина в Нерехту — это совсем рядом — перебросили воинскую часть. Часть техническая, ремонтирует самолёты. Идите к начальнику. Он хороший человек и что-нибудь придумает, куда-нибудь вас пристроит».

Девушки воспользовались советом. Им действительно нашли временную работу. Они мыли, чистили, в общем, были на подхвате. Юля одна была с десяти-

леткой, собиралась поступать в технический вуз и уже немного разбиралась в металлах. Поэтому её взяли на две недели ученицей-дефектчицей авиационных моторов.

Там была мойка. Военные, с которыми мы работали, мыли в каустике детали и приносили их нам прямо горячими. А мы на этих деталях делали пометки масляной краской: желтым цветом, — значит, нужно что-то запаять, красным — что-то заменить. Так мы работали почти целый год.

Наша часть занималась только небольшим ремонтом, который можно было сделать на месте. К нам привозили самолеты со всех фронтов, даже из-под Сталинграда — ближе ремонтников не было. Авиазаводы уже находились в Сибири, и все, что требовало серьезной работы, отправляли туда.

И вот так почти до 1944 года мы стояли под Москвой. Я там всякого насмотрелась...

Один раз горела. Вот как это случилось.

Мы с техником работали вдвоём в небольшой угловой комнатухе. Он проверял магнето. Вдруг соскочила искра, и на моём напарнике вспыхнул комбинезон, весь пропитанный маслом. Всё вокруг загорелось. Выбраться из помещения было очень трудно. И всё-таки напарнику это как-то удалось. Он превратился в настоящий факел. Ребята побежали на помощь. А он кричал: «Я справлюсь сам. Бегите туда, там Юля!» Прошло больше 70 лет, а я до сих пор слышу его голос. Из огня меня вытащили ребята, сама я справиться не могла. Так что и огонька я попробовала.

А в другой раз я отправилась парами авиационного бензина. А дело было так. Принесли ещё горячие детали, вымытые в бензине. Освещение от движка слабое. Приходилось к деталям низко наклоняться. Вот я и нанюхалась. Отравление было такое сильное, что чуть на тот свет не отправилась. Но ничего, обошлось. Правда, мне посоветовали сменить работу, перейти в другое место. Так что всякого повидала девочка с косичками.

Потом нашу воинскую часть перевели туда, где сейчас город Королёв. Там до войны на станции Подлипки был

очень большой военный завод. Завод эвакуировали в Сибирь, а нас разместили в освободившемся здании. Тут мы уже стали чувствовать себя спокойнее, а то раньше было очень жутко. Бомбили Москву, сотнями летели самолёты, а мы дежурили на высотных зданиях, и было неизвестно, спустишься вниз или там и останешься.

В военное время рабочий день начинался в 6 часов утра. Мы работали по 12—14 часов. Да и не только мы, все так работали. И никто не роптал. Все ждали конца войны и верили в нашу победу.

Со временем мне удалось связаться с отцом. Когда война закончилась, он сообщил, что скоро демобилизуется. Я была вольнонаёмной и тоже решила уехать.

До войны у нас была очень большая семья. В блокаду погибли почти все, кто остался в Ленинграде: бабушка, дядя, тётя, двоюродные братья и сёстры, многие другие родственники.

Война — это страшное дело. Голод, холод, болезни, частые бомбёжки, всё время в напряжении, постоянно начеку. Мы хотели учиться, строили планы на будущее. А вышло по-другому. Как же мы радовались, когда закончилась война, как радовались!

Два года назад я тяжело заболела. Никто не верил, что после инсульта я смогу ходить и общаться с людьми. Но я и это сумела преодолеть. Теперь хожу, разговариваю с вами и этому очень рада. Как участник Великой Отечественной войны я лечусь в госпитале, и там хорошо следят за нашим здоровьем.

По профессии я учитель, в течение 20 лет здесь, в Новгороде, работала в Областном отделе народного образования. Ушла с работы только потому, что настояли врачи. После этого в течение года работала в школе учителем музыки, поскольку в детстве окончила музыкальную школу, владею фортепиано и аккордеоном».

Константин Епифанов, Лариса Михайловна Разживина, Сергей Бугров

Сергей Бугров
Константин Епифанов
гр. 9411

Помню лагерь, обнесённый колючей проволокой...

Лариса Михайловна Разживина родилась 7 сентября 1935 года в Могилёве. Отец родом из Могилёвской области, мама — из Ошмянского уезда Виленской области.

Когда началась Великая Отечественная война, Ларисе было пять лет. Немецкая авиация начала бомбить белорусские города уже в первые дни войны.

«В нашем детском саду, — рассказывает Лариса Михайловна, — были высокие подоконники, и во время налётов нас, малышей, прятали под этими подоконниками, стараясь защитить от осколков бомб и обломков кирпича. Бомбили часто и подолгу, под бомбами погибло много людей.

Помню, однажды после ночной бомбёжки мы с мамой пошли на рынок и там увидели труп женщины, по которому ползала маленькая девочка и громко кричала: «Мама, мама!». У меня до сих пор стоит перед глазами эта страшная картина».

Фронт постепенно перемещался на восток. Несмотря на ожесточённое сопротивление советских войск, немцы 26 июля полностью захватили Могилёв и установили в городе суровый оккупационный режим.

Появились предатели, которые, выслуживаясь перед новыми хозяевами, выдавали им семьи коммунистов, советских руководителей, евреев. С евреями гитлеровцы расправлялись с особой жестокостью. Сотни людей загоняли в баню, якобы для помывки, а потом заливали водой или травили газом.

«В нашей квартире, — вспоминает Лариса Михайловна, — кроме нас с мамой, жила ещё молодая женщина с ребёнком. Однажды к нам зашёл немец и взял мою любимую подушечку. Я бросилась к нему, хотела отнять, но мама меня вовремя остановила. Немец мог сделать со мной всё, что угодно: увести с собой или просто стукнуть головой об стенку. Такие случаи уже были. С нами оккупанты не церемонились, часто мародёрствовали.

Мой отец до войны работал в НКВД, и как-то полицейай увидел у нас фотокарточку, где отец был снят в военной форме. Фотокарточку он забрал, а маму арестовал. В тюрьме для установления личности её продержали около месяца. Потом отпустили. Спасло маму то, что родители были в разводе. Это было в феврале 1942 года.

Потом мама заболела тифом. К нам никто не приходил, боялись заразиться. Все только в окошечко заглядывали. Я, 6-летняя, всё делала сама: и печку топила, и за мамой ухаживала.

*Весной 43-го года людей стали угонять в Германию. Мы с мамой тоже оказались в их числе. Сначала нас везли в поезде. На остановках выстраивали в шеренги, делали пере-
кликки. У нас не было фамилий, только номера.*

Помню, увидела лагерь, обнесённый колючей проволокой, выстроенные в ряд бараки, вышки, непрерывный собачий лай. Потом у меня случился провал в памяти, не знаю,

по какой причине. Очнулась уже много позже, когда немец рядом со мной что-то громко крикнул.

После этого нас погрузили в машины и привезли в Литву. Поселили в школе. Люди ежедневно, по одному, по двое, а позже — человек по 10—20 умирали от тифа. А когда закончился карантин, литовцы всех выживших разобрали по хуторам.

В 1945 году я пошла в литовскую школу, русских школ не было. Окончила семь классов на литовском языке. Мама работала уборщицей или прачкой, зарплата была мизерной, жили мы очень бедно. Я поступила в педагогическое училище. После училища работала в Литве учительницей. Там же вышла замуж. Русский язык изучала самостоятельно, и он оказался намного сложнее литовского.

Мой муж был военнослужащим. Его направили в Новгород, и я поехала вместе с ним. Сначала работала в школе-интернате, а потом, чтобы получить жильё, устроилась на Новгородский завод им. Ленинского комсомола, сначала — лаборантом, потом — травильщицей. На заводе проработала семь лет. Из-за ядохимикатов началась аллергия. Пришлось уволиться.

В школу без высшего образования уже не брали, только в детский сад. В 39 лет поступила в Новгородский педагогический институт, после его окончания стала работать в 7-й школе пионервожатой.

Но всё чаще стало подводить здоровье, сказались голодное военное детство, жизнь в оккупации, концлагерь. Не хотелось уходить на пенсию раньше времени, но настоятельно советовал врач, и муж заставил уволиться. Мы с ним жили очень дружно, всегда находили общий язык и во всех делах поддерживали друг друга.

Уйдя из школы, никогда не сидела без дела. Стараюсь больше двигаться, пою в ансамбле «Рябинушка».

Александр Назаров

Александр Назаров
гр. 1411

Изучайте историю своей страны. Какой бы эта история ни была, она — наша.

Мужество в наших генах

Состоялась встреча первокурсников Политехнического института с ветераном Великой Отечественной войны Василием Степановичем Крестьяниновым.

Крестьянинов родился 10 февраля 1926 года в селе Чембар Рязанской области.

В 1939 году после окончания семилетки был направлен в ремесленное училище №33 при Московском заводе авиа- и фотоаппаратуры. Страна развивалась, строилась, время было беспокойное, требовались специалисты в самых разных областях. Учёбу в довоенной столице он вспоминает как самую счастливую пору своей юности.

Когда началась Великая Отечественная война, Василию было 15 лет. Уже с 1 июля 1941 года подростки работали в заводских цехах на сборке дисков к автоматам ППШ, а по ночам тушили немецкие зажигательные бомбы. Поначалу во время бомбёжек прятались в метро, позже привыкли, перестали бояться и при звуках сирены просто падали под забор.

Ветеран рассказывает:

«К счастью, ни одна бомба не упала в нашем районе. Лежишь вот так и видишь, как летят и разрываются снаряды.

Василий Степанович Крестьянинов

*Примерно в это время мне довелось увидеть знаменитого лётчика-истребителя Виктора Талалихина, который впервые в истории авиации совершил ночной таран. В ночь с 6 на 7 августа в бою под Москвой он отсёк хвост вражеского бомбардировщика. Потом этот бомбардировщик поставили в парке, чтобы всем показать, что мы тоже кое-что умеем. Вспоминаю своё первое впечатление от встречи с Талалихиным: стоит паренёк с перевязанной рукой, с виду лет 17, хотя ему было 23 года. Как решился пойти на таран? Говорит: «Патроны кончились. Что было делать?» **И вправду, что ему было делать? Догнал противника и винтом отрубил хвост».***

В октябре 1941 года, когда немцы вплотную подошли к Москве, училище расформировали. Ребят отпустили кого куда. Василий вернулся в родное село, в 200 верстах от Москвы. Кое-как добрался до дома, и в течение двух лет работал в колхозе.

Здесь не стреляли, не убивали, но работать на полях в годы войны доводилось в тяжелейших условиях. Не хватало техники и мужских рук, а фронту нужен хлеб. И не только хлеб.

В ноябре 1943 года Крестьянинова призвали в Красную Амию и направили в войсковую часть Забайкальского фронта на территории Монголии. 24-й мотострелковый полк 36-й мотострелковой дивизии, куда он попал, дислоцировался недалеко от реки Халхин-Гол.

В части велась интенсивная учёба: ежедневно огневая подготовка и многокилометровые марш-броски. Не раз приходилось отражать вылазки японских самураев, помогая пограничникам. Так прошёл 44-й год и начало 45-го. За успехи в боевой подготовке в марте 1945 года Василия наградили Почётной грамотой ЦК ВЛКСМ.

«В мае 1945 года, — продолжает ветеран, — страна ликovala, праздновала победу над Германией. Но оставался очаг военной напряжённости на Дальнем Востоке, где Япония вела войну с США. Япония держала у границ СССР крупные вооружённые силы, угрожая Советскому Приморью и препятствуя судоходству. Командиры объявили нам, что обязательно будет война с Японией.

В июле 1945 года нашу часть перебросили в район Внутренней Монголии к границе с Китаем. Передвигались пешим строем. А это сотни километров под палящим солнцем по безводной монгольской степи! Бойцы постоянно испытывали жажду, но водоёмы с пресной водой попадались нечасто.

По замыслам советского командования мы нужны были именно там. За выполнение этой задачи я был награждён Благодарностью Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

К этому времени советские вооружённые силы были сосредоточены на трёх фронтах: Забайкальском, 1-м и 2-м Дальневосточных. Им противостояла в Маньчжурии сильная Квантунская армия.

В ночь с 8 на 9 августа мы перешли границу и начали активные действия против японских частей. Так началась Советско-Японская война. Стрелковая рота, в которой я служил автоматчиком, составляла танковый десант. Свой первый бой с японцами я встретил 12 августа под городом Тайюань. Действовала наша рота стремительно и храбро. Самураи бежали. Я за этот бой получил медаль «За боевые заслуги». Были и другие боевые столкновения, в которых мне довелось участвовать.

Японцы всеми силами стремились удержать свои позиции, но им было не устоять под сокрушительной мощью советских фронтов. В этой войне нашим командованием было впервые применено новое тактическое мышление. Подвижные соединения фронтов прорвали оборонительные рубежи японских войск и вошли на территорию Маньчжурии.

Войска Забайкальского фронта, которым командовал маршал Родион Яковлевич Малиновский, преодолели горы Большого Хингана, обошли Хайларский укрепленный район и вышли на Маньчжурской равнине в тыл Квантунской армии.

За первую неделю боёв советские войска продвинулись вглубь вражеской территории на 200—300 километров и расчленили Квантунскую армию. Но её отдельные части всё равно сопротивлялись. Наши войска продолжили наступление.

Они освободили Маньчжурию, северо-восточный Китай, северную часть Кореи, Южный Сахалин и Курильские острова. Эта стратегическая наступательная операция Советской Армии лишила Японию возможности продолжать войну, и японское правительство подписало акт о капитуляции. Этот день стал днём окончания второй мировой войны.

Войну я закончил 2 сентября 1945 года под китайским городом Мукден».

Последующая жизнь Крестьянинова была связана с армией. После окончания в 1950 году Военно-политического училища до октября 1976 года он служил в подразделениях и частях Забайкальского и Ленинградского военных округов. Параллельно в 1963 году окончил заочно юридический факультет Иркутского государственного университета.

Выйдя в отставку, работал в учреждениях тыла Вооружённых Сил, а последние восемь лет — в Новгородском областном совете РОСТО-ДОСААФ.

Много времени и сил отдаёт Василий Степанович общественной работе, является председателем первичной организации «Патриот» при Новгородском городском совете ветеранов, помогает ветеранам в решении бытовых вопросов.

Полковник в отставке, Василий Степанович Крестьянинов особое внимание уделяет военно-патриотическому воспитанию молодёжи, много и охотно встречается со школьниками и студентами, рассказывает им о героизме советского народа в годы войны, о своём личном участии в боях с врагами. Считает своим человеческим долгом помочь молодым людям выбрать в жизни верный путь, ибо сейчас, как никогда, им нужен опыт старших поколений. Только в этом случае мы сможем решить любые проблемы и противостоять всем невзгодам.

«Осмысливая свою жизнь, — продолжает ветеран, — я делаю вывод, что она удалась. В свои 85 лет я по мере сил приношу пользу людям. У меня прекрасная жена, с которой мы прожили вместе 60 лет. Дочь — учительница, внучка — студентка. Я часто вспоминаю слова поэта-фронтовика Николая Старшинова:

*Жизнь моя, она бывала всякой:
Пела синевой любимых глаз,
И молчала зло перед атакой.
Может, потому и удалась».*

В заключение беседы Василий Степанович обратился к студентам:

«Любите свою Родину, готовьтесь защищать её всегда и везде. Русские люди — а к ним я отношу все народы, которые веками живут на территории России, — должны быть едиными и сплочёнными перед лицом любой опасности, грозящей стране. Если кто-то из вас свяжет свою судьбу с армией, то запомните, что 60 процентов успеха в любом бою составляет боевой дух армии и только 40 процентов — заслуга техники. Мужество в бою — это отличное качество русского человека, это в наших генах. Победить Россию не удастся никому!

Изучайте историю своей страны. Какой бы эта история ни была, она — наша. Нужно помнить слова великого Пушкина: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости».

Александр Смирнов
гр. 0061

Когда мать вернулась живой, дети обхватили её руками, а потом все четверо долго плакали в чужом, холодном, неприветливом доме, в котором окно было заткнуто сеном.

Александр Смирнов

Лишённые детства

Сашина Майя Ивановна (в девичестве Нилова) родилась 28 апреля 1935 года в городе Новгород. Коренная новгородка вспоминает о своём голодном, нищенском детстве в годы Великой Отечественной войны:

«До войны наша семья жила в Новгороде, на ул. Павла Левитта, 3. Мне было шесть лет, когда прозвучало страшное слово «война». Тогда же нам сказали, что немцы могут захватить наш город. Моё детское воображение нарисовало немцев с длинными-длинными руками, которыми они нас захватят и будут держать. Только позже я поняла, что означают эти слова.

Взрослые уверяли, что Красная Армия фашистов в Новгород не пропустит, однако уже 19 августа по улицам города ходили немецкие солдаты.

Что я помню об этом времени?

Около нашего дома были вырыты окопы, где мы прятались во время бомбёжек. Запомнились скользкие глиняные ступеньки и вода, сочившаяся из-под досок.

Майя Ивановна Сашина

Страшное это было время. Город бомбили. *На Волхове горели баржи, на которых мирное население пыталось уехать подальше от линии фронта.* Многим так и не удалось покинуть город, потому что фашистские самолёты беспрестанно бомбили эти баржи.

Мы в это время прятались в подвале бывшего хирургического отделения Колмовской больницы, как раз на берегу Волхова. Однажды, когда я по ступенькам поднялась наверх, меня сбросило вниз сильной взрывной волной. Бог миловал, и я отделалась лёгкими ушибами.

Когда немцы вошли в Новгород, моя мама была на рабочем месте в психбольнице, где она работала санитаркой. Город бомбили, везде полыхали пожары. Продуктов не было, и люди кто как мог уходили из города. Наша семья из шести человек — отец, мать, 14-летний брат, две сестрички четырёх и полутора лет и я — двинулась в сторону Вязицы.

У нас с собой почти ничего не было: ни еды, ни запасной одежды. Наша семья переходила от одной деревни к другой, пока не оказалась в глухой, бездорожной деревушке Батецкого района, где нас, беженцев, поселили в старом, полуразрушенном доме.

Как мы там жили, трудно вспоминать даже спустя семь десятилетий. Все наши вещи мы променяли на еду. Заработать на пропитание было негде. Шла зима 1942 года.

В один из холодных, морозных дней умерла от холода, голода и болезни младшая сестрёнка. В этот же день отец пошёл в ближнюю деревню, чтобы подработать и похоро-

Майя Ивановна Сашина справа в первом ряду. Рядом слева сестра Тамара. На хуторе в Прибалтике

нить ребёнка. Домой он не вернулся. В той деревне была немецкая комендатура. Нашего отца схватили и расстреляли как партизана. Когда на следующий день мать пошла в комендатуру, чтобы узнать об отце, немец на неё накричал, пригрозил, что расстреляют всю семью.

Когда мать вернулась живой, мы, дети, обхватили её руками, а потом все четверо долго плакали в чужом, холодном, неприветливом доме, в котором окно было заткнуто сеном. Столько времени прошло, а я без слёз не могу вспоминать эти горестные дни.

Тогда об отце мы так ничего и не узнали, а весной, когда сошёл снег, мальчишки обнаружили его труп за оковицей у камня.

Чтобы не умереть с голоду, мы с братом пошли побираться по деревням, а мать и маленькая сестрёнка в слезах и постоянной тревоге ждали нас дома.

Мы с братом делали так. Сначала он шёл по одной стороне деревни, а я — по другой, а потом наоборот. Просить милостыню тоже было небезопасно. Во многих дворах были собаки, а в домах стояли немецкие солдаты. Они особо придирчиво относились к брату, которому уже исполнилось 14 лет, и был он очень смуглым — вдруг еврей?

Люди иногда подавали милостыню, а чаще гнали прочь, — мол, много вас таких, самим есть нечего. Нам давали картошку, морковку, кусочек хлеба — кто что мог.

Когда возвращались назад, мать плакала, но сама просить не могла. За кусок хлеба помогала людям, делала в деревне всё, что попросят.

Вторая беда: не было зимней одежды и обуви. Соседи научили меня прясть нитки из льняной кудели. Я связала себе чуни, под них можно было для тепла что-либо намотать. Так и ходила. У меня были обморожены лицо и руки, это и сейчас о себе напоминает. Как только сходил снег и до самых больших заморозков ходили босиком. У меня на ногах были глубокие раны, в народе их называли «цыпки». Ноги всегда были опухшими, и я их еле передвигала.

Когда наступила весна, а за ней — лето, стало легче. Кормилась дарами природы, но не было соли. Копали гнилую картошку, пекли из неё «резиновые» лепёшки и ели без соли. Вкус этих лепёшек я помню до сих пор. Ели всякую съедобную траву, собирали вросшие в землю колоски.

А в конце 1943 года — новая беда. Всех жителей Батецкого района фашисты стали угонять в неволю. Нас вместе с местными жителями погрузили в товарные вагоны и повезли в направлении Прибалтики. Угоняли не к родной тётке, а в чужие края! Но это уже другая история. Я о ней тоже расскажу, только очень коротко.

Нашу семью разделили и расселили по разным местам, по трудоспособности. Мать оставили работать у немцев, меня с младшей сестрой отдали одному хозяину, брата — другому.

Позже первым из нашей семьи в Германию угнали брата. Своих детей у хозяев не было. Поэтому хозяйских коров пасли мы с сестрой. С нами бегала хозяйская собака, которая нас, видимо, считала своими щенятами, такими мы были маленькими и худыми.

Дважды коровы убежали в лес. Первый раз — когда налетели наши самолёты и начали бомбить. Мы спрятались в канаве и лежали, не поднимая головы, пока не закончилась бомбёжка. Коров в лесу искали сами хозяева, но нас они тогда не ругали.

В другой раз была сильная гроза, дождь с градом, порывистый ветер. Мы с сестрой прятались за какой-то деревянной стеной, но сверху на нас лило как из ведра. Нам нечем было укрыться. И опять хозяева сами искали убежавших коров.

А однажды в воскресенье мы не пошли на работу. Русские с соседнего хутора сказали нам, что один день мы можем отдохнуть. Помню, как рассердилась хозяйка, как она долго, с трудом произнося русские слова, нам выговаривала. Короче, за своеволие нас наказали — лишили еды.

В конце осени 1944 года немцы, отступая, увозили нас за собой, в Германию. Везли нас по ночам в грузовиках, крытых брезентом. Когда советские самолёты начинали обстреливать колонну, нас заставляли выходить из машин и прятаться кто где. Проектора освещали местность так ярко, что было видно, как днём. После бомбёжки нас опять загоняли в машины и везли дальше.

Меня Бог дважды спасал от смерти. Один раз, когда рядом в канаву упал снаряд и не разорвался, а второй раз — когда осколок снаряда разрезал брезент, но меня не задел. Это было так страшно, что невозможно выразить словами.

Так нас возили по разным местам Прибалтики (Латвии, Литвы). Куда нас только ни бросали! Жили мы в бараках за колючей проволокой, в зерносушилке, в других малоприспособленных местах. Зерносушилка — это такое высокое, как мне казалось тогда, здание. Надо было подниматься по лестнице, пробираться по каким-то балкам, а дальше было длинное помещение. Вдоль стен, почти вплотную друг к другу, стояли двухэтажные нары. Между ними небольшой проход. На каждую семью были выделены одни нары. Наши стояли в самом конце, у небольшого окошка.

Ночью, прислушиваясь к гудению авиации, мы научились отличать советские самолёты от немецких. Когда начинали бомбить, прятаться было негде, и, чтобы было не так страшно, мы забирались под нары.

Однажды, когда я поднималась по лестнице, немец направил на меня винтовку. Я не знаю, что у него было в голове, — может, просто хотел попугать, — но мне было так страшно! В это время стал подниматься кто-то ещё, и немец опустил винтовку.

Как мы на чужбине тосковали по своей Родине! Когда произносили слово «Родина», вспоминалось что-то далёкое, но в то же время такое тёплое, родное, радостное!

Почему-то там, в неволе, от этой песни:
«В далёкий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят.
Любимый город в синей дымке тает —
Знакомый дом, зелёный сад и нежный взгляд...»
наворачивались слёзы, и все вспоминали свои дома.

С октября 1943 по май 1945 года я была на чужбине. И вот 7 мая 1945 года закончились наши мучения. *Из маленьких окошек нашей зерносушилки мы увидели советские танки. Даже сейчас трудно выразить словами ту радость, которую мы тогда испытали.* Выскочили из здания, окружили наши танки, боясь, что они уйдут и опять появятся немцы.

Но нет. Это уже была свобода!

Под зерносушилку немцы заложили взрывчатку. Нас срочно вывезли уже наши солдаты. А совсем рядом был склад с горючим, бочки горели и взрывались.

Теперь мы ждали скорейшей отправки на Родину.

И вот в июне 1945 года мы вернулись домой. Каждый, кто увидел послевоенный Новгород, помнит, что осталось от нашего города. Одни руины!

Мы вернулись обратно в Колмово, разрушенных домов там было меньше. И хотя наш дом уцелел, жить нам всё равно было негде. Туда уже вселились другие люди. Три месяца мы жили под открытым небом. Потом, когда начались затяжные осенние дожди, пристроились в гараже. Позже поселились над баней, где вместе с нами в одной комнате жили 15 семей. Со временем перебрались в дом №4 на берегу Волхова — там нас в одной комнате уже было 7 семей. Потом до самого моего 20-летия в одной комнате мы жили двумя семьями, причём без всяких перегородок.

Трудно было не только из-за жилья. После войны, особенно в городе, было очень голодно. Моя мать работала в областной больнице. Туда привозили в основном так называемых дистрофиков, совсем опухших от голода. Кроме голода, мучили вши, и хоть об этом говорить неприятно, но насекомые доставляли дополнительные страдания. Кто это пережил, тот знает, что такое, когда наголо острижены волосы, на голове — сплошные болячки, а в них — вши. Это невыносимо, невозможно терпеть. И все эти беды от истощения организма.

Я так много говорю о голоде, потому что пережила немало голодных дней. Не раз почти умирала, по три дня подряд во рту не было ни крошки. Хлеб по карточкам мы брали за три—четыре дня наперёд и съедали в один присест. Временами была такая слабость, что я не могла подняться с кровати. Мы получали в день 1100 грамм хлеба на троих. Зимой мы никогда ничего не варили. Нам приносили картофельную шелуху, мы с сестрой пекли её на плите и мигом съедали. А если соседи приносили нам хлебные корки, мы были на седьмом небе от счастья.

Голод заставлял, и я ходила побираться по Колмову. Так мы жили после войны. За расстрелянного немцами отца мать не получала на нас никакой пенсии, а, возможно, тогда нам бы жилось хоть чуть-чуть легче.

Но мы всё равно ходили в школу. В первый класс я пошла в десять лет. С ранней весны и до первых морозов, я ходила

босиком. На всю жизнь запомнилось, как меня принимали в пионеры. Мне очень хотелось иметь красный галстук. Но галстука у меня не было. И тогда соседка дала мне простую красную тряпку, причём четырёхугольную. Меня приняли в пионеры в канун годовщины Октябрьской революции, к 7 ноября 1945 года. Я стояла на улице у 5-й школы, под красным знаменем. Стояла босиком на промерзшей земле, и мне на шею повязали этот «галстук». Я так волновалась и была настолько горда, что совсем не замечала холода.

И ещё запомнился день вступления в комсомол — 20 декабря 1949 года. Это очень важное для меня событие так глубоко запало в душу, как будто это было вчера. Придя с комсомольского собрания, я опять мечтала о корочке хлеба. Голод и тогда ещё нас не покидал.

Кроме физических страданий из-за голода, приходилось переносить и страдания моральные. Из-за того, что я была угнана немцами в рабство, меня оскорбляли, унижали, всячески упрекали. Ни в какие поездки не брали, во всём отказывали. Таких, как я, считали людьми второго сорта. Я очень тяжело, болезненно это переживала.

За четыре года войны меня лишили детства, я раньше времени повзрослела. У меня никогда не было игрушек, детских книжек с картинками — ничего из того, что должен иметь каждый ребёнок.

Наше поколение перенесло холод, голод, разлуку с Родиной, унижение, оскорбления, но мы не стали чёрствыми, жестокими людьми, сохранили жизнелюбие и оптимизм. Мои одноклассники не стали бездельниками и ворами, они выросли достойными, порядочными людьми, хотя и «новых русских» среди них нет».

«Дети войны» хранят память о военной и послевоенной истории Великого Новгорода. С этими удивительными людьми — коренными новгородцами — интересно общаться, они могут многое рассказать о нашем городе.

Дмитрий Шанин
гр. 1411

Перед нашими частями
была поставлена задача —
не дать соединиться
американским
и немецким войскам.

Дмитрий Шанин

Дорогое имя на гранитной плите

Я представляю мрачный, разрушенный Берлин в мае 1945 года. Среди дымящихся развалин стоит советский солдат. Гимнастёрка выцветшая, запылённая. Лицо обветренное, измученное боями и дальними переходами. Это мой прадед Александр Алексеевич Шанин.

Александр Алексеевич родился 18 ноября 1919 года в деревне Мост Устьянского района Архангельской области.

В 1938 году он был призван в ряды Красной Армии. Срочную службу проходил в войсках НКВД, охранял особо важные объекты в качестве пулемётчика.

В июне 1941 года прадед ждал демобилизации, но... началась война. Первые бои он принял под Киевом, участвовал в защите города. Здесь, под Киевом, в неразберихе начала войны попал в плен и в течение трёх месяцев находился в фашистском плену. За это время не раз пытался бежать, удачной оказалась лишь третья попытка.

После возвращения в часть Александр Алексеевич был направлен в разведку: сначала — в полковую, затем — в дивизионную. Воевал в составе 1-го Украинского, позже 2-го и 3-го Белорусских фронтов. Участвовал в форсировании Днепра.

Позже принимал участие в штурме Кёнигсберга, затем — Берлина. Перед нашими частями тогда была поставлена задача — не дать соединиться американским и немецким войскам. Здесь, в Берлине, прадед и встретил Великую Победу.

За заслуги перед Родиной А. А. Шанин награждён орденом Красной Звезды, орденами Славы 2-й и 3-й степеней, медалями: «За отвагу», «За оборону Киева», «За боевые заслуги», «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Берлина».

В 1946 году он вернулся на Родину.

В 2010 году в деревне Едьма Архангельской области в память о воинах-победителях был установлен мемориальный комплекс. На одной из гранитных плит высечено имя Александра Алексеевича Шанина, моего прадеда.

А рядом — имя дальней родственницы, Розы Егоровны Шаниной. **На счету этой молоденькой девушки, советского одиночного снайпера, 54 уничтоженных вражеских солдата и офицера, среди которых 12 снайперов.** Роза погибла 28 января 1945 года.

**Василий Петрович
Михеев**

Преступления
против
человечности
срока давности
не имеют.

Василий Петрович Михеев

Жизненный путь длиною в 88 лет

Я родился 5 января 1924 года в Марийской республике, в крестьянской семье. Мама — Марина Васильевна, отец — Пётр Семёнович. Я их первенец. Следом за мной появились на свет брат Аркадий, сёстры Галина, Нина, Тамара, братец Леонид. Хорошо помню своё детство, начиная с 7-летнего возраста.

Настало время идти в школу. Мне сшили новую ситцевую рубашку, холщовые штаны, купили сандалии, наголо остригли голову и повели в первый класс начальной школы. Школа была в двух километрах от нашей деревни. Каждый день после уроков я возвращался домой. А зимой родители устраивали меня на постой к своим знакомым. Мне там было неудобно. Я был ещё очень маленьким и сильно скучал по дому.

Учила уму-разуму очень строгая учительница, Екатерина Никитична. Её воспитательные методы были довольно жёсткими. Тем не менее, а, может, именно благодаря этому, к окончанию начальной школы мы хорошо писали, умели читать и считать.

И вот родители переехали из деревни в большое село — Юледур. Отца назначили директором семилетней школы, там я и учился с пятого по седьмой класс. Учился хорошо, много читал. В селе была по тем временам богатая библиотека, мы с Аркадием её часто посещали. Заведовала библиотекой сестра С. М. Кирова — Елизавета Мироновна. Наша мама занималась домашним хозяйством. Она умела при скромных доходах нас хорошо накормить и красиво одеть.

После семилетки я поступил в Сернурское педагогическое училище. Это в пяти километрах от дома, на границе с Кировской областью. Жил в общежитии, продукты возил из дома, сам себе готовил еду. Учился упорно, изучал много разных предметов. На втором курсе, когда началась учебная практика, нас водили по начальным школам, ближе знакомили с будущей профессией.

Учёбой и чтением мои интересы не ограничивались, были и другие занятия. Я играл в духовом оркестре на трубе. Одновременно осваивал игру на скрипке. Наш капельмейстер был хорошим учителем, уделял нам много внимания. Всем оркестром играли в Доме культуры районного центра и в других местах. Этим зарабатывали немного денег на свои нужды.

Вскоре в это же училище поступил брат Аркадий. Вдвоём стало намного легче и веселей. В 1941 году я окончил два курса педучилища. Но все мои планы нарушила Великая Отечественная война.

О дальнейшей учёбе я больше не мечтал. Родители из Юледура вернулись в деревню, занялись всякими бытовыми и крестьянскими делами.

И вот настал горестный день — нашего отца призвали в Красную Армию, отправили в «учебку», в известный многим посёлок Суслонгер Марийской республики.

Наступила осень 1941 года с её ранними заморозками. Нас, молодёжь, направили на строительство оборонительных рубежей на берегу Волги, в район Чебоксар. Поселили по чувашским деревням далеко от места работы. Приходили на берег Волги в темноте и уходили обратно в темноте. Спали вповалку на полу, периной служила солома. Плюс ко всем неудобствам надоедали очень кусачие домашние насекомые.

В январе 1942 года нас отпустили домой. Я сразу же поступил на курсы трактористов в Юледурскую МТС. После окончания курсов в марте 1942 года меня направили помощником бригадира тракторной бригады. Мы пахали, сеяли, убрали урожай, и так до августа 1942 года.

А в августе получил из военкомата повестку о призыве в армию. 14-го числа меня в составе команды новобранцев направили в учебный мотоциклетный полк Московского военного округа, расположенный в городе Сергач Горьковской области.

Поместили нас в казарме, устроенной в бывшем Доме культуры. С трёхэтажных нар было удобно прыгать по тревоге.

Срок обучения — три месяца. Изучали технические данные мотоциклов разных марок. Практические занятия проводились на мотодроме, который находился за городом. Шла также учёба по тактической и огневой подготовке. **Часто проводились практические стрельбы из винтовок, карабинов, автоматов, пулемётов, противотанковых ружей. Нас учили пользоваться гранатами и бутылками с зажигательной смесью.** Кормили неважно, зато много «гоняли».

Так прошли все три месяца учёбы. Наконец курсантов-красноармейцев построили для оглашения приказа. Большую группу направили в действующие фронтовые части. Двенадцать курсантов, в их числе меня, оставили в учебном полку и назначили инструкторами по практическому вождению мотоциклов.

В марте 1943 года за нами приехал офицер — «покупатель». Нас повезли в Москву, где временно поместили в АБЦ (автобронетанковый центр).

Помню, как-то была объявлена воздушная тревога, поступила команда «Все бегом в убежище». Потом дали сигнал «Отбой тревоги». Я вернулся на место и не обнаружил в своём «сидоре» выданного мне двухдневного продовольственного пайка — кто-то его стащил. Спасибо соседу по койке, поделился со мной сухарями.

Затем нас повезли в Ногинск и зачислили в 51-й отдельный мотоциклетный полк 4-й танковой армии. Жили в лесу, в землянках. Полк ещё только формировался, и я попал во 2-ю роту. Командир роты — Хусим Тугович Гумба, командиры взводов — Чернов, Карпенко.

Шла интенсивная учёба личного состава полка. Мы изучали тактику полевой разведки, огневую подготовку, искусство разведки и т. п.

Полк состоял из 4-ротного батальона, двух пулемётных рот на машинах МЗ-2 и МЗ-3, танковой роты, артиллерийского дивизиона, подразделений связи, снабжения — всё на колёсах.

Я участвовал в боевых действиях на Курской дуге, в освобождении Украины, Польши, во взятии Берлина, освобождении Праги в составе 7-го гвардейского орденов Суворова, Кутузова, Александра Невского и Богдана Хмельницкого мотополка 4-й гвардейской танковой армии в качестве мотоциклиста-разведчика.

Награждён орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», дважды — «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», многими юбилейными медалями и Почётными знаками.

И вот наступил конец войны. Мы в Праге, затем — в городе Брно, откуда полк направили в Венгрию (Сомбатхели, Балатон-Фюрет, Балатон-Фельдвар, Будапешт). Охраняли Союзную контрольную комиссию во главе с маршалом Ворошиловым.

Не знаю, по какой причине наш полк вывели в австрийский город Айзенштадт. На холмах с одной стороны стояли мы,

с другой — американские солдаты. Там мы были недолго. Нам показали Вену, знаменитый венский лес и другие достопримечательности Австрии.

И снова полк вывели в Венгрию. Потом погрузили технику и личный состав полка в эшелоны и повезли в Германию, в город Эберсвальд, где в то время дислоцировался штаб 4-й гвардейской танковой армии.

Так ещё полгода после окончания войны я служил на территории Германии, Чехословакии, Венгрии, Австрии.

В декабре 1946 года меня направили на учёбу в Рижское военно-политическое училище, и в качестве курсанта я находился там до марта 1947 года. Началось сокращение армии, и я выбыл из училища по демобилизации.

Вернулся на Родину, в родительский дом, а что делать дальше, не знаю. Решил снова пойти в МТС. Ещё когда был на фронте, получил письмо от мамы. Она сообщила, что я, будучи помощником бригадира тракторной бригады, заработал много хлеба и кормов для скота. Всё, что мне причиталось, ей лично доставили. Меня это очень порадовало. Мамино письмо долго читал Гумба. Х. Т., а потом похлопал меня по плечу: «Молодец!».

Как-то к отцу пришёл его друг Петров, второй секретарь Куженерского РКВКП (б). Обсудив с отцом многие вопросы, сказал, чтобы я явился райком для беседы с первым секретарём.

Побеседовали со мной первый секретарь Аникеев, второй секретарь Петров, зав. отделом Царегородцев, предложили должность инструктора отдела кадров райкома. Я согласился. Работал там с марта 1947 по июль 1948 года.

Когда-то в Ленинграде я познакомился с девушкой Катей. Некоторое время мы переписывались. Потом я взял отпуск и поехал в Новгород, где она жила на улице Красной. Встретился с Катей и её родителями. Познакомились, поговорили, потом мы с Катей пошли в ЗАГС и зарегистрировали брак.

Я уволился из Куженерского РКВКП (б) и переехал в Новгород. В обкоме ВКП (б) мне предложили работу в Новгородском РКВКП (б). Я стал инструктором отдела партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Были хорошие наставники, и работу я быстро освоил.

В апреле 1950 года нас, троих инструкторов РКВКП (б), пригласили на бюро Новгородского обкома ВКП (б) и предложили работать в органах госбезопасности СССР.

С этого времени началась моя служба на оперативных и следственных должностях в управлении МГБ СССР по Новгородской области. Сначала занимался розыском особо опасных государственных преступников: изменников Родины, карателей, агентов немецко-фашистских разведывательных и контрразведывательных органов, многие из которых совершили тягчайшие злодеяния в годы войны на новгородской земле.

В течение всей трудовой жизни много учился, повышал профессиональный уровень. В 1952 году окончил Валдайское педагогическое училище. По избранной профессии в 1956 году окончил сначала 202-ю школу, затем в 1969 году — Высшую Краснознамённую школу КГБ СССР по специальностям: юрист-правовед, юрист-криминалист.

В 1979 году за успехи в розыске военных преступников и расследовании совершённых ими злодеяний в отношении мирного населения награждён знаком «Почётный сотрудник КГБ СССР».

Провёл предварительные следствия по ряду значимых уголовных дел. По некоторым из них прошли открытые судебные процессы в городах Новгород и Старая Русса.

Принял активное участие в проведении оперативно-следственных мероприятий с использованием средств массовой информации для дискредитации злостных преступников, укрывшихся после войны в США, Канаде, Англии, Франции, ФРГ и других странах.

Значительное место в работе заняло сотрудничество с представителями средств массовой информации в интересах государ-

Выставка в Доме культуры имени Попова. Михеев В. П. с рабочими с предприятия «Волна»

ственной безопасности. При моём непосредственном участии созданы документальные фильмы: «Подручные палача Хойзингера», «Дело № 21», «Чекисты», «Кресты и звёзды», «Каратели», а также написаны книги на чекистскую тему: «Подвиг юных», «Подполье возглавил Васькин», «Марта Лаубе», «Имя на камне», «Строки, пропахшие порохом», «Контрразведка вчера и сегодня», «Тайная война на новгородской земле» и другие.

В декабре 1980 года уволился из органов Комитета госбезопасности СССР по возрасту и болезни, отдав службе почти 40 лет своей жизни.

И вот я пенсионер, ветеран военной службы. Возникло много вопросов: как жить дальше, что делать? Хотелось заняться каким-то настоящим делом. В августе 1985 года устроился в Новгородское управление мелиорации, а уже через год, в сентябре 1986 года был приглашён на работу в Новгородский областной строительный трест «Новгородгражданстрой». Сна-

чала был инженером по гражданской обороне, затем начальником штаба ГО. В этой организации я проработал до октября 1989 года.

Уйти с работы вынудили сложные семейные обстоятельства. Тяжело заболел сын Владислав, у жены Екатерины тоже были серьёзные проблемы со здоровьем. Требовалось много времени и сил, чтобы помочь близким людям.

Всю жизнь я активно занимался общественной работой. Пять раз избирался председателем Совета общественной организации ветеранов УФСБ Новгородской области. Являюсь членом Комитета войны и военной службы Новгородской области, сопредседателем Клуба бронетанковых войск Новгородского городского Совета ветеранов. Принимаю участие в патриотической работе среди молодёжи в учебных заведениях, занимаюсь восстановлением чекистского музея. Являюсь лауреатом Форума «Общественное признание».

Сотрудничаю с некоторыми журналами, телекомпанией «Славия», с писателями, журналистами и др.

Вот таков итог моей 88-летней жизни. Счастлив, что нахожу постоянную поддержку и внимание со стороны родных и друзей. Радует также то, что мой жизненный и профессиональный опыт востребованы и в настоящее время.

* * *

Преступления против человечности срока давности не имеют. И если сейчас страна низко склоняет голову перед жертвами политических репрессий, очищает их имена от клеветы и позора, то имена палачей и убийц тоже должны быть известны людям. Хотя бы во имя тысяч невинных жертв, загубленных ими в годы войны на новгородской земле.

Я уже давно на пенсии, но до сих пор мне не дают покоя некоторые из моих так и не завершённых дел. Сегодня военных преступников уже не разыскивают, многие из них давно умерли. Да и без этого забот у спецслужб хватает.

Но и спустя десятилетия тревожат память события, связанные с моей службой в органах государственной безопасности, с розыском и расследованием дел по обвинению в совершении государственных преступлений изменниками Родины, участниками немецких карательных операций, предателями, агентами немецко-фашистских разведывательных и контрразведывательных органов.

Эти дела достойны особого внимания. Они заслуживают того, чтобы о них знали люди, особенно молодые. Судите сами...

***

В период оккупации Волотовского района фашисты создали полицию, которую возглавил Дмитрий Молотков — непримиримый враг Советской власти. Туда же пристроился и другой немецкий ставленник — Пётр Мановский, агент тайной полевой полиции (ГФП).

В районе активно действовали партизаны, среди населения росло сопротивление оккупантам. Патриоты объединились в подпольную организацию во главе с Павлом Афанасьевичем Васькиным.

Для борьбы с партизанами и подпольщиками фашистская оккупационная власть с помощью Молоткова, Мановского, Кирсанова и других предателей создала в каждом населённом пункте вблизи от мест действия партизан так называемые «местные полицейские службы».

В деревне Селиваново, окружённой лесами да болотами, на границе с Дновским районом Псковской области, был создан опор-

ный пункт из двух полицейских — местных жителей. Один из них — Луженков Николай, 1913 года рождения. Обоих полицейских вооружили винтовками, обозначили нарукавными повязками. Обязали выявлять партизан, их связи с местным населением и немедленно сообщать немецким властям. Дальше следовали арест и расправа.

В 1944 году район был освобождён от оккупантов. Одни преступники бежали вместе с немецкими войсками, другие — продолжали участвовать в боях против Красной Армии. Многие скрывались в отдалённых районах страны и за рубежом. Некоторые изменники Родины уже были разысканы и осуждены за совершённые злодеяния.

А вот Николай Луженков почему-то никуда не бежал, остался дома. Надеюсь, что о нём за пределами деревни ничего не знают, а потому не тронут. Но вышло по-другому.

Собранные на него материалы уже были на ста-

дии завершения их проверки, чекисты готовились к его аресту. С этой задачей в деревню Селиваново прибыла опергруппа, которую возглавил Алфёров из 4-го отдела МГБ.

Луженкова задержали, предъявили ордер на арест. Время было вечернее, опергруппа пошла арестовывать ещё одного полицейского, забрав с собой и Луженкова. А по пути он сбежал и спрятался в одном из огородов в картофельной ботве. Задержать его тогда не удалось.

Луженкова объявили в розыск. Длительное время о нём не было никаких известий. Затем пошли слухи, что Луженков скрывается в лесу вблизи деревни, где проживает с детьми его жена Анастасия. Иногда он тайно появляется в деревне и помогает по хозяйству своей семье. А у Анастасии на свет стали появляться маленькие дети.

Для перепроверки этих сведений были использованы оперативные возможности Сорокиной, проживающей в деревне Костыгово. Она подружилась с Анастасией, стала поддерживать с ней связь и точно установила, что Луженков жив и скрывается в ближнем лесу.

Учитывая, что в период службы полицейским он не совершил тяжких преступлений, было принято решение прекратить его уголовное преследование и вывести его на легальное положение, ибо, скрываясь в лесу, он может совершить другие преступления.

И вот мы вместе с начальником РОМГБ верхом на конях через деревни Славитино, Должино, Костыгово добрались до деревни Селиваново. Остановились у бригадира, пригласили его вместе с нами навестить Анастасию.

Все вместе зашли в избу. Анастасия занервничала, стала метаться по дому, хватать на руки детей: то одного, то другого. **Когда она немного успокоилась, мы попросили её сообщить мужу, что его арест отменён и он может выйти из леса.**

По всему было видно, что она нам не верит и не знает, где сейчас находится Николай. Кто-то из нас спросил Анастасию, от кого

у неё маленькие дети. Она указала на бригадира: мол, от него. Между ними пошла перебранка. Бригадир настаивал, что неоднократно видел Николая в деревне.

Через какое-то время опять встретились с Анастасией. Она сказала, что Николай боится ареста. Мы повторили наше требование — немедленно выйти из леса, ибо в противном случае устроим на него облаву. Вскоре Луженков всё же появился в деревне и начал работать в колхозе.

В 60-е годы мы с Василием Михайловичем Боговым вели розыск и следствие по карателям Волотовской полиции. Однажды в поселковой столовой ко мне подошёл мужчина, назвался Николаем Луженковым и выразил благодарность органам госбезопасности за гуманное к нему отношение.

* * *

Вот ещё одна история, произошедшая также с карателем-нелегалом на территории Белебелковского (сейчас Поддорского) района Новгородской области, но она более драматична по событиям и поведению нелегала.

В этих розыскных мероприятиях я принимал непосредственное участие. Память сохранила многое, хотя, конечно, некоторые мелкие детали стали забываться. Хочется изложить всё так, как было на заре нашей молодой оперативной деятельности в органах государственной безопасности, ничего не сглаживая и не пересматривая с позиций настоящего времени.

В период оккупации немецкими войсками Белебелковского района там дислоцировались несколько фашистских карательных органов, в частности, 4-я рота 667-го батальона «Шелонь» в деревне Петрово, «ягдкоманда» в деревне Бычково (командир Станислав Лившиц), отряды «самообороны» и другие.

В этих подразделениях служили и местные жители — изменники Родины. **В Белебелковском районе каратели совершили несколько тягчайших преступлений в отношении мирного населения.**

Размещение карательных органов в этой местности было связано с тем, что вблизи находился Партизанский край, где действовала 2-я партизанская бригада. В одном из карательных отрядов служил Дмитрий Петров, бывший житель деревни Ржаные Роги. Он принимал активное участие в борьбе с партизанами и патриотами (ниже будут описаны его преступные деяния, сведения о которых добыты в ходе предварительного следствия и подтверждены в суде).

*Свидетель Николай Аксёнов
из деревни Танина Гора
Поддорского района*

И вот в 1944 году немецких оккупантов изгнали с территории западных районов Новгородской области. Вместе с ними убегали разного рода изменники Родины. Среди них оказался Дмитрий Петров.

Сначала он скрывался в Латвии, но затем по каким-то причинам решил вернуться в деревню Ржаные Роги к родителям. Прибыл туда тайно, так как знал, что его разыскивают органы госбезопасности за совершённые преступления. По совету родителей перешёл на нелегальное положение, устроившись в лесисто-болотистой местности около Куровского озера, в хорошо замаскированной землянке.

Имея ружьё, стал заниматься охотой, собирал клюкву, грибы. Тайно посещал родителей. Часть добычи отдавал им, а остальное вывозил на продажу через станцию Дедовичи в Ленинград. Родители давали ему хлеб и другие продукты. Иногда для него готовили баню.

И вот у Петрова случилась беда — от криминального аборта умерла его жена. Для решения оперативных задач по розыску Петрова использовалась местная жительница Виноградова, ко-

торая имела доверительные отношения с родителями разыскиваемого. Они даже хотели видеть её своей невесткой.

Были получены данные, что Петров начал «пошаливать». Так, одна местная жительница шла по лесной дороге от деревни Сафоновка. К ней навстречу вышел из леса мужчина, стал приставать с недобрыми намерениями. Женщине удалось убежать. О происшествии она заявила в милицию, сообщила приметы мужчины, в частности, заметила отсутствие на руке нескольких пальцев. Оперативникам было известно, что Петров потерял пальцы при взрыве немецкой гранаты. Эти сведения насторожили розыскников, ибо, находясь на нелегальном положении, он мог стать на путь других преступлений.

Розыск Петрова решили активизировать, максимально используя для этого возможности Виноградовой. Через неё надеялись получить информацию о том, когда он появится у родителей. Вскоре такая информация была получена. По поведению родителей, их приготовлениям стало понятно, в какой день должен появиться Петров.

Было принято решение устроить засаду. В деревню Карабинец прибыла группа захвата и в вечернее время пешком направилась в деревню Ржаные Роги. Группа была вооружена, так как знали, что у Петрова есть ружьё. Незаметно расположились недалеко от бани Петровых, у скирд соломы.

Через некоторое время послышался скрип лыж (дело было в начале марта), залаяла собака, и всё стихло. Виноградова рассказала, что он очень осторожен. Если чувствовал что-либо подозрительное, то в дом к родителям не заходил, убегал обратно в лес. Первая попытка поимки Петрова не удалась.

В апреле организовали вторую попытку. Получили данные, что он опять придёт в баню перед Пасхой.

Этот день наступил. Сначала в баню прошли отец с младшим сыном, потом мать. Длительное время ничего не было слышно. И вот к бане подошёл мужчина, осторожно открыл дверь, вошёл внутрь. Решили блокировать выход из бани.

В ответ на призыв «Петров, выходи!» — длительное молчание. Наконец он подал голос и вышел в предбанник. Тут его и задержали.

Сначала Петрова доставили в Белебелку, а затем — в Новгород. Было проведено предварительное следствие. Показания свидетелей он не отрицал, рассказал обо всём, что натворил в период службы у немцев.

* * *

Очень непростым было дело латыша Станислава Ивановича Лившица, командира «ягдкоманды», действовавшей на территории Белебелковского района Новгородской области.

За совершённые преступления он был объявлен в розыск. Лившица нашли на территории Литвы, арестовали, этапировали в Новгород для проведения предварительного следствия.

Перечень его злодеяний довольно внушителен. Не раз совершал бессмысленные, дикие выходки в отношении мирных граждан: убийства, истязания, надругательства. Ради потехи мог бросить в окно жилого дома боевую гранату, что, как правило, заканчивалось трагически для жильцов.

За свои злодеяния Лившиц был осуждён к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведён в исполнение.

В розыске Лившица и сборе доказательств его преступной деятельности вместе с другими сотрудниками принимал участие и я. Хочу рассказать об одном трагическом случае, который произошёл во время предварительного следствия.

Для допроса свидетелей в Белебелковский район (деревни Бычково, Починок и другие) был направлен старший следователь следственного отдела УКГБ Алексей Михайлов. Мне в то же самое время предложили выехать во Псков, поработать там в государственном архиве, где хранились фашистские издания, в частности, подшивки газеты «За Родину». В этой газете были описаны «подвиги» Лившица.

Вернувшись из Пскова, я узнал, что, находясь в командировке в районе деревень Бычково и Починок, бесследно исчез следователь Михайлов. На место происшествия была направлена оперативно-следственная группа, в которую вошёл и я. Группу возглавил зам. начальника УКГБ Иван Мефодьевич Веселов. К ней были прикомандированы оперативные работники уголовного розыска УВД — Манухин, Уткин и другие.

При опросе жителей деревни Бычково было установлено, что в доме, где Михайлов остановился на ночлег, остались его портфель с документами и пистолет. Сам же Алексей пошёл посмотреть вечеринку, устроенную молодёжью в одном из деревенских домов. Когда он не вернулся на ночлег, хозяева забили тревогу.

Начался розыск Михайлова, выдвигались разные версии его исчезновения. Осматривались дворы, колодцы, окружающая местность, опрашивались жители соседних деревень, проводились другие розыскные и следственные действия. Но результата не было.

К розыску подключили оперативные возможности, решили использовать местную жительницу — назовём её условно «Березиной».

В одном из сообщений «Березина» рассказала, что житель деревни Бычково Иван Николаев перед праздником «Зимнего Николы» ездил в посёлок Дедовичи Псковской области и вместе с другими покупателями привёз три фуфайки. Одну взял себе, вторую отдал жене, а третью — матери. После праздника мать начала искать новую фуфайку, но её нигде не было.

В праздник в их доме побывал житель Карабинца Егор Ефимов. Вместе с Николаевым они пили самогонку. Ефимов пришёл в гости в старой фуфайке, а потом оказался в новой. Провели в доме Ефимова негласный обыск, старой фуфайки не обнаружили.

Это насторожило оперативно-следственную группу. Ефимова решили задержать, так как были получены данные о его службе в карательном отряде. **Ефимов струсил и сразу во всём сознался. Рассказал, как они с Николаевым убили Михайлова.**

А дело было так. Ефимов и Николаев вышли из дома. Было темно. Увидели идущего навстречу Михайлова, остановили его, попросили закурить. В это время Николаев чем-то тяжёлым ударил Михайлова по голове. Тот упал. Ефимов снял с себя фуфайку и обернул ею голову убитого, чтобы на земле не осталось следов крови. Труп дотащили до реки Полисть и сбросили в воду с кромки льда, а сами снова пошли пить самогонку.

Вскоре Николаева задержали. До отправки в Новгород, в камере Белебелковской милиции, он попытался перерезать себе вены. Пришлось надеть наручники. Как потом выяснилось, Николаев служил в РОА (Русская освободительная армия, воевавшая на стороне Третьего рейха против СССР).

Оба преступника были осуждены. Николаев отбывал наказание в одном из лагерей в Средней Азии и был при невыясненных обстоятельствах убит другими заключёнными. Ефимов, отбыв наказание, вернулся в деревню Карабинец. Однажды в бане попал под электрический ток и погиб. Так сложилась судьба военных преступников.

* * *

Передо мной лежит карта Новгородской области. Смотрю на Поддорский район и вспоминаю давно прошедшие события, связанные с моей оперативной работой. Навсегда остались в памяти многотрудные поездки в любое время года по плохим дорогам. С огромными усилиями добирался до райцентра Поддорье, а дальше в нужный населённый пункт, как правило, пешком или, если очень повезёт, на каком-нибудь случайном транспорте.

В 50—60-х годах в тех краях проводилась оперативно-розыскная работа по опасным государственным преступникам, пособникам фашистских оккупантов. В годы войны район был оккупирован войсками 16-й немецкой армии.

Благодатный Рдейский край с его болотами и островами, на которых я впоследствии не раз побывал, с первого посещения произвёл на меня сильное впечатление. На островах располагались

деревни, жителей которых называли «жихарями». Недалеко от Рдейского озера были деревни Острова, Высокое, Шапково, Какачево. Добраться до них можно было только от деревни Наволок, расположенной на дороге Поддорье-Холм. Далее — по дороге через Шапковское болото, незамерзающее даже в крутые морозы.

Во время войны немцы расквартировались в Рдейском монастыре и даже в соборе. Сопротивление оккупантам росло с каждым днём, этому способствовала сама местность. Для борьбы с партизанами фашисты использовали, кроме специальных карательных отрядов, службы СС и СД, тайной полевой полиции (ГФП), «ягдкоманд», и так называемые отряды «самообороны». Они создавались фашистами из числа изменников Родины, дезертиров и недовольных Советской властью местных жителей.

В 1942 году для борьбы с нарастающим партизанским движением такой отряд был создан из жителей деревень Высокое, Шапково, Острова и Какачево. Руководил отрядом Алексей Сергеев по кличке «Боровень», его заместителем стал Иван Трошков по кличке «Шкворень», всего в отряде было 10—12 человек. Все были вооружены винтовками, имели отличительные наркуавные повязки.

В их обязанности входило: выявление лиц, недовольных фашистским режимом, обнаружение партизан и тех, кто им оказывал помощь. Каратели этого отряда проявляли особую активность и всячески выслуживались перед своими новыми хозяевами. Они совершили несколько тягчайших преступлений: выследили и убили партизана Федотова, разграбили имущество его семьи, обрекли на голодную смерть его жену и малолетних детей; избивали ни в чём не повинных мирных жителей, как они выражались, «для острастки», участвовали в облавах на партизан и др.

При отступлении оккупантов из Поддорского района вся эта преступная свора бежала вместе с немецкими войсками, спасаясь от народного суда за совершённые злодеяния.

Перед органами государственной безопасности была поставлена задача — найти этих преступников, заведомо зная, что они скрываются под вымышленными биографиями и легендами

о себе. С 50-х годов розыскные дела на карателей «какачевского отряда» были переданы мне. Ранее по этим делам какие-либо серьёзные мероприятия не проводились.

В первую очередь было необходимо провести некоторые оперативные действия, чтобы установить родственные связи «самооборонников». Затем надо было выяснить, насколько родственники осведомлены о возможном местонахождении разыскиваемых членов их семьи. Все эти люди оказались после войны в различных районах Советского Союза. Принятые меры способствовали более целенаправленному розыску Сергеева, Трошкова, Барабанова, Невского и других.

И вот первые результаты оперативно-розыскной деятельности.

Получены сведения, что в одном из районов Латвии скрывается Иван Трошков. Для организации его розыска руководство управления командировало меня. Прибыв на место, совместно с оперативными работниками КГБ Латвии спланировали необходимые меры к проверке данных о Трошкове. Помню, в розыск включились Бурбулис, Сарана, другие сотрудники. И вот первый результат — есть такой Иван Трошков в Елгавском районе, живёт на одном из хуторов. Дальнейшая проверка подтвердила, что это именно тот преступник, которого мы искали.

Я вернулся в Новгород, и совместно со следователями мы провели дополнительную документацию преступной деятельности Трошкова. Была получена санкция на его арест, и меня опять командировали в Латвию. Установили, что Трошков устроился рабочим в строительную бригаду. Выехали с работниками КГБ Латвии в город Елгава, далее туда, где находилась строительная бригада.

Предъявили Трошкову ордер на арест и в присутствии понятых произвели личный обыск и обыск на хуторе по месту жительства. Затем доставили его в Ригу и поместили в следственный изолятор для последующего этапирования в Новгород. Провели предварительное следствие, в ходе которого более детально установили преступную деятельность членов «отряда». Однако каких-либо данных о возможном местонахождении подельников Трошков не сообщил.

Как он пояснил, при приближении Советской Армии его сослуживцы по «отряду самообороны» бежали с немцами, не рассказывая куда и не советуясь об этом друг с другом. Управление КГБ в первую очередь интересовал главарь «отряда» Алексей Сергеев. Его розыску было уделено усиленное внимание. Приняли все оперативно-розыскные меры, которые, по нашему мнению, должны были дать положительный результат.

* * *

Основанием к розыску А. Ф. Сергеева послужили проверенные материалы о том, что он, проживая на временно оккупированной немцами территории в деревне Какачево, в конце ноября 1941 года по указанию немецких властей организовал из числа антисоветски настроенных лиц вооружённый отряд по борьбе с партизанами. Во главе этого отряда он вёл активную борьбу с местными партизанами, чинил расправы над их семьями.

В декабре 1941 года Сергеев задержал партизана-коммуниста Федотова А. Ф. и приказал его расстрелять. А после расстрела присвоил его одежду и отобрал другие, наиболее ценные вещи, принадлежащие его семье.

Примерно тогда же он сообщил немцам, что жители соседней деревни Шапково Голубева А. Г. и Фёдоров П. А. якобы подерживают связь с партизанами, и просил у немецкого офицера разрешения их расстрелять.

Будучи одновременно старостой деревни Какачево, Сергеев активно помогал оккупационным властям грабить местное население, участвовал во всех акциях, направленных против партизан. Преступления Сергеева можно перечислять долго. Все они нашли документальное подтверждение в ходе следствия.

Сергеев Алексей Фёдорович, 1909 года рождения, уроженец деревни Какачево Поддорского района Новгородской области, был объявлен во всесоюзный розыск. Были приняты меры по установлению всех его родственников и друзей по «отряду».

И вот поступили первые сведения от оперативных источников: мать Сергеева среди односельчан распространяет слухи, что её сын живёт в Елгавском районе Латвии и работает там шофёром. Нас это сообщение заинтересовало, потому что там до недавнего времени скрывался Иван Трошков. Возможно, он умышленно на следствии не рассказал про Сергеева.

В Латвию командировали Рябинина, который раньше хорошо знал разыскиваемого. Разработали легенду, будто Рябинин находится в Латвии по каким-то делам, связанным с закупками скота для колхоза. Такая легенда в то время казалась вполне правдоподобной. Вскоре я тоже выехал в Латвию, чтобы там проводить совместно с оперативными работниками КГБ необходимые мероприятия по организации розыска Сергеева.

Однако все затраченные нами усилия к нужному результату не привели.

А тем временем в деревню приехала навестить свою мать дочь Антонина, сестра Сергеева. Она до войны и во время войны дружила с дочерью Рябинина Марией. Антонина в доверительной беседе рассказала Марии, что её брат Алексей живёт не в Латвии, а в Зарасайском районе Литвы.

Наблюдая за поведением Антонины, выяснили, что она действительно по каким-то делам ездила в Литву. Это нас заинтересовало. И вот снова командировка, теперь уже в Литву. В Вильнюсе меня встретил оперативный работник розыскного отдела. Затем все вопросы, касающиеся розыска Сергеева, обсудили с начальником отдела. Для совместной работы был выделен местный оперработник, с которым я выехал в город Зарасай.

Перед отъездом нас предупредили, что обстановка в районе ещё тревожная — действовали остатки националистической банды, хотя это было уже в конце 50-х годов. В Зарасае нам оказали соответствующую помощь работники райотдела КГБ, выделив одного своего сотрудника. Провели необходимые розыскные мероприятия в Зарасае, Южинтае, Камаях, других населённых пунктах — всё впустили.

Вернулся я в Новгород с чувством тревоги. Затрачено столько времени, сил, средств, а результата нет. С руководством отдела ещё раз проанализировали имеющиеся материалы и пришли к выводу, что родственники Сергеева нас умышленно дезинформировали о его судьбе. Приняли решение сосредоточить основное внимание на изучении поведения сестры Сергеева — Антонины Чернюк, поселившейся в молдавском городе Бендеры.

Провели комплекс мероприятий при содействии КГБ Молдавии. Было достоверно установлено, что Антонина ничего не знает о местонахождении своего брата Алексея. Но работа по розыску Сергеева продолжалась.

Наши помощники Рябиныны сообщили, что дальняя родственница Сергеева получила письмо из Франции. Какой-то её родич просит сообщить матери Алексея, что её сын жив. К сожалению, эта родственница (в 5-м поколении) оказалась почему-то вне нашего оперативного внимания. Через Рябининых удалось получить текст этого письма. Стало очевидным, что Сергеев скрывается во Франции.

Через соответствующие государственные органы (генпрокуратуру, МИД и др.) были получены дополнительные данные на Сергеева: о его местожительстве во Франции, его занятии (священник русской православной церкви) и другие сведения. Вопрос о выдаче Сергеева советским властям в то время по каким-то причинам не решался. В 1958 году розыск Сергеева был прекращён.

Работа по этому розыскному делу составила четыре объёмных тома и характеризовалась тем, что в наших действиях нужен был постоянный анализ полученных сведений, чтобы не пойти по ложному пути. А это, как видно, случалось, что затягивало розыск преступника.

* * *

Участники Великой Отечественной войны, затем ветераны органов госбезопасности, мои товарищи Богов В. М., Мистров Н. В. и другие в течение всей жизни вспоминали свою фронтовую молодость. Очень тяжёлыми были для нашего поколения эти ог-

ненные годы. Испытали голод и холод, не раз смотрели в глаза смерти. Кровавые злодеяния фашистов на советской территории только усиливали нашу ненависть к немецким оккупантам и предателям Родины.

Немало пришлось потрудиться, чтобы восторжествовала справедливость и понесли заслуженное наказание преступники, которые в трудное для страны время предали её, перейдя на сторону врага. **Со звериной жестокостью они убивали женщин, детей, стариков, поливали кровью землю, на которой выросли.**

За время долгого общения с изменниками Родины у меня, следователя, сложилось стойкое убеждение, что эти нелюди никогда не содрогались от плача голодных детей, от предсмертных стонов умирающих женщин.

Попытаюсь раскрыть это на конкретном фактическом материале и своих личных впечатлениях от допросов и бесед с преступниками, свидетелями, экспертами. Многое рассказывали следователи и оперативные работники о поведении обвиняемых и свидетелей. Возмущались поведением преступников, пытавшихся отрицать очевидные, уже доказанные события и факты.

Карательный батальон «Шелонь» действовал под руководством изменника Родины Александра Рисса на территории Новгородской и Псковской областей в 1942—1943 годах. Рисс характеризовался как садист с извращёнными наклонностями. Ременная плётка часто гуляла по спинам тех, кто ему чем-либо не угодил.

Жительница деревни Семёновщина Поддорского района Егорова вспоминала:

«Я никогда не забуду фашистского палача Рисса. Этот душегуб уничтожил на моих глазах многих ни в чём не повинных людей. По его приказу нашу деревню сожгли. Сначала мы жили в лесу, потом нас отправили под конвоем в деревню Алексино. Здесь размещался своеобразный лагерь смерти. Каждый день сюда приводили десятки мужчин, женщин, детей, стариков. На день их закрывали в большой

бункер, называемый клубом, а вечером выводили расстреливать.

Рисс лично участвовал в убийствах, причём делал он это открыто, бравировая своей жестокостью. Однажды он выстроил нас и объявил: «Немецкая армия принесла в Россию новый порядок. Всех, кому не нравится этот порядок, мы будем беспощадно уничтожать. Чтобы вы не подумали, что я только угрожаю, я хочу показать вам, как мы это делаем».

Перед строем поставили двух безоружных сельчан.

«Смотрите и мотайте себе на ус» — прикрикнул Рисс и, как зверь, набросился на одного из крестьян, сбил его с ног и начал бить каблуками в лицо. Когда человек перестал шевелиться, Рисс набросился на вторую жертву и сделал то же самое. Потом он стегал безжизненные тела плёткой, затем приказал одному из карателей нарезать из кожи ещё живых людей ремни. Я не могла видеть страдания людей и отвернулась.

Не оставил этот зверь без внимания и меня. Однажды он без всякой причины остановил меня на улице и приказал следовать к нему в землянку. Там он повалил меня на пол и избил плёткой. За что? Я так и не знаю».

Рядом с Алексинем — деревня Подсобляево, стоит она на возвышенности. Местные жители называли её горой смерти. Подножие этой возвышенности Рисс превратил в место массового уничтожения советских людей. Расстрелы здесь производились ежедневно. Расстреливали колхозников, горожан, приезжающих в деревню, чтобы обменять вещи на картошку или муку, солдат, пробирающихся из окружения, партизан и их семьи. Расстреливали всех, не считаясь с возрастом. За короткое время трупам были забиты все ямы и котлованы, вырытые для хранения картофеля и силоса.

Очевидцы вспоминали имена и фамилии знакомых людей, жизнь которых оборвалась от рук карателей на горе смерти.

Александр Рисс

Выполняя директивы настоящего палача, гитлеровского генерала Хойзингера, Рисс стремился превратить в пустыню оккупированные фашистами районы Новгородской и Псковской областей. Он сжёг более 50 сёл. Каждый раз перед началом акции каратели окружали село и открывали по нему миномётный и пулемётный огонь, чтобы никто из жителей не мог уйти.

Рисс и его банда, трусливо избегая встреч с партизанами, безжалостно расправлялись с мирным населением. Они грабили, насиловали, убивали. Расстреливали без всякого повода. Одних за то, что якобы поддерживают связь с партизанами, других за то, что евреи, третьих просто за то, что они люди. Командир кара-

Место расстрела в деревне Подсобляево

тельного батальона Рисс приказывал расстреливать всех подозрительных.

Недалеко от деревень Шушелово и Петрово есть Страшная гора. Такое название она получила в старину за то, что проезд по ней был опасен. Теперь эту гору местные жители называют Страшной еще и потому, что по приказу Рисса здесь расстреляли десятерых мужчин и троих женщин — колхозников из деревни Семёновщина.

Однажды среди бела дня каратели стали хватать и насиловать женщин. Три девушки заявили: «Лучше смерть, чем такой позор!». Девушек вывели за деревню, застрелили и трупы бросили в канаву.

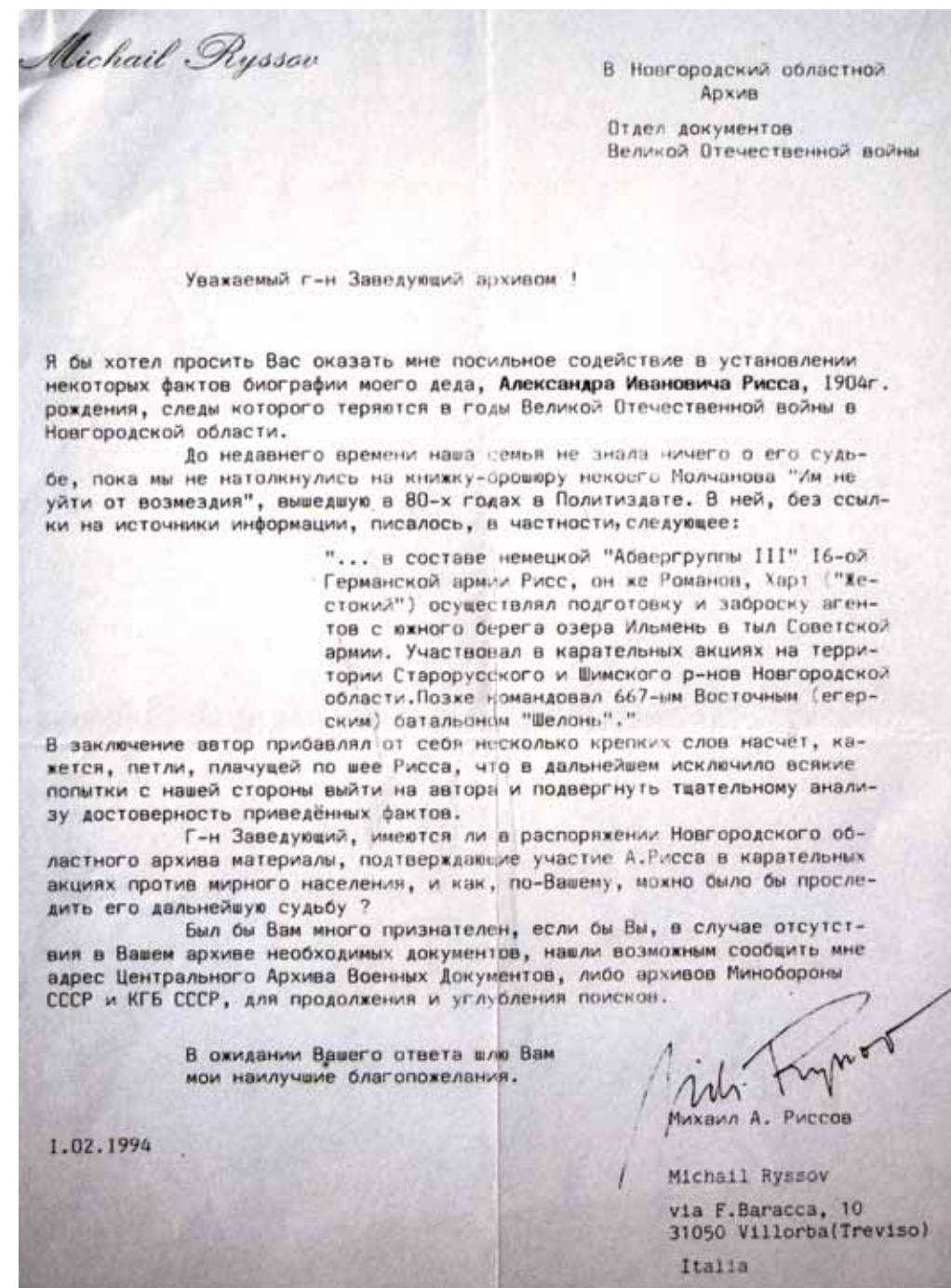
По приказу Рисса расстреляли семью колхозника М. Богданова из деревни Вышегород Псковской области, состоящую из 12 человек. Вместе со взрослыми было расстреляно восемь детей. По его приказу женщин, обречённых на смерть, перед убийством насиловали возле вышегородской церкви.

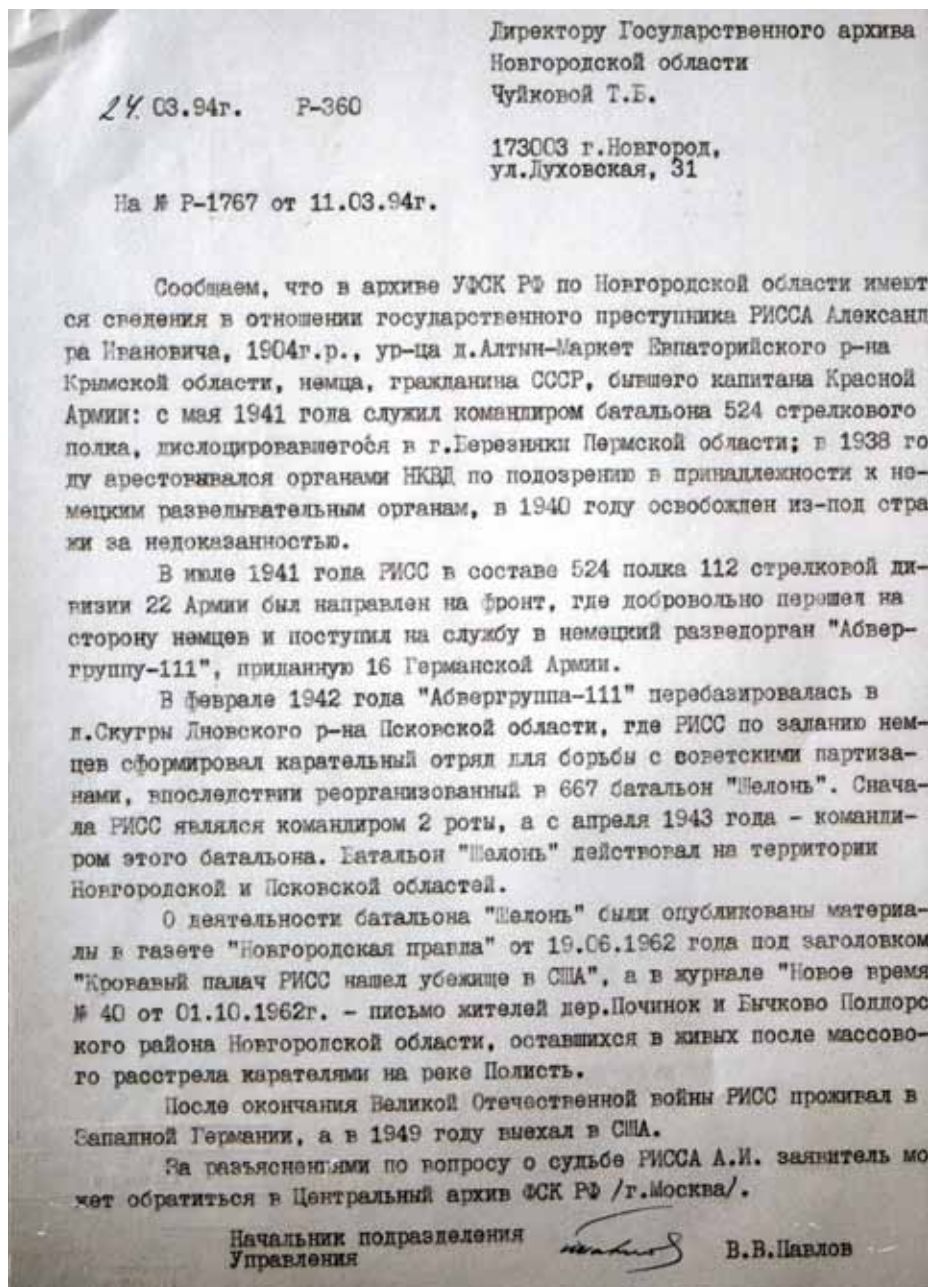
По приказу Рисса в деревню Алексино был доставлен подросток, который обменивал носильные вещи на хлеб. Мальчика жестоко пытали, требуя от него признания в связи с партизанами. А затем Рисс потребовал, чтобы «упрямого» мальчишку привязали к хвосту лошади. Один из карателей сел на лошадь и носился по деревне галопом до тех пор, пока человек не превратился в бесформенную кровавую массу.

Изменник Родины, ставший офицером немецко-фашистской армии, Рисс Александр Иванович нашёл себе приют в США. В то время отношения между США и СССР складывались так, что о выдаче преступника советским властям не могло быть и речи.

* * *

Кровавый палач Рисс и сотрудников подбирал близких ему по характеру. Такими были Буров, Захаревич, Измайлов, Иванов и другие.

В 1978 году было окончено предварительное следствие по уголовному делу № 21 по обвинению Павла Букова, Егора Тимофеева и Константина Захаревича в массовых расстрелах советских людей в период службы в 667-м карательном батальоне «Шелонь».

Уголовное дело с обвинительным заключением передали в суд — Военный трибунал Ленинградского военного округа. Судебный процесс был открытым и проходил в присутствии большого количества свидетелей и жителей Новгорода. Сначала все внимательно слушали обвинительное заключение, затем начался допрос обвиняемых и свидетелей, проходящих по делу.

Присутствующие в зале судебного заседания остро реагировали на всё происходящее, недоумевали, возмущались зверствами карателей, тем, что творили они, убивая беспомощных людей. Находясь в зале, я анализировал, сравнивал поведение Букова, Тимофеева, Захаревича на продолжительном предварительном следствии и в судебном заседании. Ничего не изменилось — то же тупое упрямство, та же вызывающая наглость при даче показаний.

Павел Буков, высокого роста, крупного телосложения. Руки мощные, жилистые. Лицо широкое, обрюзглое, каменно-невозмутимое, с «бульдожьей» челюстью, недоверчивым взглядом. Вся его внешность выдавала человека сильного, расчётливого в своих действиях и поступках, с упрямым характером.

Показания Букова всегда были циничными, а иногда на допросах, когда ему не нравились вопросы, он досадливо морщился, как будто испытывал нестерпимую боль. **С улыбкой на лице рассказывал, как они вылавливали укрывавшихся в лесах мирных жителей и расстреливали их.**

По показаниям свидетелей, почти ежедневно в лагере карателей с наступлением темноты людей выводили к бане на расстрел. Буков много раз лично конвоировал обречённых и принимал участие в их казнях. Во время следствия его вывозили на места расстрелов. Спокойным, будничным тоном рассказывал он,

как задержал в лесу около деревни Ковалёвка двух женщин, доставил их в штаб батальона, а потом после допроса вместе со своими «друзьями» расстрелял женщин возле бани. Одна из них — Татьяна Маркова — была награждена медалью «За отвагу». Изъятую у неё медаль Рисс взял себе.

Там же Буровым и другими карателями были расстреляны две девушки и 15-летний подросток, а ещё — партизан и женщина с двумя малолетними детьми. С удивлением слушали мы, как Буров хладнокровно рассказывал: **«Да, мы вдвоём подошли к 18-летнему парню, стоявшему у дома, и повели его за деревню на расстрел. Парень почувствовал неладное и попытался убежать. Я выстрелил из пистолета. Парень упал и повернул голову в мою сторону. Но тут же мой напарник добил его из автомата...»**

Свидетель Полина Хитрова (фамилия изменена), близко знавшая Бурова в период его жизни в Алексине, рассказала, что свои выходы на операции по розыску и поимке людей, укрывавшихся в лесах, он называл «прогулками». Известно, чем они заканчивались.

После таких «прогулок» Буров, Аксёнов, Проклиенко, Радченко и другие каратели собирались в так называемом клубе — большой землянке. Туда же насильно стогнали на танцы и для дру-

Каратель Павел Буров

гих забав девушек и женщин. Буров с ухмылкой приставал к девушкам, принуждал к знакомству и общению.

Он отличался большой физической силой. Если ему кто-то перечил или просто говорил что-нибудь не «тем тоном», то получал от него крепкую оплеуху.

Случалось такое и в отношении сослуживцев по батальону. Его «дружки» при этом одобрительно смеялись, поощряли подобные «шутки». Кличка его была «железная рука».

Буров и другие обвиняемые знали, что не все их жертвы погибли. Они их не видели до суда, но предполагали, что встретят в ходе судебного процесса. И эти свидетели, пострадавшие от рук карателей, также со своими палачами лично не встречались. Какой будет реакция на показания этих свидетелей Бурова и Тимофеева?

Гуревич-Гурвич

И вот начали давать показания свидетели, случайно оставшиеся в живых 19 декабря 1942 года после расстрела карателями жителей деревень Бычково и Починок. Тогда от рук извергов погибли 253 человека: женщины, старики, дети.

Рассказала чудом уцелевшая жительница деревни Починок А. Савченко:

«В нашей деревне было сорок домов. Однажды карательный батальон Рисса сжёг село. Тогда мы вырыли землянки и стали в них жить. Утром 19 декабря 1942 года в село опять ворвались каратели во главе с Риссом. Они бросали в окна землянок гранаты, стреляли из автоматов. В нашей землянке убили 12-летнего Колю Лучина и 20-летнюю Марию Яковлеву. Мне одна пуля угодила в ногу.»

Григорьев. Разведгруппа 667-го карательного батальона «Шелонь»

После этого фашисты выгнали из землянок всех уцелевших на улицу. Тех, кто не мог стоять, здесь же застрелили. Нам приказали идти в сторону Бычкова. Это село расположено недалеко от нашего. В окружении автоматчиков мы пошли. У некоторых односельчан были узелки с одеждой или едой. Подойдя к берегу реки Полисть, мы увидели, что сюда ведут и жителей Бычкова.

Нам приказали все вещи оставить на берегу и спуститься на лёд. Мы увидели, как каратели стали потрошить наши узелки. Всё мало-мальски ценное они забирали себе. Рядом с нами поставили и жителей Бычкова. Каратели установили на льду три пулемёта и направили их на нас. Танк тоже развернул башню в нашу сторону. Я, как сейчас, вижу искажённые ужасом лица женщин, прижимающих к себе грудных детей. Отец шепнул мне и матери: «При первых выстрелах падайте и не шевелитесь».

Рисс подал команду. По толпе резанули пулемёты, треск которых слился со стонами людей. Это был какой-то кошмар.

Рядом со мной на льду лежала мать. Она вскрикнула и затихла. Я приложила руку к её груди, она не дышала. В меня попало четыре пули. Отец тоже был ранен. Он прошептал: «Терпи, дочка, прикинься мёртвой, а то убьют».

Собрав все силы, я молча терпела боль. Стрельба затихла. На льду барахтались и стонали окровавленные люди. Каратели подошли к нам поближе и из пистолетов и автоматов добивали тех, кто подавал признаки жизни. Вот громко заплакал ребёнок. Сухой пистолетный выстрел, и плач оборвался.

Почти рядом со мной лежит 17-летняя Клава Михайлова. Я слышала, как каратель подошёл ко мне и остановился. Я затаила дыхание. У Клавы не выдержали нервы, она поднялась на колени и стала просить не губить её молодую жизнь. Выстрел в лицо, и Клава упала.

Смолкают стоны, смолкают и выстрелы. *Я чувствую, что под трупами есть ещё живые люди. Видимо, догадались об этом и фашисты. По нам из пушки стал стрелять танк.* Снарядами разносило людей в клочья. Сколько пролежала на льду в луже крови, я не знаю, казалось, прошла целая вечность. Вечером мы с отцом и ещё несколько уцелевших выбрались из-под трупов».

Об этой кровавой трагедии рассказала ещё одна женщина, вырвавшаяся из лап смерти, Тамара Иванова:

«Когда началась стрельба, к нам в землянку прибежало ещё несколько односельчан. Всего нас собралось человек тридцать. После нескольких автоматных очередей в окно землянки находившийся с нами сосед — старик Алексей Яковлевич — решил объяснить карателям, что здесь только женщины, дети и старики. Он взял в руки белый платок и, подняв его вверх, направился к выходу. Его застрелили в упор.

Потом один из карателей просунул в окно автомат и дал несколько очередей. Многие упали замертво, среди них были два моих малолетних племянника. Мы решили выйти на улицу. Но в это время одна за другой в открытую дверь

Тамара Иванова

влетели три гранаты. Потом фашисты стали бросать в землянку снопы горячей соломы.

Начался пожар. Мы бросились на улицу. Вышло нас меньше половины, остальные были или убиты, или тяжело ранены. Они остались в горячей землянке. Сгорели мои родственники, в том числе отец, мать и сестра Екатерина.

Всех уцелевших каратели повели расстреливать на лёд реки. В этот день изверги убили десять моих родственников. Я осталась в живых только потому, что при первых выстрелах упала».

А вот воспоминания В. Моховой, которой было тогда 14 лет:

«Утром начался обстрел нашей деревни Починок. Всюду дым, крики, огонь, плач. Когда обстрел закончился, собрали уцелевших и повели к реке. А туда уже из другой деревни ведут людей — из Бычкова. Согнали всех на лёд Полисти. А на берегу пулемёты. Начали стрелять, я упала. А маму убили сразу. Я пролежала до вечера. Потом встали, кто уцелел, в воде, в крови, и ушли со льда. Ночевали у стога сена».

А вот что рассказал Г. Михайлов, которому в день трагедии было всего 4 года:

«Я солнце запомнил — оно было красное. Когда начали стрелять, собрала нас мать и повела. Страшно было— всё трещит, горит. Согнали на лёд, стали стрелять из пулемётов. Нас с Володей бабушка держала за руки, у мамы на руках был Лёня. Бабушку сразу убило, она на меня упала. Володю убило. И Лёню. Пули через Лёню не прошли в маму, только плечо ранило. Я заплакал: мне ногу прострелило. Мать шепчет: «Молчи!» Потом она меня увела».

Заговорила Анна Николаевна Зверева, чудом уцелевшая в том страшном побоище, тогда ей было девять лет. Невозможно представить тот ужас, который пережила маленькая девочка. Присутствующие в зале суда притихли, установилась напряжённая тишина. Кто-то из женщин заплакал. Я внимательно наблюдал, как на эти показания реагировали Буров и Тимофеев, совершившие кровавые деяния на льду реки Полисть.

На показаниях Анны Зверевой хочу остановиться более подробно. Она заявила, что помнит все детали трагедии, до последних мелочей, как будто это было вчера:

«19 декабря 1942 года фашисты ворвались в нашу деревню. Бросили к нам в окно гранату, но она не взорвалась. Тогда мать сказала: «Собирайтесь со мной, пойдёмте все на улицу». Первым вышел отец, за ним наша сестра. Тут же сразу около окопа отца в упор расстреляли. «Ты партизан», — только мы и слышали. Сестру тоже сразу расстреляли.

Погнали нас на большак, там стоял танк. Танк пошёл вперёд, мы все — за ним. Дети, старики, матери наши. Пригнали нас в деревню Бычково. Оттуда тоже всех жителей согнали на речку. Сразу расставили пулемёты, поставили танк. Нас всех согнали на лёд и сказали: «Вас всех сейчас расстреляем».

Тогда мама с нами попрощалась и сказала: «Давайте ляжем, дети». И больше мы от неё ничего не слышали. Когда начали стрелять, мы все лежали. Я лежала, повернувшись к маме, её руки были на мне. Когда меня ранило, я перевернулась вниз лицом. Меня завалило трупами односельчан, мне было больно и страшно. Я крепилась, боялась хоть чем-нибудь себя обнаружить».

Но каратели с места расправы уходить не спешили. Они высматривали, не подаст ли кто признаков жизни. Потом стали стрелять из танка. Тут уже и вода пошла на лёд. И всё. Всё утихло, потом они уехали, но не все. Некоторые ещё ходили по льду, пристреливали детей, кто вставал...»

Убедившись, что каратели ушли, раненые стали выбираться из-под трупов. Одни поползли к стогу сена на берегу, другие — в лес, третьи стали пробираться к соседней деревне. Раненая 9-летняя Анна осталась одна. Почти все её родственники пали жертвами озверевших бандитов. К счастью для девочки, осталась в живых её тётя. Она взяла с собой осиротевшего, обезумевшего от страха ребёнка и повела в деревню.

Они рассчитывали найти там и заменить порванную одежду, забинтовать раны. Но от деревни ничего не осталось. Догорали последние дома. Пошли к окопу, нашли там трупы отца и сестры, накрыли их и подались в лес.

То же самое произошло в деревне Бычково. Горьки воспоминания о том страшном дне уцелевшей от казни Михайловой Александры Яковлевны. У неё в этот день каратели убили двух малолетних детей и мать. Вот её показания на следствии и в суде:

«Погнали нас всех большой дорогой. У меня один мальчик был маленький — седьмая неделька на второй годок. Володе было три года, а Гене пять лет исполнилось в Николу, как раз, когда расстреливали.

У меня ребёночка развернули, а вот с Гени шапку сняли и пиджак сняли. Я заплакала и говорю: «Он замёрзнет, холодно». Говорят: «Сейчас мы вас нагреем». Ну, что ж, спустились мы на реку и стали один за другим, кто куда. Видим — ставят пулемёты. Я говорю: «Мамаша, давайте ложиться».

Мы завалились на снег, и потом те, которые стояли, уже убитые валились на нас. У меня мальчик был на руке, и стали его давить, этого мальчика. А Геня ещё жив, и мамаша жива. Потом Геня говорит: «Ой, бабушка! Меня ранило в ножку». Я говорю: «Молчи, сейчас убьют». А потом, когда стали лёд пробивать с танкетки, мамаше в голову и плечо попали осколки, и её сразу убило.

И вдруг с берега, от стога сена, выскакивают, я уже не помню сколько, двое или трое, с автоматами, И они сразу застрелили мужчину, который хотел подняться. Они его заметили и не упустили с глаз. И тут они пошли пристреливать тех, кто просил: «Предайте смерти».

Трудно сказать, чего больше было у этих душегубов: цинизма или тупой жестокости. Не думали тогда фашистские наёмники, что им придётся встретиться с жертвами глаза в глаза, держать ответ перед народом. Они совершили многочисленные кровавые преступления.

Вот Буров, Тимофеев, Захаревич слушают в суде свидетельские показания Зверевой, Михайловой, Ивановой, Моховой и других.

Подсудимые явно обеспокоены обстановкой в зале. Присутствующие смотрят на них с ненавистью и отвращением, со всех сторон в адрес нелюдей раздаются гневные выкрики.

Буров, с искажённым лицом, бешеным взглядом, беспрестанно двигает челюстями, вертит головой то в сторону членов суда, то в сторону зала. Он, конечно, не рассчитывает на какое-либо снисхождение — слишком тяжелы его преступления. Ведь это он бегал среди окровавленных трупов по льду Полисти и добивал из автомата раненых детей, женщин, стариков.

На предварительном следствии при проведении очных ставок с бывшими сослуживцами по карательному батальону «Шелонь» Меркуловым, Поярковым, Калистовым, Сергеевым, Приказчиковым и другими, а также в судебном заседании, когда пришла пора расплачиваться за содеянное, Буров пытался ловчить, искал спасительные лазейки.

Задавал многочисленные вопросы своим сослуживцам, пытаясь очернить их в глазах правосудия, перевалить на них часть своей вины, стремясь доказать, что они ничуть не лучше. Его колючие, безумные глаза в упор смотрели на свидетелей, будто буравили их насквозь. При этом он весь дрожал от ненависти.

Буров, находясь среди таких бандитов и убийц, как Рисс, Прокиенко, Гуревич-Гурвич, Аксёнов, Смирнов и другие, ничем от них не отличался, тоже приобрёл криминально-жестокие, звериные черты характера, непредсказуемое поведение и кроваво-жадные привычки.

Ощущение полной безнаказанности всегда приводит к новому насилию, порождает стремление мстить жертвам, желание любым способом захватить лидерство даже среди своих собратьев по преступным делам. Таким был Павел Буров.

* * *

По этому уголовному делу проходил также Егор Тимофеев. Среднего роста, лицо невыразительное, бесцветное, с низким

Гуревич-Гурвич и Николай Иванов на скамье подсудимых

Дело Гуревича-Гурвича

лбом, взгляд бегающий, заискивающий. По характеру — беспринципен, речь невнятная, движения развинченные, суетливые.

Во время следствия представлялся наивным простачком: то забывчивым, то не понимающим, о чём спрашивают. Интеллектуальная неразвитость Тимофеева

затрудняла ведение его допросов по конкретным фактам преступлений, совершённых им и другими карателями.

Иногда свою вину он пытался свалить на других, будто он жертва обстоятельств, сложившихся не в его пользу. Внешне некази-

стый, не в меру говорливый. Но речь была пустой, бессодержательной. К чужим бедам и людским судьбам испытывал полное равнодушие.

В общении со следователями Тимофеев вёл себя заискивающе, производил неприятное впечатление. Этот подонок с тупым безразличием расстреливал из немецкого пулемёта МГ-34 жителей деревень Бычково и Починок на льду реки Полисть с расстояния в 15 метров.

Вот его показания в суде, потрясающие своим откровенным, тупым цинизмом:

«Да, я стрелял в толпу. Приказали, и стрелял. Я малодушный. Видал — падали люди. Зачем убивал — не знаю»

На реплику суда: «Неправда. Знал зачем, знал за что», он ответил:

«Копий немцы давали, масло, мясо. 22 марки платили, землю отцу обещали дать».

Так оценивалось предательство: фашистским штурмовым знаком и восточной медалью, двумя десятками марок и «кофием».

Тимофеев пытался разыгрывать из себя такого тёмного, необразованного деревенского дурачка, который не ведал, что творил. Нет, ведал. Да ещё как! О том, что новые хозяева его ценили, говорит такой факт.

Когда батальон «Шелонь» нёс службу в Дании или Бельгии, Тимофееву дали отпуск. Приехал он к отцу в Псковскую область при оружии, в форме. И тут не утерпел — задержал подростка Холодова по подозрению в связи

Тимофеев

с партизанами и жестоко его избил. Из всех сил отработывал ревностный служака полученные от фашистов марки.

* * *

Иначе вёл себя на следствии и в суде третий обвиняемый — Константин Захаревич. Высокого роста, среднего телосложения, с ничего не выражающим, бесстрастным взглядом. Внешне всегда спокоен, скрытен. Вопросы долго обдумывал, а отвечал на них монотонно, осторожно. Никогда не интересовался как своей дальнейшей судьбой, так и судьбой своих родственников. Ни с какими просьбами не обращался. Иногда проявлял ко всему полное безразличие, но, как говорят, был себе на уме.

Этот каратель был включён в специальную разведывательную группу батальона «Шелонь». Туда направлялись только «достойные, проверенные, зарекомендовавшие себя в делах с самой лучшей стороны» каратели. Перечень его преступлений очень велик.

Захаревич вместе с другими карателями, переодетыми партизанами, участвовал в уничтожении мирных жителей. Показал, как каратели — среди них он сам — арестовали восьмерых женщин, одна из которых была с грудным ребёнком. **Женщины ловили рыбу в реке Полисть. Каратели отвели их в штаб в Алексине и у бани всех расстреляли, ребёнка тоже убили.** Отобранную рыбу (около 30 кг) сварили и съели. Об этом он рассказывал спокойно, с паузами, вспоминая и смакуя детали.

В другом месте, у кладбища, задержанным старику и старушке приказали спуститься в яму, якобы для того, чтобы поднять бочку, и предательски, в затылок застрелили обоих из пистолетов. Причём старушку убил Захаревич.

Так вот действовали эти каратели.

По показаниям свидетелей Захаревич без команды первым выстрелил в партизана, вышедшего из обнаруженной карателями в лесу землянки. Первым он выстрелил и в другого партизана при встрече на мостике через канал. Тогда было убито семь человек.

Список его преступлений можно продолжать, но и этого достаточно для его морально-криминальной характеристики. Сколько нужно было иметь лютой ненависти к своему народу, необузданной жажды его истребления, чтобы вот так упиваться кровью беспомощных людей!

На следствии и в суде Буров и Захаревич старались доказать всем, что попав в плен, они делали безуспешные попытки убеждать к своим, но что каждый раз немцы их ловили и возвращали назад. Эти показания никого не могли убедить в их искренности. Каратели всячески изворачивались и, как утопающие за соломинку, хватались за любую возможность облегчить свою участь.

Можно отметить ещё одну черту характера Захаревича — его исключительную мелочность и склочность. По решению суда он был приговорён к 15 годам лишения свободы в колонии строгого режима. А после окончания судебного процесса ещё долго писал жалобы в различные инстанции, в том числе и на собственного адвоката, защищавшего его в суде, требовал возмещения ущерба.

* * *

Знакомлюсь с подлинными документами минувшей войны, в которых каждая строка — гнев, боль, горечь утрат. Это результат карательных операций изменников Родины, перешедших на службу к фашистам. Трудно описать словами то состояние и передать те чувства, которые испытываешь, возвращаясь к давним уголовным делам о расследовании их злодеяний.

Вот объявлен в розыск Иван Измайлов, активный участник 667-го карательного батальона. Оперативными мерами было установлено, что он очень неплохо устроился в курортном городе Пятигорск. Возбуждено уголовное дело, которое по окончании следствия передано в суд — Военный трибунал Ленинградского округа.

Во время следствия и в судебном заседании Измайлов не раскаивался в совершённых злодеяниях, его не мучила совесть. Поте-

ряв человеческий облик, он хитрил, ловчил, огрызался, насканивал на свидетелей. Своим поведением пытался провоцировать следователей, чтобы их скомпрометировать. Во время следствия и в суде пытался увильнуть от фактов, ссылаясь на свою плохую память, а то и просто голословно всё отрицал. Вот характерный пример его забывчивости.

На допрос и очную ставку с Измайловым была вызвана Е. Егорова (фамилия изменена), бывшая его сожительница в деревне Алексино, где в то время дислоцировались штаб, две роты и разведгруппа батальона «Шелонь». Егорова показала на очной ставке, что Измайлов подарил ей однажды халат и шерстяную кофточку, хоть и бывшую в употреблении, но ещё хорошую. Измайлов категорически отрицал близкое знакомство с Егоровой и то, что делал ей подарки. Из показаний многих свидетелей было известно, что каратели, в том числе и Измайлов, брали вещи расстрелянных жертв, а затем одаривали ими своих приближённых.

За служебное рвение и верность оккупантам Измайлов пользовался их особым расположением. Его быстро произвели в ефрейторы, затем — в унтер-офицеры, назначили командиром отделения, включили в состав разведывательной группы, состоявшей из отборных бандитов. Любил себя показывать, покрасоваться перед односельчанами, ходил по деревне, выпятив тощую грудь с гитлеровскими наградами. Среди друзей хвалился правами над мирными жителями, смакуя подробности убийства женщин и детей.

Один из очевидцев, свидетель И. Максимов, показал, что не раз видел, как по прогону, что ведёт в деревню Подсобляево, вели людей на расстрел:

«Однажды я стоял у конюшни. Измайлов и ещё несколько карателей вели на расстрел целую семью. Это были старик со старухой и женщина с ребёнком. Раздались выстрелы, а через некоторое время каратели вернулись в деревню без арестованных».

Свидетель П. Филиппова вспомнила, как Измайлов вместе с другими бандитами привёл в Алексино семью Ивановых. К утру

вся семья — муж, жена и четверо детей — были расстреляны. А одежду с них сняли и принесли в деревню.

В ноябре 1942 года шестеро карателей, в том числе и Измайлов, в деревне Алексино вывели четырёх женщин и двоих детей к бане, поставили их лицом к стенке и застрелили в упор в затылок.

Убийства, убийства, убийства... Их много, они ужасающи. Суд и свидетели сорвали маску с преступника. Ему был вынесен суровый, но справедливый приговор, в котором была выражена воля народа, последнее желание павших от рук фашистских палачей, клятва оставшихся в живых — покарать по заслугам нелюдей, совершивших тяжкие преступления перед Родиной.

* * *

В ходе розыска служащих Волотовской районной полиции сотрудники госбезопасности вышли на полицая Николая Фролова, переведённого позже в 654-й карательный батальон. Заинтересовало и другое розыскное дело, также на Фролова Николая, примерно того же возраста, в прошлом жителя Ленинградской области. Этот Фролов, ранее будто бы служивший в полиции, с группой агентов Бойценбургской разведывательно-диверсионной школы был переброшен через линию фронта в тыл Красной Армии. Розыск обоих Фроловых и сбор доказательств решили вести по объединённому делу, ибо анализ скудных сведений подсказывал, что это, вероятно, одно и то же лицо.

Поручили работу двум майорам, старшим оперативным уполномоченным: мне, Михееву В. П., и Богову В. М. Первый вёл сбор доказательств, второй — оперативный поиск. Просмотрели десятки уголовных дел на осуждённых агентов Бойценбургской школы. Один из них рассказал, что знаком с Фроловым по Бойценбургу и уточнил, что ранее тот служил в немецкой полиции в Волосовском районе Ленинградской области. В Волосове изучили массу материалов, провели много бесед, но никто из опрошенных не подтвердил этих данных.

Вернулись в Волотовский район, попытались там получить на Фролова более полные данные. Пересмотрели уголовные

дела на бывших полицаев в Волоте, но ни в одном из них, даже в деле главаря Волотовской полиции Молоткова, о Фролове не нашли никаких упоминаний.

Наконец, оперативным путём удалось напасть на след Фролова из Вошкина Островского района Псковской области. Но тот ли это Фролов? Не идём ли мы по ложному следу? Сомнения оставались. И снова отправились в Волотовский и Поддорский районы, где больше всего зверствовала Волотовская полиция.

«Зверь, а не человек!» — говорили нам о Фролове. Люди помогли сотрудникам госбезопасности найти свидетелей его преступлений и пострадавших от его действий.

«Этот человек, — рассказывал свидетель Фёдор Петрович Щёлоков, глядя на фотографию Фролова, — отличался особой жестокостью. Он без всякого повода расстрелял Финогенова, убил братьев Крючковых». С помощью Ф. Щёлокова, З. Васькиной и других свидетелей установили чудовищные преступления изменника: многочисленные убийства, истязания, грабежи, надругательства над мирными жителями.

К нам пришли и те, кого в своё время ограбил Фролов, и те, кто посидел за одну ночь, кто осиротел после того, как в селе побывал этот головорез со своими сообщниками. Картина преступлений становилась всё более полной.

Николай Фролов

Было собрано достаточно материалов для возбуждения уголовного дела на Н. Фролова. Встала задача: найти его и обезвредить.

Долгие, трудные пути поисков привели нас в Светлогорск Калининградской области, где монёром на ЛЭП работал Фролов. Бывшие немецкие агенты опознали его как агента-диверсанта.

Едем в Калининград. Чтобы не допустить ошибки при аресте, везём

с собой свидетелей-опознавателей: З. Васькину и Ф. Щёлокова. При задержании Фролова провели все необходимые процессуальные действия, доставили его в следственный изолятор. Да, это именно тот человек, которого мы искали. Обычно нас как профессионалов всегда интересуют личности обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего, с которыми приходится иметь дело в ходе следствия. И вот первые впечатления от встречи с Фроловым.

Утром следующего дня в Калининград из Светлогорска прибыла жена Фролова, попросила передать ему продукты. Мы разрешили. Встреча супругов состоялась в следственном изоляторе в нашем присутствии. Таков был порядок.

Запомнился истеричный крик женщины, её обвинения в адрес мужа, который, по её словам, погубил семью, связавшись с фашистами. Тем не менее, продукты Фролов взял, даже не попытавшись оправдаться.

В сопровождении охраны садимся в поезд Калининград-Ленинград. В Луге нас должна встретить опергруппа. В пути беседуем на разные житейские темы, а Фролов, развалившись на верхней полке, преспокойно жуёт привезённые женой сало, колбасу, консервы. Лишь однажды он обратился к нам, спросил, можно ли ему купить у проводницы бутылку пива, в чём ему было отказано. Тогда мы ещё не знали, что на следствии он нам доставит немало хлопот.

Чтобы доказать вину Фролова, потребовались неопровержимые факты, убедительно подтверждающие его виновность. Его длинный преступный путь — полицай, каратель, фашистский агент — надо было подтвердить показаниями свидетелей, документальными данными, осмотром мест происшествий и т. д.

Усилиями оперативных работников и следователей собраны доказательства его вины — доказательства довольно внушительные и страшные. Это он и другие полицаи по заданию Петра Мановского, резидента ГФП (тайной полевой полиции), арестовали и расстреляли патриотов Волотовской подпольной организации, которой руководил коммунист П. А. Васькин. Причём

Выступление общественного обвинителя Быстрова из Старой Руссы

для устрашения населения всё делалось открыто. Чтобы все понимали, кто теперь властелин и хозяин и что пощады никому не будет.

В деревне Красный Луг Белебелковского района поставили к стенке дома Зинаиду Терентьевну Васину с двумя её малолетними детьми и поверх голов стали стрелять из автоматов и винтовок, требуя сказать, где её муж. Женщина в одночасье поседела. В этой операции участвовал и Фролов. Ничего не добившись, унесли из дома последние вещи.

На следствии и в открытом судебном процессе, который состоялся в Старой Руссе в 1960 году, на вопрос: каковы мотивы его поступков, Фролов ответил, что убивал без всякой цели, а просто, чтобы позабавиться.

Новгородским областным судом преступник был осуждён к 15 годам колонии строгого режима. Открытый судебный процесс состоялся в Старой Руссе. В дальнейшем такие открытые процессы стали практиковаться постоянно с целью привлечения широкой общественности к розыску особо опасных преступников.

* * *

Для сбора доказательств при расследовании любого уголовного дела мы активно используем оперативные возможности, современные тактические приёмы, научно-технические средства. В связи с этим характерно уголовное дело на Петра Тестова. Главными проблемами в деле были ограниченная свидетельская база — потеря очевидцев злодеяний — и давность совершённых преступлений.

Оказавшись в плену, Тестов в сентябре 1941 года добровольно поступил на службу в лагерную полицию и конвоировал советских военнопленных на работу за пределы лагеря. В 1942 году перевёлся в специальное карательное формирование 38-го армейского корпуса немецкой армии — «ягдкоманду-38», предназначенную для вооружённой борьбы с партизанами и любым сопротивлением местного населения оккупационному режиму. **Принял присягу на верность гитлеровской Германии.**

На территории Новгородчины 1943—1944 годах Тестов неоднократно принимал участие в карательных операциях против партизан. Эти операции сопровождалось убийствами, истязаниями людей, грабежами и сожжением деревень.

Служащие «ягдкоманды-38» провели 26 ноября 1943 года с участием Тестова карательную операцию в отношении жителей деревень Доскино, Танина Гора и Торчиново Батецкого района. Это были в основном старики, женщины, дети, которые, скрываясь от угона в Германию, ушли в урочище Пандрино.

Каратель Пётр Тестов

Вооружённые каратели напали на лесной лагерь мирных жителей, окружили его, а тех, кто пытался бежать, преследовали и убивали на месте. Каратели учинили жестокую расправу над людьми. Они согнали из землянок всех жителей лагеря к помещению для скота, вталкивали в него поочерёдно группы людей и расстреливали. **А 19-летнюю Александру Карасёву и её сестру Екатерину разорвали заживо, привязав за ноги к наклонённым деревьям.**

Каратель Пётр Тестов

В общей сложности каратели убили более 130 человек. Имущество и домашний скот разграбили. Уходя с места преступления, сожгли все постройки с трупами убитых.

Тестов был исполнителем расстрела. Он лично убил из автомата несколько человек. Активный каратель служил у немцев до весны 1945 года.

Роль Тестова в совершении преступления, кроме его собственных показаний, была подтверждена показаниями свидетелей, протоколами осмотров, документами и заключениями экспертиз.

Из рассмотренных архивных уголовных дел по обвинению бывшего командира 38-го армейского корпуса немецкой армии генерал-лейтенанта Герцога и других военных преступников следовало, что задачей карательного отряда — «ягдкоманды-38» — была борьба с партизанами, поимка парашютистов, выявление саботажников среди мирного населения. Каратели расстреливали деревенских жителей, а сами деревни полностью сжигали.

В архивах было найдено трофейное немецкое дело с отчётами и донесениями. Из этих документов видно, что «ягдкоманда-38», которой командовал ротмистр Лухнер, вела активную

борьбу с партизанским движением: прочёсывала местность, устраивала засады, обыски и облавы, сжигала в лесах любые постройки, проводила другие карательные акции. Приставка «ягд» подчёркивала охотничьи, истребительские функции. «Ягдкоманды» и были созданы для подавления партизанского движения и усмирения мирного населения.

Эти архивные и трофейные документы помогали правильно ориентироваться в расследовании названного уголовного дела.

Розыск Тестова шёл трудно, а в последующем и вовсе затянулся из-за отсутствия взаимопонимания с оперативными работниками другого отдела КГБ. Как потом выяснилось, Тестов давно уже проживал и работал именно там, где мы его искали. Будучи по возрасту пенсионером, обзавёлся подложными документами и выдавал себя за инвалида Великой Отечественной войны, лечился в ветеранском госпитале, получал соответствующую пенсию и даже был награждён медалями «За победу над Германией» и «20 лет Победы».

После ареста Тестов уклонялся от дачи правдивых показаний, ссылаясь на потерю памяти. Играл он очень умело, но были проведены амбулаторная и стационарная судебно-психиатрические экспертизы. В отношении Тестова была впервые в нашей практике проведена и судебно-психологическая экспертиза. Её производство было поручено старшему научному сотруднику, доценту факультета психологии Ленинградского государственного университета кандидату медицинских наук Немчину Т. А.

Комиссии этих экспертиз дали заключение: психическими заболеваниями в период службы в «ягдкоманде-38» Тестов не страдал и не страдает ими в настоящее время, является вменяемым; ссылка на забывчивость — это всего лишь форма защитного поведения.

Свидетелем по уголовному делу проходил единственный оставшийся в живых очевидец случившегося в урочище Пандрино, тогда 14-летний Белов А. Д. На месте преступления были убиты его мать и жена брата с двумя детьми. Ему самому нанесли удар

Александр Белов

прикладом по голове, а затем по невыясненным причинам каратели оставили подростка в живых и постоянно держали при себе.

При опознании Тестова по фотографии Белов впал в истерический припадок, кричал: «Это он, это он, это тот каратель, который стрелял». Пришлось вновь прибегнуть к услугам эксперта-психолога, теперь уже в отношении свидетеля. Экспертиза не выявила у Белова отклонений и дала заключение, что он может адекватно осмысливать прошедшие события. В ходе

предварительного следствия и в суде вина Тестова была полностью доказана.

* * *

И ещё один необычный розыск преступника Михаила Симоновича Иванова, 1910 года рождения, уроженца Паулино Старорусского района, работавшего до войны надзирателем в Боровичской ИТК.

В начале войны Иванов был призван в армию. Попал в окружение, оттуда вышел и вернулся в родную деревню. Немцы назначили его урядником, затем перевели полицаем в посёлок Волот. В 1944 году поступил на службу в 654-й карательный батальон. Занимался грабежами, арестами и расстрелами мирных граждан, сожжением деревень.

Скрываясь в годы войны и после неё от уголовной ответственности за совершённые преступления, постоянно менял свои биографические данные, жил по временным документам, ибо подлинные якобы потерял.

Михаил Иванов

После войны, при массовом возвращении из Германии насильственно угнанных туда советских людей, оказался среди них. Осел в местечке Крупки Минской области у своей сожительницы Софьи Стасевич как Иванов Михаил Семёнович, уроженец города Ленинграда, устроился на работу на местный нефтепровод.

В январе 1946 года из обрезка немецкой винтовки убил красноармейца Жуковца. Было возбуждено уголовное дело Крупским РО НКВД БССР. 3 февраля 1946 года при этапировании в тюрьму города Борисов совершил побег и был объявлен во всесоюзный розыск.

В апреле этого же года нелегально появился у своей первой жены Марии Андреевны Ивановой в Боровичах, объявив ей, что задерживаться надолго здесь не собирается и на работу будет устраиваться в другом месте.

В латвийском городе Крустпилс проживал его двоюродный брат Михаил Тимофеевич Козлов, тоже бывший полицей. Туда и подался Иванов, уже по отчеству Сергеевич, уроженец Старой Рус-

сы. Устроился рабочим в подсобное хозяйство рыбзавода. Туда же нелегально из местечка Крупки вывез Софью Стасевич.

Через родственников Козлова о местонахождении Михаила Иванова узнала его первая жена Мария. Выехала в Крустпилс, устроила Софье скандал и пригрозила мужу неприятностями из-за его сомнительного военного прошлого.

Чтобы избежать нежелательных последствий этого визита, Иванов вместе с Софьей покинул Латвию и отправился в таджикский город Ленинабад, где через коменданта уранового рудника сумел за взятку вместо паспортов оформить обоим временные 6-месячные удостоверения.

Теперь он уже стал Ивановым Михаилом Григорьевичем, 1917 года рождения, уроженцем города Калинин. До 1951 года работал на рудниках бурильщиком. Потом в Ленинабадской области началась паспортизация всего населения, и, боясь проверки, Иванов с Софьей перекочевали в город Роза Челябинской области. Там устроился на работу в шахту № 30. Но шахту стали часто посещать работники милиции. Иванова это насторожило, и он решил бежать и отсюда.

В 1953 году М. Иванов появился в городе Вельск Архангельской области, где плотником на лесобазе проработал до 1955 года. Пьяная ссора и драка, в которой принимал участие Иванов, привлекли внимание милиции. Чтобы избежать проверки, он с семьёй, а к этому времени у них с Софьей уже было пятеро детей, решил уехать на целинные земли в Казахстан, но прежде оказался в деревне Зиновьево Старицкого района Калининской области (теперь Тверской), немного поработал в колхозе, возил молоко.

В Ленинабаде Иванов и Софья зарегистрировали брак. Софья тоже изменила свои биографические данные: национальность — русская, уроженка города Борисов (в действительности белоруска, уроженка деревни Нача Крупского района БССР).

16 июня 1959 года Иванов был арестован, и на него следственным отделением УМГБ возобновлено ранее приостановленное уголовное дело.

При задержании М. Иванов возмущался, что постановление на арест ему предъявлено ошибочно. **Лишь когда ему показали фотографии, где он изображён в немецкой форме, был вынужден дать о себе хоть частично правдивые показания.**

Для розыска Иванова пришлось применить целый комплекс оперативных средств. Выйти на его след удалось только через установленные дальние связи Софьи на Украине. Военным трибуналом М. С. Иванов осуждён к 15 годам исправительной колонии с отбыванием в тюрьме первых пять лет.

* * *

В годы войны на органы государственной безопасности возлагалась организация решительной борьбы с немецко-фашистской разведкой, прежде всего на фронте и в прифронтовой полосе, обеспечение непроницаемости линии фронта, выполнение специальных заданий в тылу противника, а также борьба с пособниками немецких оккупантов, изменниками и дезертирами.

В реализации поставленной задачи на новгородской земле принимали непосредственное участие контрразведчики Волховского и Северо-Западного фронтов, чекисты-партизаны, личный состав оперативных групп, сотрудники территориальных органов госбезопасности.

Вместе с Вооружёнными Силами и со всем советским народом чекисты внесли свой вклад в дело разгрома фашистской Герма-

нии. Они успешно вели борьбу с агентурой фашистской разведки, обеспечивая безопасность рядов действующей Советской Армии, её тыла.

Было известно, что разведывательную и диверсионную деятельность против северных фронтов, в том числе Волховского и Ленинградского, вёл разведывательный орган гитлеровцев «Абверштелле Осланд». Ему подчинялись школы разведчиков-диверсантов в местечках Вяцати, Предайне, Балдоне, Ульброке, Балт-Эзерсе, городах Цесисе, Валге, Стренчи.

В проведении специальных мероприятий по нейтрализации подрывной деятельности военной разведки северной армейской группировки принимали участие и некоторые чекисты, воевавшие на новгородской земле.

Захват документов на официальных сотрудников и агентурный аппарат вражеской разведки «Абверштелле», находившихся в городе Рига, был поручен оперативной группе под руководством Михаила Андреевича Поспелова.

С первых дней Великой Отечественной войны он сражался с фашистами. Был комиссаром партизанского отряда, в бою под Старой Руссой ранен. Позже отважного партизана взяли в военную контрразведку. И снова опасные задания в тылу врага.

Руководство понимало, что оперативная группа Поспелова идёт на большой риск. Поспелову, знавшему Ригу, было предложено самому определить численность группы. Переход линии фронта группой в пять человек был заранее подготовлен и осуществлён ночью.

Группа справилась со своей задачей. **Трудно переоценить значение захваченных документов, которые дали ключ к разоблачению вражеской агентуры.** Это был настоящий подвиг советских контрразведчиков, яркий пример их героической тайной войны с фашистской разведкой.

В тылу врага выполняли опасные задания разведчицы Валя Олешко, Анна Костина, Зоя Круглова и многие другие. Сотруд-

ники УКГБ тоже работали в тылу врага в составе оперативных групп и партизанских отрядов.

* * *

Боевую, сопряжённую с постоянной опасностью деятельность вели советские чекисты в тылу немецко-фашистских войск. Можно отметить как пример работу оперативных работников партизанских бригад, действовавших на оккупированной территории Ленинградской области, куда в то время входила и Новгородская область.

В частности, сотрудники спецслужб, прикомандированные ко 2-й партизанской бригаде, организовали широкую оперативную работу в западных районах Новгородской области по получению разведанных о противнике, о его карательных и специальных органах, предателях и пособниках. В своей работе они опирались на патриотические силы гражданского населения.

В 50—60-х годах при расследовании дел на предателей и пособников оккупантов были получены подробные сведения о Волотовской подпольной организации, которой руководил П. А. Васькин. Из материалов видно, что деятельность подполья направлялась особым отделом и штабом 2-й партизанской бригады.

Через волотовских подпольщиков партизаны получали важные сведения разведывательного характера о расположении и чис-

ленности немецких гарнизонов, о передвижении немецких воинских частей, о местонахождении аэродромов, складов оружия и боеприпасов, данные о полиции, предателях и другие сведения в городах Порхов, Дно, Старая Русса, населённых пунктах Волотовского, Солецкого и Дновского районов.

Добытые патриотами сведения через партизан передавались советскому командованию. Эти данные не раз использовались советской авиацией для бомбардировки немецких аэродромов, гарнизонов и складов. Партизанами проводились боевые операции по организации диверсий, по уничтожению гарнизонов, карателей и предателей.

В 1965 году по ходатайству Управления КГБ особо отличившиеся участники подполья посмертно награждены орденами СССР.

Памятник жертвам на реке Полить

**Вера Ивановна
Баранова**

Съездить на могилу
отца и положить
цветы к подножию
памятника
я смогла только
в 2011 году.

Вера Ивановна Баранова

Мы отомстим за ваши страдания

Мой отец, Баянов Иван Ефремович, родился в 1914 году. Погиб 16 января 1943 года. Похоронен в братской могиле в деревне Горная Шальдиха Кировского района Ленинградской области.

Своего отца я не помню. Мне исполнился 1 год, когда он ушёл на фронт. Со слов мамы знаю, что до войны он работал кинематографом в посёлке Демянск. Оттуда его и призвали в Красную Армию. А нас с мамой эвакуировали в Кировскую область.

Как только Демянск был освобождён от врага, мы вернулись домой. Но нашего дома не было. Во время боевых действий его разобрали на брёвна для строительства блиндажей.

Я знала, что отец погиб на территории Кировского района Ленинградской области. Но чтобы узнать точное место его захоро-

*Любовь Михайловна Баянова
с дочерью Верой.
Вере восемь лет. Апрель 1948 г.*

*Любовь Михайловна и Иван Ефимович
Баяновы с дочерью Верой
одиннадцати месяцев. 1940 г.*

нения, послала запрос в Военный комиссариат города Кировск и Кировского района. **Мне сообщили, что останки воинов, погибших у деревни Нижняя Шальдиха, моего отца в том числе, перенесены в братское воинское захоронение в деревне Горная Шальдиха Кировского района.**

Съездить на могилу отца и положить цветы к подножию памятника я смогла только в 2011 году. Уже с дороги увидела на возвышении небольшой обелиск. К нему вела изрытая кротами тропинка, обсаженная по бокам молодыми сосенками и ёлочками. Сразу же увидела табличку с именем моего отца, только звание не указано.

Табличка перекошилась, стоит непрочной. Остальные таблички (их немного) стоят отдельно и почему-то обратной стороной, так что фамилии не прочитать. На самом обелиске в произвольном

Воинское захоронение в деревне Горная Шальдиха Кировского района Ленинградской области. 2011 г.

порядке прикреплено несколько фотографий. Видно, родственники погибших бойцов решили увековечить таким образом память своих отцов и дедов.

Захоронение небольшое. За частично поваленной оградой — заросли кустарника и большое упавшее дерево с торчащими вверх корнями. **Такую печальную картину запустения увидела я на братском захоронении. Грустно и обидно.** Ведь совсем рядом, на земле, которую защищал мой отец, живут люди.

Письмо моего отца от 26 октября 1942 года

«Здравствуйте, дорогие мои Любочка и доченька Верочка. Любочка, вчера я получил твоё письмо. Милая моя, напрасно ты обо мне так беспокоишься. Я пока жив и здоров. Не писал тебе так долго, потому что совершенно нет свободного времени. Если же мне не веришь, так расспроси ребят, которые приходят домой на отдых. Они тебе расскажут о нашей фронтовой жизни. Пиши, милая, мне больше о себе. Как ты там живёшь? Передай от меня привет Феде, Оле, Анне Михайловне и всем, всем знакомым.

Вера Ивановна Баранова на месте захоронения отца. Деревня Горная Шальдиха. 2011 г.

Поздравляю тебя с праздником Октябрьской революции, Любаша. А Верочку я потому не мог поздравить с Днём рождения, что был в дороге.

Целую тебя крепко-крепко.

Твой муж Ваня.

Поцелуй за меня мою Верочку. Люба, сейчас мне будет диктовать лейтенант от имени нашей команды:

«Люба, встречая 25-ю годовщину Октября, наше подразделение шлёт Вам и Вашей дочери горячий фронтовой привет, желает всяческих успехов в Вашей жизни и обещает отомстить за все Ваши страдания, причинённые гитлеровской бандой».

**Инна Викторовна
Тихонова**

В отцовских
письмах сквозило
предчувствие,
что он не увидит
больше своих
девочек.

Инна Викторовна Тихонова

Скоро опять в бой

Мой отец, Галактионов Виктор Галактионович, родился в 1915 году в Новгороде. С 27 июня 1941 года он проходил службу в частях Краснознамённого Балтийского флота. 21 ноября 1942 года был направлен на фронт, в Красную Армию. Погиб старшина роты 192-го гвардейского полка 63-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии сержант Галактионов В. Г. 16 сентября 1943 года в посёлке Синявино Мгинского (ныне Кировского) района Ленинградской области.

Когда началась война, мне было четыре года, сестричке Гале — два. Отца мобилизовали в июне 1941 года, а нас с мамой эвакуировали на Урал, в посёлок Бутка Свердловской области. Туда и приходили редкие фронтовые письма отца. Своей сестре, Паршиной Елене, отец писал чаще, чем нам. Он взял с нашей тётки клятву, что та не оставит нашу семью, как бы ни сложилась жизнь. В отцовских письмах сквозило предчувствие, что он

Мама Анна Николаевна и папа Виктор Галактионович. Г. Новгород

не увидит больше своих девочек, вот и пристраивал их заранее под опеку старшей сестры.

Наш папа умер от ран 16 сентября 1943 года при прорыве блокады. Ему было всего 28 лет. А через 3 года после получения похоронки высохла на глазах и умерла наша мама.

В послевоенные годы всем жилось очень трудно. Родственники еле сводили концы с концами, поэтому мы с сестрой оказались в Мстинском детском доме, в Новгородской области.

Когда я окончила семилетку, тётя Лена забрала меня к себе, а через 2 года приютила и мою сестру. Так мы и жили в семье нашей тётки, умной, доброй, отважной женщины, которая приложила немало сил, чтобы её племянницы встали на ноги и стали достойными людьми. А вот её 16-летний сын Лёвушка погиб, подорвавшись на mine в послевоенном Новгороде (в Колмове).

Я, получив образование, стала реставратором. Работала над восстановлением церквей на Ярославовом дворище, чистила сусальное золото на куполе Софийского собора, приводила в порядок и облагораживала город после войны. Вырастила двоих детей: дочку и сына. А теперь уже и внуки стали взрослыми.

Галя с мамой, Инна с папой

Инна Викторовна Тихонова
(Галактионова) слева.
Детский дом. 1953 г.

Галя стала инженером, работала на Новгородском заводе ГАРО. Потом вышла замуж и уехала с мужем на север.

В моей памяти остались детские воспоминания о нашем отце, сильном, надёжном, заботливом человеке. А в семейном архиве хранятся пожелтевшие фронтовые письма и фотографии.

Письмо моего отца своей матери от 4 августа 1942 года

«г. Ленинград
Добрый день, милая мамуся!

Два дня назад получил письмо от тебя и вот пишу ответ. По приезде в Ленинград я написал вам с Аней письмо с новым адресом. Живём мы здесь в Ленинграде по-старому, работаем, как и в прошлом году. Работаем много, но ничего — этого требует война. Мы выдержим все трудности, стоящие перед нами, но Ленинград не сдадим, хотя немец окаянный мысли о Ленинграде, видно, не бросает.

Два дня назад получил письмо от тебя и вот пишу ответ. По приезде в Ленинград я написал вам с Аней письмо с новым адресом. Живём мы здесь в Ленинграде по-старому, работаем, как и в прошлом году. Работаем много, но ничего — этого требует война. Мы выдержим все трудности, стоящие перед нами, но Ленинград не сдадим, хотя немец окаянный мысли о Ленинграде, видно, не бросает.

Добрый день, милая мамуся!
Два дня назад получил письмо от тебя и вот пишу ответ. По приезде в Ленинград я написал вам с Аней письмо с новым адресом. Живём мы здесь в Ленинграде по-старому, работаем, как и в прошлом году. Работаем много, но ничего — этого требует война. Мы выдержим все трудности, стоящие перед нами, но Ленинград не сдадим, хотя немец окаянный мысли о Ленинграде, видно, не бросает.

Живу я пока ничего. Со здоровьем всё в порядке. Обо мне не беспокойся. Береги себя.

Ну, пока. Пиши о себе и обо всех. Как вы все живёте в Бутке? Как растут ребята? Передавай всем привет. Целую всех, в первую очередь дочурок. Пиши чаще. Жду с большим нетерпением. Целую крепко-крепко. Любящий тебя твой сын Виктор».

Письмо моего отца нашей маме от 18 марта 1943 года

«Привет с Ленинградского фронта!

Добрый день, милые и дорогие Анюттик, мамуся и дочурки Инночка и Галя!

Первым делом примите от меня привет и крепкий поцелуй. Мы здесь живём по-старому. Продолжаем изучать пулемёт «Максим» и тактику в наших наступательных боях. Учимся как следует.

Инна Викторовна Тихонова
(Галактионова) справа

Я, как и раньше, включился в общественную работу. Являюсь редактором боевого листка, агитатором, веду политзанятия для всей нашей роты. Может, мне придётся поучиться на курсах, но это ещё точно не известно.

Короче говоря, живём.

Время идёт незаметно в учёбе и на работе. Писем ни от кого не получаю уже давно. Интересно, как вы все живёте в Бутке? Что у вас нового? Как растут мои хорошие дочурки Инночка и Галя? Какое у вас всех здоровье?

Лично я сейчас здоров. Вот и все мои новости. Пишите письма. Жду с нетерпением. Ну, пока. Ещё раз: пишите все. Передавайте родным от меня привет и крепкий поцелуй. Целуй крепко-крепко за меня наших дочурок Инночку и Галю. Любящий вас Виктор».

Письмо моего отца своей матери от 27 марта 1943 года
«Привет с Ленинградского фронта!»

Добрый день, милая мамуся! Первым делом прими от меня привет и крепкий поцелуй. Пишу о себе. Живём здесь по-старому. Учимся и готовимся к будущим боям с нашим врагом. Чувствую себя хорошо. Всё время ожидаю от вас писем. Наверное, скоро дождусь. Я ведь давно уже не получаю ниоткуда известий, так как часто меняю свои адреса. Меня интересует, как вы все живёте в Бутке? Как ваше здоровье? Ну, пока. Пишите. Ожидаю писем. Передавай привет и крепкий поцелуй всем родным.

Крепко-крепко целуй за меня моих дочурок Инночку и Галю. Наверное, они уже стали большими, их сразу и не узнаешь. Целую крепко-крепко. Любящий тебя сын Виктор».

Привет с Ленинградского фронта. 18/III-1943г.

Добрый день милая и дорогие Антон, мамуся и дочурки Инночка и Галя!

Первым делом прими от меня привет и крепкий поцелуй. Мы здесь живём по-старому. Продолжаем изучать "Максима" и Гатлику в наших наступательных боях. Учимся как следует. А как и раньше наравне с учёбой включились в общественную работу. Я являюсь редактором боевого листка, агитатором и веду уроки-занятия по полит. занятиям всей нашей роты. Может мне придётся поучиться на курсах, но ещё это хорошо неизвестно.

Короче говоря живём, время идёт незаметно в учёбе и работе.

Писем ниоткуда не получаю уже давно. Интересно как вы все живёте в Бутке? Как что у Вас нового? Как растут мои хорошие дочурки Инночка и Галя? Как Ваше всех здоровье?

Я лично сейчас здоров. Вот у меня все новости.

Пишите письма. Жду с нетерпением.

Ну, пока. Ещё раз пишите все. Передавай от меня привет и крепкий поцелуй. Целуйте крепко крепко за меня наших дочурок Инночку и Галю. Целую крепко крепко.

Ваш любящий Вас: Виктор

Вот мой адрес: Пашева пошта 34541 "11"

Галактионову В.2.

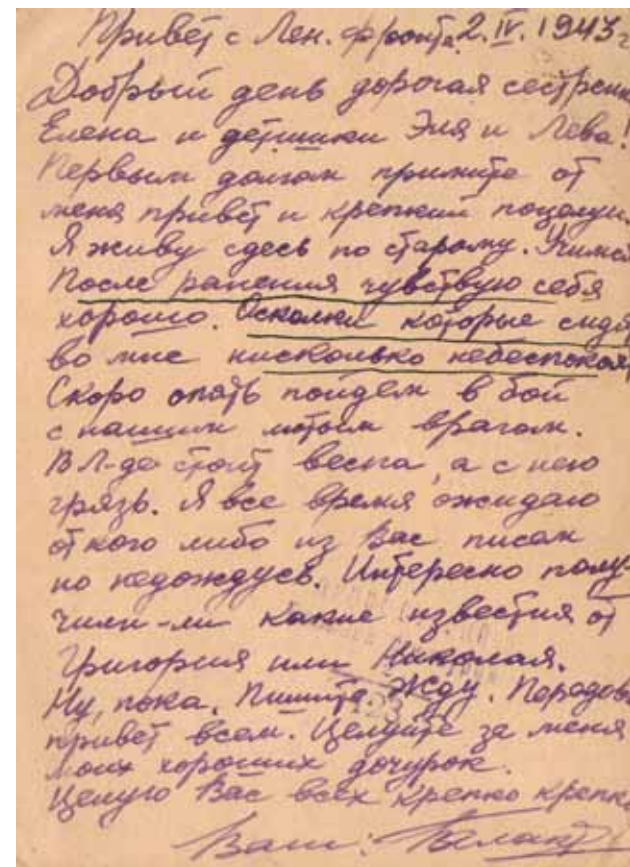
Письмо моего отца сестре Елене от 2 апреля 1943 года
«Привет с Ленинградского фронта!»

Добрый день, дорогая сестрёнка Елена и детишки Эла и Лёва! Первым делом примите от меня привет и крепкий поцелуй. Я живу здесь по-старому. Учусь. После ранения чувствую себя хорошо. Осколки, которые сидят во мне, нисколько не беспокоят. Скоро опять пойдём в бой с нашим лютым врагом. В Ленинграде бродит весна, а с нею — грязь. Я всё время ожидаю от кого-либо из вас писем, но никак не дождусь. Интересно, получили ли вы какие-нибудь известия от Григория или Николая?

Ну, пока. Пишите. Жду. Передавайте привет всем. Целуйте за меня моих хороших дочурок. Целую вас всех крепко-крепко. Ваш Виктор».

Письмо моего отца сестре Елене от 1 августа 1943 года
«Добрый день, милая и дорогая сестрёнка Елена!»

Первым делом прими от меня привет и братский поцелуй. Извини, что долго не писал. Вот сейчас уже несколько дней отдыхаем от боёв с немецкими захватчиками. Конечно, за период боёв не стало многих наших товари-

щей, но война без этого не бывает. Я прошёл через эти бои и остался, как видишь, цел и невредим. Из-за боёв и не было от меня долго писем. Не хотелось, чтобы вы знали, что я иду в бой.

Сейчас снова должны взяться за учёбу и дальше готовиться к наступлению, чтобы изгнать проклятого врага с нашей земли. Чувствую себя хорошо. От Ани получаю письма и, можно сказать, больше ни от кого. С Николаем связь поте-

рял. Куда его направили, не знаю. С Григорием так связь и не смог наладить. Что с ним, не знаю.

Чёрт, немец окаанный хорошо укрепился, но всё равно ему здесь не усидеть. Выгоним! Елена, мы с тобой находимся недалеко друг от друга. Очень хочется увидаться, но, конечно, сейчас не удастся. Сколько времени и где простои́м на формировании, пока неизвестно.

Вот и все мои новости. Пиши, что у вас нового. Жду. Передавай привет всем знакомым. Крепко целую. Любящий тебя брат Виктор».

Письмо моего отца своей матери от 16 сентября 1943 года

«г. Ленинград

Добрый день, милая и дорогая мамуся!

Первым делом прими от меня привет и крепкий поцелуй. Я всё ещё нахожусь в госпитале, где, думаю, буду до первых чисел февраля. Затем из госпиталя списывают в батальон выздоравливающих, это в Ленинграде. После выздоровления думаю попасть в свою старую часть и продолжить громить и гнать немцев с нашей земли. Осколки всё ещё находятся в теле. Наверное, их вынимать не будут.

Сейчас чувствую себя хорошо, дело идёт на поправку успешно. Время в госпитале тянется долго. Проводим его за игрой в домино и за чтением книг, но книги что-то, надо сказать, читаются туго. Думаю, скоро время пойдёт быстрее.

Мамуся, наверное, мне уже не получить ваших писем, так как часто меняю свой адрес, но я буду чаще писать вам, чтобы хоть вы читали мои письма чаще. В Ленинграде стоят морозы.

Ну, пока. Пиши. Жду. Передавай привет и крепкий поцелуй всем родным. Целуй за меня крепко-крепко моих дочурок Инночку и Галю. Целую крепко-крепко. Любящий тебя сын Виктор».

г. Ленинград,
16.09.43.
Добрый день милая и дорогая мамуся!
Первым делом прими от меня привет и крепкий поцелуй. Все нахожусь в госпитале где думаю буду до первых чисел февраля и-ца. Затем из госпиталя списывают в батальон выздоравливающих в Л-де. После выздоровления думаю попасть в свою старую часть и продолжить громить и гнать немцев с нашей земли. Осколки все находятся в теле, наверно их вынимать не будут. Сейчас чувствую себя хорошо. Дело идет на поправку успешно. Время в госпитале тянется долго. Время проводим за игрой

Дорогой.
1. VII. 1943г.
Добрый день милая и дорогая сестренка Елена!
Первым делом прими от меня привет и братский поцелуй. Извини, что долго не писал. Вот сейчас уже как несколько дней отдыхает после боев с немецкими захватчиками. Конечно за период боев много товарищей не потеряли, но война без этого не обходится. И прошле через этот бой и остался цел и невредим, как видишь. Вот почему и не было от меня долго писем. Не хотелось грустить. Вы знаете что я иду в бой. Сейчас должны снова воевать за урбду, и дайвше готовишься к наступлению, за изгнание проклятого врага с нашей земли. Чувствую себя хорошо. От Ани получила письма и можно сказать больше хорошего. С Николаем связь потеряли, куда его направили после БВ не знаю. С Григорием так связь и не мог наладить. Что с ним не знаю. Интересно, как там все он.

**Тамара Юрьевна
Василенко**

Много лет
прошло с тех пор,
а щемящая боль
в сердце до сих
пор даёт о себе
знать.

Тамара Юрьевна Василенко

Я выполняю ваш наказ

Мой отец, Конев Юрий Гаврилович, родился 10 октября 1912 года. Был кадровым офицером. Погиб при обороне Москвы 18 февраля 1942 года.

До войны наша семья — папа, мама, моя сестрёнка Элеонора и я — жила в городе Александровске Сахалинской области. Папа служил в 79-й стрелковой дивизии.

Я родилась 8 июля 1939 года. Когда началась война, я была совсем маленькой, довоенное время помню смутно. Скорее, не столько помню, сколько представляю его после рассказов мамы и сестры. А кажется, что помню...

Наш папа много работал и всегда был занят. Свободного папиного дня ждали как праздника. А когда наступал долгожданный час, взявшись за руки, в своих лучших платьях, мы с Элей чинно шагали впереди. На полшага сзади, не выпуская дочерей

из виду, шёл красивый, подтянутый военный под руку с женой. Было тепло. Казалось, весь воздух был пропитан сладким запахом цветущей черёмухи.

Такой мне запомнилась (или представляется?) последняя мирная весна 41 года. **Дальше в моей памяти всё смешалось. Стук вагонных колёс, сырость «теплушек», холод, голод, болезни, мамины слезы.**

В начале войны наш отец вместе с дивизией был направлен на Западный фронт, а семьи военнослужащих с Сахалина эвакуировали на материк. Мы попали в Сибирь, на станцию Зима. Там, под Иркутском, мы и прожили до конца войны.

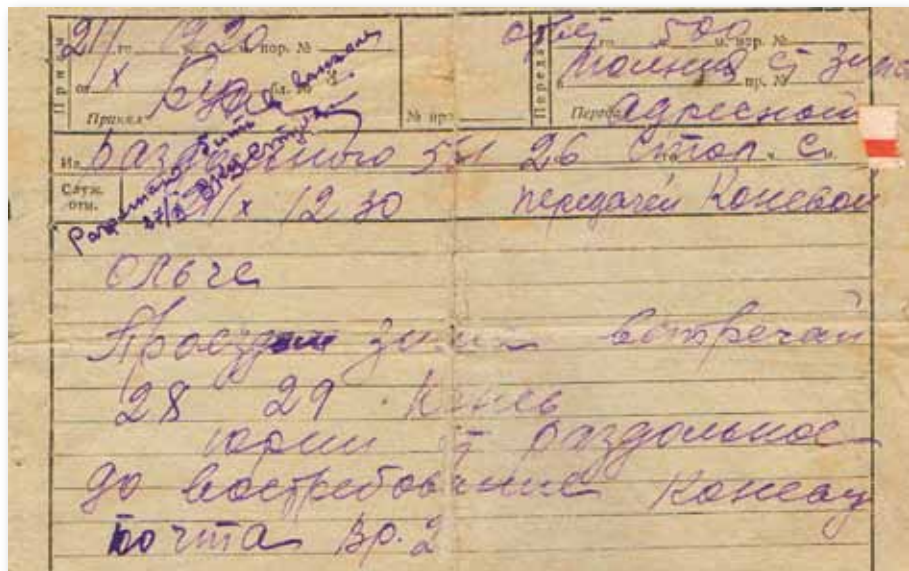
Сначала мы снимали комнату у хозяйки, потом нам дали отдельную квартирку: комната 13—14 метров и кухонька с русской печкой. Мы жили большой семьёй: бабушка, дедушка, мамочка, сестрёнка и я. А потом ещё пришёл с фронта раненный и контуженный папин брат. Вот мы и жили шестером в тесной квартирке.

Зимой было очень холодно, один угол промерзал настолько, что в комнате постоянно лежал снег. Но это было тяжёлое время для всех. Шла страшная война, и люди были лишены нормальных человеческих условий. Питались мы в основном лебедой и крапивой, так как у нас не было земельного участка, где бы можно было что-то вырастить.

Мамочка работала в эвакогоспитале, мы её редко видели дома. А бабушка, чтобы мы не умерли с голоду, продавала наши пожитки. Потом меня на полгода отправили в Иркутск, в санаторий для ослабленных детей, чтобы меня хоть немного поддержать.

Своего отца я последний раз видела осенью 1941 года. Это была долгожданная, мимолётная встреча на станции Зима.

Отец сумел сообщить жене в короткой записке: перед отправкой на фронт будем проезжать через Зиму. Целую неделю мы встречали и провожали эшелоны. Жили прямо на вокзале, грелись у костра, по-походному в котелке варили пищу, спали здесь же, на станции, боясь пропустить нужный состав.

Сколько хороших слов готовили мы с сестричкой своему папе, а увидели и растерялись. Повисли у него на руках и заревели. Встреча длилась всего несколько минут, но она навсегда осталась в моей памяти.

Своего отца мы больше никогда не видели. В феврале 1942 года при обороне Москвы отец погиб.

Много лет прошло с тех пор, а щемящая боль в сердце до сих пор даёт о себе знать. Тяжело терять дорогих сердцу людей.

После войны, в начале 1946 года, мы все поехали в Херсон. Нас было уже семь человек, так как дядя женился.

В моей памяти навсегда остался этот разрушенный город. По нему было страшно ходить, в некоторых домах висели неразорвавшиеся бомбы.

В Херсоне мы прожили в гостинице, если, конечно, можно так назвать наше жалкое временное пристанище, месяца три-четыре. Работу мамочку так и не нашла, жить было негде, и мы поехали в Голую Пристань. Там поселились в маленькой комнатке с глиняным полом. Опять голодали, и вся наша семья

завербовалась на южный Сахалин, который был освобождён от японцев в сентябре 1945 года.

До Владивостока добирались в теплушках два месяца. В дороге нам давали какие-то коробочки с едой. Во Владивостоке в ожидании парохода жили в палатках. Мамочка «развербовалась», и мы поехали в город Благовещенск Амурской области. Там мама устроилась бухгалтером на завод. Нас поселили в кухне, где мы прожили целый год, так же мёрзли и голодали.

А в начале лета 1947 года из Корсакова Сахалинской области приехала бабушка и забрала нас к себе. В Корсакове мы прожили очень долго.

На нас с сестрой мамочка получала по 40 рублей. Она долго ждала папу, всё надеялась, что он жив. Так и прожила всю жизнь вдовой.

Сестрёнка окончила в Благовещенске медицинский институт, я — финансовый. В 1963 году я вышла замуж за студента-медика, и мы с ним жили в Благовещенске, пока он не окончил институт.

Я попала в очень хорошую семью, в которой мой муж был единственным сыном. Его отец пришёл с войны Героем Советского Союза. Звезду Героя он получил за форсирование реки Одер. После войны стал директором завода, Почётным гражданином Благовещенска.

Моего мужа после окончания института призывали в армию, где он прослужил 27 лет. Мы постоянно куда-то переезжали, сменили 9 мест. Жили в Приморье, в Заполярье, в ГДР, в Амурской области и наконец в Новгороде. Здесь он и похоронен.

У нас двое детей. Дочь живёт в Подмоскowie, сын — в Новгороде. Есть у меня внучка, она юрист. Внучек перешёл в 5 класс.

Мой отец был награждён медалью «За боевые заслуги», пр. № 197 от 02.02.1942, но получить её не успел, а ещё посмертно — медалью «За отвагу» от 20.02.1949.

Почтовая карточка от 3 декабря 1941 года

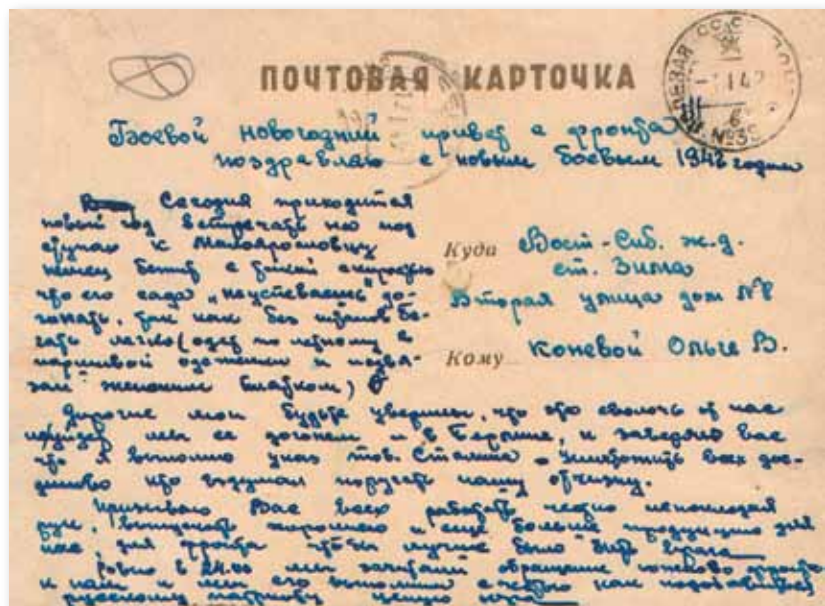
«Боевой новогодний привет с фронта. Поздравляю с Новым боевым 1942 годом!»

Сегодня приходится встречать Новый год на подступах к Малоярославцу. Немец бежит с такой скоростью, что его, гада, не успеваешь догнать. Без штанов бегать легко. Одет он по-летнему, в паршивой одежонке, и подвязан женским платком.

Дорогие мои, будьте уверены, что эта сволочь от нас не уйдёт. Мы её догоним и в Берлине. И заверяю вас, что я выполняю наказ товарища Сталина: «Уничтожить всех до одного, кто вздумал поругать нашу Отчизну».

Призываю вас всех — работать честно, не покладая рук, выпускать ещё больше хорошей продукции, нужной для нас, для фронта, чтобы нам было легче бить врага.

Ровно в 24.00 мы прочитаем бойцам обращение к нам командования Южного фронта, и мы все призывы выполним, как подобает русским патриотам. Целую. Юра».

Письмо отца от 3 декабря 1941 года

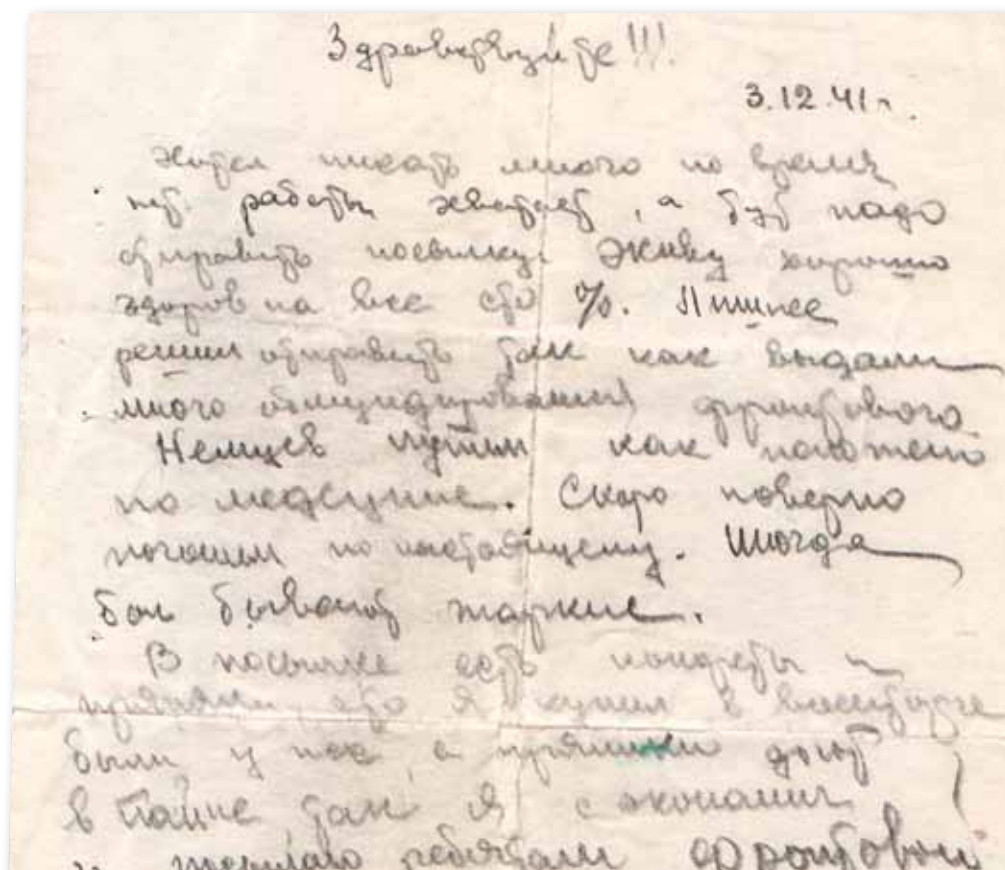
«Здравствуйте!»

Хочется написать много, но времени нет. Работы хватает, а тут ещё надо отправить посылку. Живу хорошо, здоров на все сто процентов. Всё лишнее решил отправить вам, так как нам выдали много фронтового обмундирования.

Немцев лупим, как положено. Скоро, наверное, погоним по-настоящему. Иногда бои бывают жаркие.

В посылке есть конфеты, которые я купил в военторге. А пряники нам дают в пайке. Так я сэкономил и посылаю ребятам фронтовой гостинец. И очень этому рад. Скоро пришло фронтовые карточки.

Пока всё. Целую ребят».

Письмо отца от 4 декабря 1941 года

«ст. Раздольное.

Здравствуйте, Мама, Сеня, Лидуська и Ванюшка!

Ну, вот я и приехал к вам поближе, теперь и я на матери-ке. Приехал я 28 сентября, был близко от вас, в Хабаровске, но заехать не мог, так как меня не пустили. Я поехал дальше, то есть в Раздольное, где и служу сейчас. Работа та же, что и в Александровске. Разница только в том, что там снабжение лучше, а здесь хуже, но это, конечно, временное явление.

Живу один, как волк. Перед отъездом с Сахалина расплатился с долгами. Нужны были деньги, чтобы проводить Лёлю, а теперь еле свожу концы с концами. Но это ерунда: как-нибудь выкручусь.

В столовой, надо сказать, очень дорого. Сутки в среднем обходятся в 20 рублей, а денег оставил себе чистых 465 рублей. Думаю, что в следующем месяце буду питаться дома. Сам буду готовить завтрак и ужин, а на обед буду ходить в столовую, а иначе ничего не получается. Но это, конечно, ерунда.

Лёле из Хабаровска отправил все остальные вещи. Не знаю, дойдут они или нет.

Мама, я с Лёлей не имею никакой связи, так как я выехал почти сразу вслед за ней, и она была ещё в дороге. Поэтому связь придётся восстанавливать через тебя. Если у тебя есть адрес, то ты мне сообщи.

Опиши теперь, куда делись мои отец и мать. Я давал отцу телеграмму, но она вернулась назад, за отсутствием адреса.

Мама собиралась уехать с Лёлей, но не знаю, уехала или нет.

ст. Раздольное
4. 10. 41 г.

Здравствуй Мама!!!
Сеня, Лидуська и Ванюшка!!!

Ну вот и я приехал к вам поближе, теперь и я на матери-ке. Приехал я 28 сентября, был близко от вас (Хабаровске), но заехать не мог, так как меня не пустили, а поехал дальше, то есть в Раздольное, где и служу сейчас. Работа та же, что и в Александровске, разница в том, что там снабжение лучше, а здесь хуже, но это временно явление.

Живу один, как волк. Перед отъездом с Сахалина расплатился с долгами, а теперь еле свожу концы с концами. Но это ерунда: как-нибудь выкручусь. В столовой, надо сказать, очень дорого. Сутки в среднем обходятся в 20 рублей, а денег оставил себе чистых 465 рублей. Думаю, что в следующем месяце буду питаться дома. Сам буду готовить завтрак и ужин, а на обед буду ходить в столовую, а иначе ничего не получается. Но это, конечно, ерунда.

Лёле из Хабаровска отправил все остальные вещи. Не знаю, дойдут они или нет.

Мама, я с Лёлей связи не имею, так как я выехал почти сразу вслед за ней, и она была ещё в дороге. Поэтому связь придётся восстанавливать через тебя. Если у тебя есть адрес, то ты мне сообщи.

Мама, напиши Лёле, если она тебе пишет, чтобы она никакого барахла, а в особенности тряпок, не покупала. А то у женщин вообще есть такая мания. Лучше пусть все деньги проедают, больше будет пользы ей и ребятам.

Откровенно говоря, очень соскучился о ней и ребятах. Скучно одному, хотя и занят на работе. Вечерами даже домой идти неохота.

Теперь опиши, как живёшь, что подделываешь сама, где Ванюшка, Сеня. Лидуська, наверное, стала большая. Ведь Томочка тоже уже большая, а они почти ровесницы.

Да, 10 октября у меня День рождения. Уже 29 лет.

Ну ладно, пока всё. Будьте здоровы.

Целую всех. Юра.
г. Хабаровск 38 ПС
п/п 4849
Коневу Юрию Гавриловичу».

Письмо отца от 4 декабря 1941 года «г. Куйбышев.

Добрый день, Томочка, Эллочка, Лёля и Мама!

До Челябинска ехали хорошо, а дальше приходилось подолгу стоять на станциях. Причина стоянок всем понятна. Эвакуированного народа едет очень много. Из оккупированных районов вывозится всё ценное оборудование, и это очень радует, так как этой сволочи останутся рожки да ножки.

Конечно, эта перевозка дорого обходится и имеет свои негативные последствия: в дороге многое ломается. Но в основном это даёт возможность в глубоком тылу в короткий срок восстанавливать заводы, которые выпускают нужную для армии продукцию. А главное то, что немцам в основном остаются пустыри.

Скоро доберёмся до места назначения. В дороге все чаще встречаются раненные бойцы и командиры, они рассказывают много интересного. **Главное то, что немцы — храбрые вояки с бабами, а, вернее, со старухами и ребятами, особенно когда сидят в броне. А как вынуждают их идти в бой без танков и бронемашин, так они удирают из всех сил.**

Но ничего, у них успех только временный. Будет и на нашей стороне правда. Они ещё долго будут вспоминать Москву и русскую землю. Будем бить их и гнать с нашей земли, и этот день недалёк. История не знает такого, чтобы русский человек гнул спину перед какой-нибудь сволочью. А тем паче при советской власти, под руководством Коммунистической партии и нашего мудрого вождя товарища Сталина.

От нас требуется одно: с открытыми глазами, не боясь правды, идти вперёд. Где великий Сталин, там и победа. Это должен помнить каждый патриот Родины.

Лёля, Мама, мне приятно читать вашу записную книжку, которую мне передали. Вы вдохновляете меня, призываете к смелости и героизму. Призываете: ни под каким видом не поддаваться этой сволочи и биться до последней капли крови.

Я хочу вас заверить, что ваш наказ как настоящих патриотов своей Родины, жены и матери командира-большевика, будет выполнен любой ценой, чего бы это ни стоило.

Вы меня крепко ругали за долгое молчание, когда я только уехал с Сахалина. Но ты, Лёля, пойми: как я мог поступить, не зная своего места назначения и твоего адреса? Ведь на мои телеграммы отвечали, что таковых нет. Военкомат молчал. Я вынужден был писать на адресный стол, но ответа так и не получил, хотя оплатил даже ваш обратный ответ. Я более 100 рублей израсходовал на телеграммы. Впрочем, всё это ерунда. Теперь писать буду чаще.

ггг. Кузнецов 4.11.41.

до 2. Гиббиса ехал хурино, а 3. Гиббиса ехал доважно-фактично. Т.К. Гиббиса ехал доважно-фактично по этому случаю на фактично. Гиббиса ехал доважно-фактично, когда был ранен. Наряду с фактично-фактично ехал очень много из оккупированной территории. Гиббиса ехал доважно-фактично, что этот человек оказался по имени за рогами, Т.К. все ценное вывозил, вернувшись же перевозил очень много и много свои последствия как же по поводу, но в основном это был возмещение ввиду как Гиббиса в кинематографическом вооружении дабы не было никаких забот кинематографическим производством, потому что Гиббиса ехал в основном извозом.

[illegible]

То, что ты устроилась на работу, да ещё в госпиталь — это очень хорошо! Себе и стране принесёшь пользу. Но у меня будет к тебе одна просьба. Подлечи, пока есть возможность, свой желудок и Томочкины ушки. Это обязательно.

Томочке скажи, чтобы она Эллочку не обижала, а слушалась старшую сестрёнку. А также скажи, чтобы эти курносые слушались бабушку и маму. Бабушке наказ: больше заниматься с Эллочкой, то есть готовить её к школе. Она девочка хорошая, понятливая. Хочется, чтобы в школе училась отлично.

Понравились ли ребятам мои гостинцы? При возможности пошлю ещё. Послал всё, что было, но надеюсь доставить ещё.

Кормят нас хорошо, всем обеспечены. Обо мне не беспокойтесь. Приеду на место и сообщу адрес. Целую крепко всех. Поцелуйте за меня Томочку и Эллочку. Юра».

Письмо отца от 16 декабря 1941 года

«Западный фронт.

Добрый день, мои дорогие Томочка, Эллочка, Лёля и Мама!

Вы меня, наверное, сильно ругаете за то, что я долго вам не писал. Но я уже отправил с фронта открытку. А ещё я писал вам с дороги. От вас же не получил ещё ни одного письма. Думаю, что скоро пришлёте. Может, это письмо ещё не успеет до вас дойти, как я уже получу ваше.

Вкратце о положении на фронте. Объяснять тут нечего. Вы уже, наверное, читали, как эту гадину начали гнать почти по всему фронту. И это только начало! Только образовалась дырка во швах, но и она довольно чувствительна для фашистской нечисти. Скоро настанет момент, когда окончательно лопнут все швы, и её поганое, вонючее тело вылезет на мороз, где она и сдохнет.

Ещё предстоит много серьёзных боёв, но они будут такими же и даже ещё лучше, ещё удачнее для нас, чем под Ростовом, Тихвином и в других городах. В Москве врагу никогда не бывать, а скоро он и вовсе забудет о ней думать. За Москву мы будем драться огнём, штыком, гранатой, руками, зубами — всем, чем только можно, но врагу её не отдадим никогда! И этому ещё начинают способствовать морозы.

За Москву, за Родину, за дело партии Ленина-Сталина мы будем драться до последнего патрона, до последней капли крови.

Немного о своей фронтовой жизни. Когда вступил в первый бой, точно не помню, да это и не важно. Но только скажу одно, что немцев с первых дней боёв били здорово. Верно, что в первых боях было много просчётов. Это и понятно. Теперь немного обстрелялись. *Недавно мне самому целых четыре дня довелось руководить боем. В первый день чувствовал себя неудобно. А потом как будто так и надо, даже не замечаешь, что творится вокруг.*

Приходилось идти по вражеским трупам. Ко всему нужна привычка, и она как-то стала появляться уже с первых дней. Раньше я не мог представить себе, что такое ощущение атаки. Теперь я это знаю. Когда приходится вести бойцов в атаку, в этот момент забываешь, что ты человек. В тебе кипит такая злоба, такая ненависть к врагу, что это невозможно описать. В это время народ становится таким спаянным и дружным, что может свернуть каменные горы.

Не помню точно какого числа, но дело было так. Повёл подразделение в наступление, а немец перед атакой пустил средние и тяжёлые танки. Из леса их вышло четыре, один вылез вперёд. Я сам лично его заметил и приказал катить за собой на руках противотанковую пушку. Подошли метров на 15—20, а фашист нас не видит и сыплет из пулемётов куда попало. Подошли ещё ближе, и он нас заметил. Но мои «орлы» прямой навод-

кой, опередив его выстрел, вывели фашистский танк из строя.

В это время сбоку появились два других. Как назло, отказало наше орудие, заклинилась гильза. Но один мой «орёл», не растерявшись, двумя гранатами подбил гусеницы танку и забросал его бутылками. Танк загорелся. Экипаж этих «молодчиков» пытался удрать, но точный автомат молодца-бойца уложил двоих прямо на танке, а третьего — вдогонку. Это только один эпизод.

Однажды докладывают: «Товарищ капитан, вам ведут восемь немецких офицеров». Я от радости, что достали хорошего «языка», чуть не прыгал. Но так мы пленных и не дождались. Как потом мы узнали, конвой их всех по одному расстрелял по пути. Конечно, я рассердился, бойцов отругал, но не слишком сильно. Лёля, ты пойми — такое у них чувство ненависти к врагу, а именно к самому коварному, к самому подлому врагу, не к человеку, а к зверю, который, не смущаясь, безжалостно убивает детей! Собаке — собачья смерть!

Вот с такой ненавистью к врагу встали мы на защиту Отечества. Слова товарища Сталина «Уничтожить всех фашистов, забравшихся на нашу землю!» мы выполним с честью и оправдаем доверие любимого вождя.

Живу хорошо, сыт, обут, одет отлично — лучше не надо. Я за месяц израсходовал только 7 рублей, а отсюда сделай вывод, как хорошо мы обеспечены. Наказ, который вы мне дали перед отъездом, будет выполнен с честью, как пообещает бойцу и командиру Красной Армии. Целую крепко. Папа, муж и сын Юра.

Этой шпане, Томке и Элке, скажи, чтобы они вас хорошенько слушались, больше играли, читали, бегали на улице и не дрались, а то, наверное, Томочка обижает Эллочку, а Эллочка плачет. Пусть живут дружно, любят друг друга, маму и бабушку».

Новогоднее письмо отца, декабрь 1941 года

«Боевой новогодний привет с фронта всем родным и знакомым!

Будьте уверены, мои дорогие, — в новом году я стойко буду драться за Родину и за вас. Буду бить немецких захватчиков до полного их истребления.

Смерть немецким оккупантам!

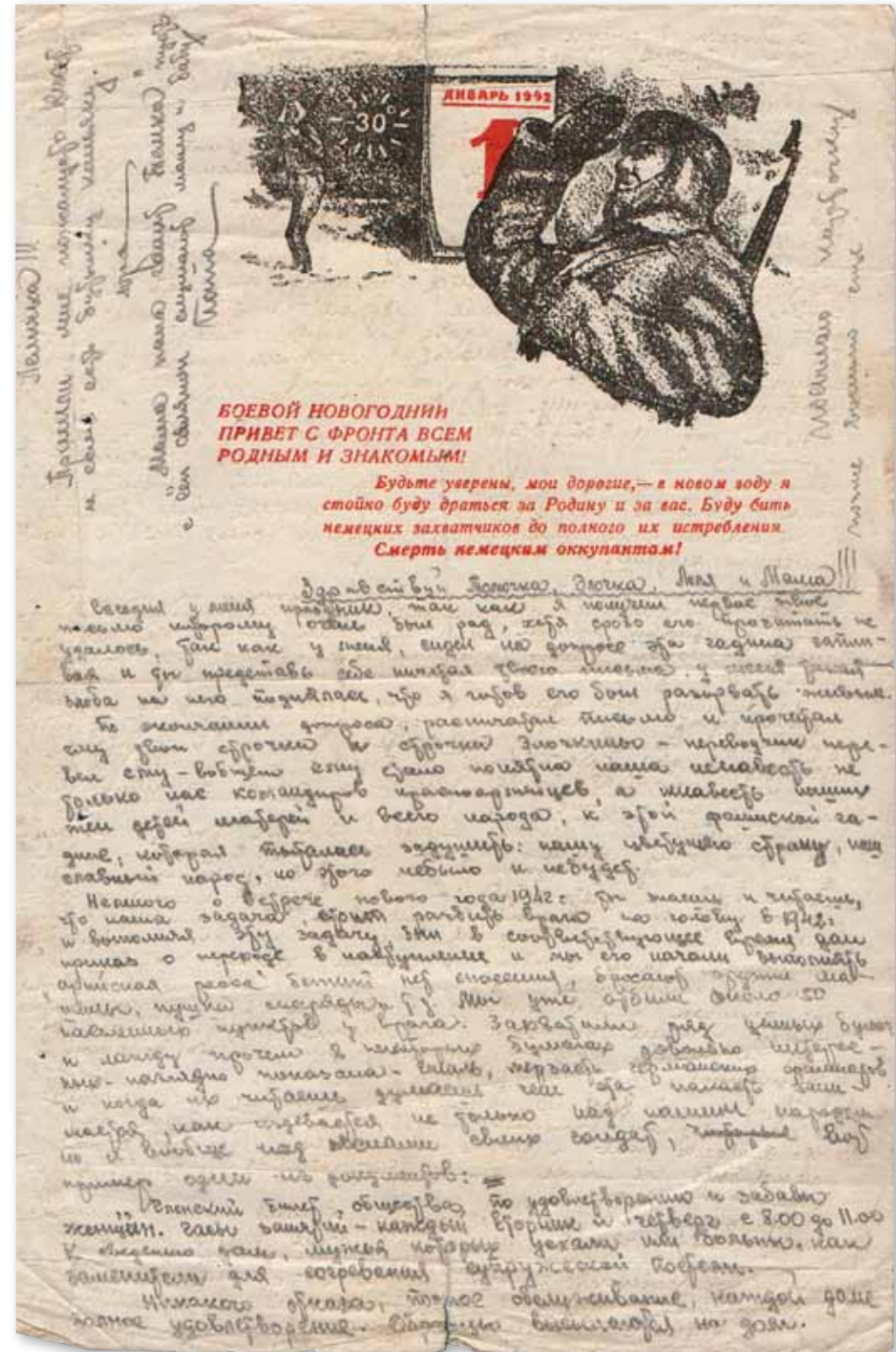
Здравствуйте, Томочка, Эллочка, Лёля и Мама!!!

Сегодня у меня праздник, так как я получил, Лёля, твоё первое письмо. Я был очень рад, но прочитать его удалось нескоро: на допросе сидел «эта сопливая гадина», и у меня на него поднялась такая злоба, что я готов был его разорвать живым. После допроса распечатал письмо и прочитал ему твои строчки и Эллочкины. Переводчик перевёл, и немцу стала понятна наша ненависть, не только ненависть командиров красноармейцев, но и ненависть наших жён, детей, матерей. Всего народа. Ненависть к этой фашистской гадине, которая пыталась задушить нашу цветущую страну, наш славный народ. Но этого никогда не было и не будет!

Немного о встрече нового 1942 года.

Лёля, ты читаешь и знаешь, что наша задача в 1942 году — разбить врага наголову — выполняется. В соответствии с этой задачей был дан приказ о переходе в наступление, и мы его начали выполнять. «Арийская раса» бежит, спасенья нет. Бросает оружие, машины, пушки, снаряды...

Мы уже отбили у врага около 50 населённых пунктов. Захватили ряд ценных бумаг, и, между прочим, в некоторых бумагах, довольно интересных, наглядно показана гниль, мерзость германских фашистов. И когда их читаешь, думаешь: чем эта пакость занимается, как издевается над нашим народом!»

Письмо однополчан отца моей маме от 16 апреля 1942 года

«Ольга Васильевна! Мы, командиры и бойцы, которые знали капитана Конева, а знали его очень многие, вместе с вами разделяем наше общее горе — утрату одного из лучших командиров нашего соединения — капитана Конева Юрия Гавриловича.

Ваш муж, а наш близкий товарищ по работе, Конев до последней минуты своей жизни был верен нашей социалистической Родине, делу партии Ленина и Сталина и погиб как герой Великой Отечественной войны.

Ольга Васильевна! Вы можете гордиться своим мужем, и пусть его любимые дочери запомнят, что их папка был героем и пал смертью храбрых, защищая свою Родину, жизнь своих стариков, своей любимой семьи.

Выполняя боевое задание, он встретился с врагом. И не дрогнул, а принял бой. Подразделение, с которым действовал капитан Конев, нанесло врагу большой урон, и враг отступил. Во время этого боя осколком снаряда он был смертельно ранен. Смерть наступила мгновенно.

Несколько дней его труп лежал на поле боя, так как вся эта местность находилась под обстрелом. Потом, когда противник под натиском нашего оружия отошёл на запад, мы сразу же отыскивали труп Конева и похоронили его со всеми воинскими почестями, которые только возможны на фронте.

Был сделан гроб, и в гробу его тело опустили в могилу. Его могила находится на полянке в лесу, в километре восточнее деревни Ильенки Юхновского района Смоленской области. Могилку его утыкали берёзками и поставили небольшой деревянный памятник с его именем.

В отношении его личных вещей, как то: часы, портмоне, письма и фотокарточки, то они, возможно, пропали, когда не было возможности вынести его с поля боя, так как все эти вещи он всегда носил при себе. А в отношении денег —

ему причиталось 1100 рублей в месяц, из них вычли заём, уплату партийных взносов и прожиточный минимум. На личных денег у него осталось 800 рублей, которые начфин Вам выслал.

Капитан Конев за боевые действия приказом по войскам Западного фронта № 197 от 2.2.42, был награждён медалью «За боевые заслуги», но получить её не успел — был убит.

Ольга Васильевна! Не надо слёз, хотя утрата и тяжела. Мы на его могиле поклялись жестоко отомстить врагу за смерть Вашего мужа — нашего верного товарища по работе, капитана Конева Юрия Гавриловича.

Можете быть уверены, что мы свою клятву выполним с честью и, если потребуется, не пощадим и самой жизни для полного уничтожения врага.

Группа товарищей

Подписи»

Лариса Николаевна Пилюгина

Лариса Николаевна
Пилюгина

Детство моё
пришлось на суровые
и голодные военные
годы; юность —
на послевоенное
лихолетье.

Великое счастье — жить заботами о своей семье

В далёком казахском городе Джаркент стоит памятник «Воинам, отдавшим жизнь за свободу и независимость Родины». На этом памятнике среди фамилий других бойцов, призывавшихся из Джаркента, есть и фамилии моих родных — деда, Твердохлебова Фёдора Степановича, погибшего в борьбе с басмачами, отца, Твердохлебова Николая Фёдоровича, и дяди, Твердохлебова Василия Фёдоровича, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Я очень плохо помню своего отца. Его призвали в Красную Армию, когда мне было три года восемь месяцев. Помню, что был он сильным, выносливым, ходил на охоту и очень хорошо стрелял. Когда он ушёл на фронт, у нас осталась его охотничья собака, очень ласковая и красивая, каштанового цвета. А ещё были ружьё и патроны. Ружьё и патроны забрали, а собака пропала. Был велосипед, на котором отец мог проехать до ста километров в день. Во время войны велосипед обменяли на продукты.

Остальное об отце знаю со слов мамы и старшей сестры Раисы.

Твердохлебов Николай Фёдорович.
Апрель 1941 г.

В Казахстан родители отца попали по воле царя-батюшки. Твердохлебов, а, вернее, Твердохлеб Фёдор Степанович в составе казачьего войска был направлен в Джаркент для охраны российской границы. Там у него и Пелагеи Ивановны родились пятеро детей. Отец был вторым ребёнком.

Все дети учились и получили по тем временам очень хорошее образование. После революции часть казачества, мой дед в том числе, перешла на сторону Красной Армии и воевала с басмачами. Так погиб мой дед. Бабушка, Твердохлебова Пелагея Ивановна, в 1924 году вступила в Российскую коммунистическую партию (большевиков), всю свою жизнь честно и добросовестно трудилась и этому учила и своих детей.

Мой отец, Твердохлебов Николай Фёдорович, родился в 1902 году в Джаркенте Алма-атинской области Казахстана. По профессии отец был учителем. Он открыл первую школу-интернат для казахских детей и стал её директором. Комплектовать школу было очень трудно, так как казахи народ кочевой. **Никто не умел читать и писать. Отец ездил по аулам, убеждал родителей отдавать детей учиться грамоте.** На него даже покушались, но он, несмотря на трудности, школу-интернат всё же открыл.

Затем потребовались специалисты для работы на таможне, и отца направили на курсы в Алма-Ату, а затем — на таможню на советско-китайскую границу. Отец в совершенстве владел казахским языком, знал обычаи и традиции казахов. В 1935 году его перевели на таможню в Алма-Ату, где он и работал до начала войны.

Лариса Николаевна Пилюгина в центре. Слева и справа — сёстры. 1949 г.

В марте 1941 года отца призвали на сборы в Сарыюзек. Помню, мы с мамой в конце мая 41-го года ездили к нему в военный городок. За 8 дней до окончания сборов началась война.

Отцу не дали возможности проститься с семьёй и сразу направили на фронт. Так что уже с первых дней войны отец сражался с врагом. Служил он в разведроты ППС 1420 1278-го стрелкового полка 391-й стрелковой дивизии.

Трижды был ранен. Из госпиталя получили письмо, в котором он писал, что после ранения у него одна нога стала короче и его должны комиссовать. Но началось большое наступление, и отца направили на передовую.

Больше писем от отца не было. В ноябре 1943 года получили сообщение, что отец пропал без вести. Но в конце месяца пришло письмо от его сослуживца, который рассказал, что он раненого отца доставил в военно-полевой госпиталь на берегу реки Псёл в Сумской области.

Твердохлебов Николай Фёдорович до войны

Это письмо мама отнесла в военкомат. И только после этого нам стали платить пенсию и дали талоны на паёк. Нас осталось трое девчонок-сирот. И как мы ждали отца после войны, ждали всю жизнь! Как нам жилось — лучше не вспоминать! Безотцовщина, голодные, униженные, беззащитные... А ведь наш отец честно жил, работал, отдал жизнь за Родину!

Мы, девчонки-сиротинки, вопреки всему выжили, выучились, все получили образование, честно и добросовестно трудились всю жизнь. Пока все мы живы, хотя уже на пенсии. Только вот раски-

дала нас судьба по свету: старшая сестра Раиса, 1929 г. р., живёт в Алма-Ате, Галина, 1932 г. р., — в Балаково. А я вот с 1974 года живу в Новгороде.

***

Я, Пилюгина (в девичестве Твердохлебова) Лариса Николаевна, родилась 28 августа 1937 года в городе Алма-Ата Казахской ССР. Мой отец, Твердохлебов Николай Фёдорович, погиб на фронте в 1943 году. Мама умерла в Алма-Ате в 1998 году.

Я окончила Казахский сельскохозяйственный институт, работала в Алма-Ате в комитете профтехобразования методистом, занималась сельскими профтехучилищами.

В 1974 году переехала в Новгород. Перед выходом на пенсию в течение десяти лет работала в управлении труда и занятости Новгородской области в должности заведомом по управлению и обучению кадров, замначальника департамента, стар-

шим специалистом по международным связям. С 2000 года — на пенсии.

Детство моё пришлось на суровые и голодные военные годы; юность — на послевоенное лихолетье. Мама, большая труженица, многому меня научила. Нас, трёх сестёр, ей надо было накормить, одеть, обуть, выучить. Все мы выросли, получили образование.

Жили мы очень трудно, вынесли голод, нищету. Безотцовщина ... До сих пор чувствую боль от этого слова. Нам всегда не хватало отца. Так случилось, что с 14 лет я жила одна. Старшая сестра вышла замуж и жила в Табошире, средняя — в Сталинабаде, а я — в Алма-Ате.

После десятилетки по комсомольской путёвке работала в Караганде, затем десять лет — в системе геологии. Только в 1965 году поступила на очное отделение сельхозинститута, уже будучи замужем и имея сына. После десяти лет совместной жизни развелась с мужем и сына воспитывала одна. Очень помогла мама: и в воспитании сына, и в том, что дала мне возможность учиться. Правда, я училась и подрабатывала, было нелегко, всё досталось с великим трудом.

Сын вырос, окончил строительный техникум и живёт со своей семьёй в деревне Ивантеево Валдайского района.

Выйдя на пенсию, я увлеклась рисованием, лоскутным шитьём, аппликацией, бисерным плетением. Занимаюсь в клубах «Сударушка» и «Моя судьба». Мои работы неоднократно экспонировались в библиотеках, клубах, в областном Доме народного творчества, в Детском музейном центре. Я принимала участие в фестивале лоскутного шитья в городе Гатчина, в Международном конкурсе по лоскутному шитью в Москве, в фестивале православной культуры «Праздничные звоны» в Тихвине.

Я награждена дипломами, грамотами, благодарственными письмами администрации Великого Новгорода, Дома народного творчества, комитета Всероссийского общества инвалидов, комитета по культуре Ленинградской области. В настоящее время про-

вожу мастер-классы по изготовлению тряпичных кукол, в школах, в День города в Судейском городке, в Витославицах, в клубе «Зоренька». Планирую провести персональную выставку.

Письмо отца от 25 марта 1942 года

«Доброго здоровья, Таня, Рая, Галя, Лара!

Ну, как вы там, мои хорошие, поживаете, как ваше здоровье? Я сейчас нахожусь в селе Заево в госпитале № 3478. Меня ранило ночью с 3-го на 4-е, и с тех пор водят меня по разным полевым госпиталям. Чуть не попал в санитарный поезд, который должен был пойти в Казахстан. А потом осмотрели меня и направили как легкораненого в госпиталь, в котором я и нахожусь в настоящее время.

Ходят слухи, что наша дивизия должна отойти на отдых, но это всё пока только слухи. С Василием связь потерял со дня ранения, он остался на передовой. До 10 марта он был жив и здоров. Я это знаю от его раненого товарища, который 10-го поступил в наш санбат.

Война, Таня, — это что-то самое ужасное, отвратительное, что не выразить словами. Из нашего полка должен был поехать домой в Алма-Ату Шерестов Василий Игнатьевич, он там живёт. Алма-Ата, Новая Слободка, ул. Кладбищенская, № 12. Это недалеко от малой станции. Я с ним послал детишкам на гостинцы 60 рублей.

Зарплату нам платят в двойном размере, а купить здесь нечего и не у кого. Вот я и послал деньги вам. Хотелось мне послать больше, да он не взял. Говорит, что не знает, что с ним будет в дороге. Ему в госпитале отрезали ногу. Пуля попала прямо в коленку и всё разбила. Пришлось отрезать ногу, вот он и должен был поехать домой.

Да, Таня! Сведёт ли нас судьба с тобой, удастся ли нам ещё пожить вместе? Это будет моё великое счастье, если я вас увижу и ещё буду жить с вами, жить заботами о своей семье. Эх, жизнь, жизнь! Когда ты станешь лучше, и когда будет конец этой войне?

25/IV - 42.
Доброго здоровья, Таня.

Рая, Галя, Лара. Ну как то вы
моя хорошая продолжаете как то ваше
здоровье, и сейчас нахожусь в силе завы в
госпитале № 3478 и мы рады с 3-м номером
и с тех пор возмёт меня по разным нашим
госпитальным. Немного не угодил в сан негод
который должен был перейти в Казарстан,
а потом всемогущи мы и направили
как легко раненого в госпиталь в котором
и нахожусь в настоящее время, ходят
слухи о том что наша дивизия должна стоять
на старом но это все не так, то что случилось
Вашимая связь потеряны со дня ранения
он остался на передовой до 10 марта он был
жив и здоров, потому что 10 поступил из
его батальона его товарищу раненого в санбат
в котором мы и, да, Вайна" так что
что то, самое ужасное, обратились
на что не хватает сил, да, выражений
из нашей песни, несут должны были
всем в Ашма-ата Шерстов Василий
Иванович он живет в Ашма-ата Новая
село, в Кладуцкая, и 21-го недавно
от этой станции и с ним писем дешиф-
рами на госпиталь 60 руб. партия, нам
печатают в двойном размере, а купит на
из здесь ничего и нечего, вот и

Пока что наши части теснят немцев, и они хоть и тихо,
но отходят. Здесь фронт, нигде ничего не купишь, не до-
станешь, а есть хочется так, что собаку бы с кожей
съел.

Обижаться особенно на кормёжку не приходится. Нам
дают 800 грамм хлеба, два раза в день горячий суп, сахар,
чай. Но всё это кажется мало. Ведь мы целыми днями ле-
жим. Что-либо делать, то есть работать, пока не можем.
Время тянется медленно. Днём здесь значительно потеп-
лело, начинает капать с крыши. Чувствуется весна. В об-
щем, с весной, думаю, станет легче, жить будет веселее.

Видел Костю Дягилева. Он командир роты выздоравливаю-
щей команды в санбате № 473. Живёт хорошо.

Остаюсь жив, здоров. Ваш Коля».

Письмо отца от 21 апреля 1942 года

«Добрый день, Таня, Лара, Галя, Рая.

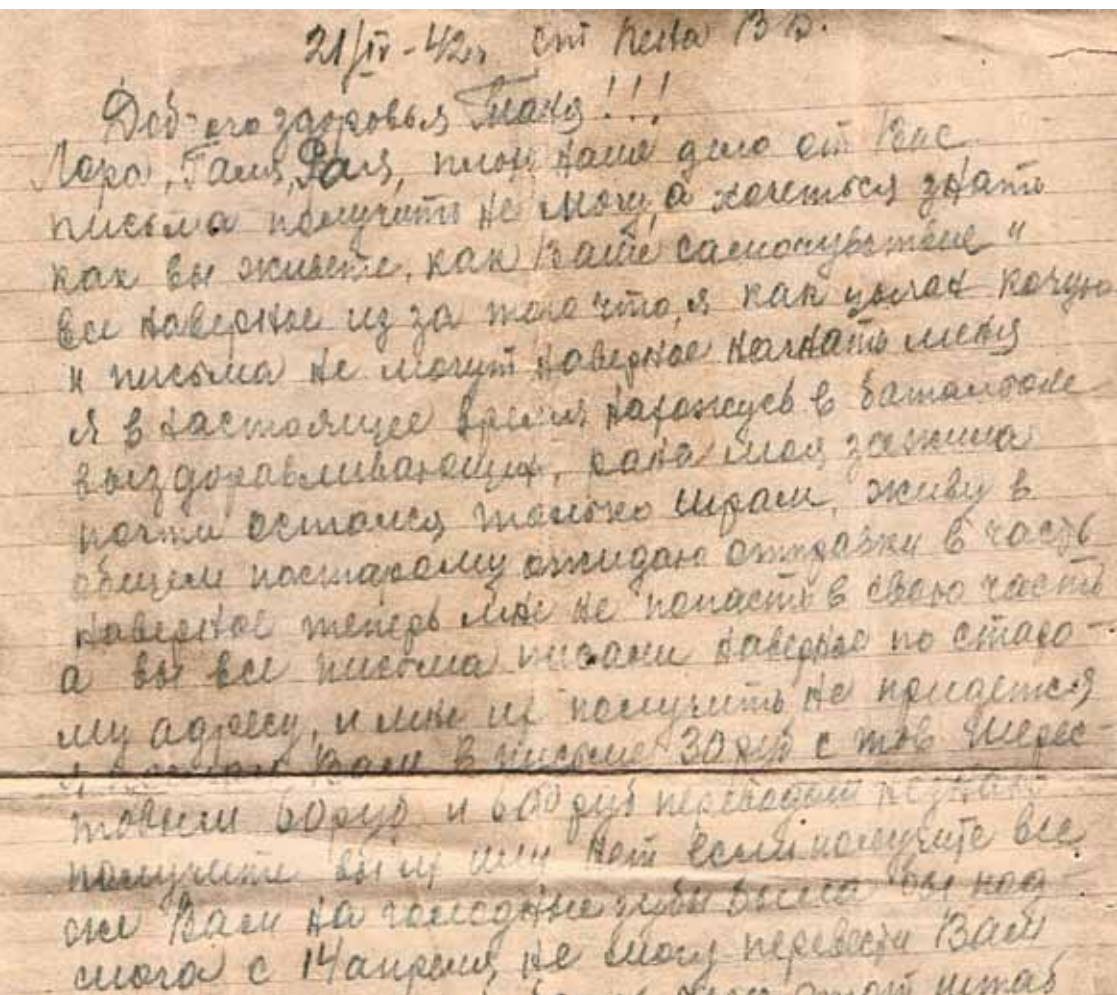
Плохо наше дело, писем от вас получать не могу, а хочет-
ся знать, как вы живёте, как ваше самочувствие. И всё,
наверное, из-за того, что я, как цыган, кочую, и письма
не могут меня догнать. Я в настоящее время нахожусь
в батальоне выздоравливающих, рана моя почти зажила,
остался только шрам. Живу, в общем, по-старому, ожи-
даю отправки в часть. Наверное, мне теперь и не попасть
в свою часть, а вы, думаю, все письма писали по старому
адресу, и мне их получить не удастся.

Я послал вам в письме 30 рублей, с товарищем Ше-
рстовым — 60 рублей и 600 рублей — переводом.
Не знаю, получите вы их или нет. Если получите, вам
всё же на голодные зубы была бы подмога. С 14 апреля
не могу перевести вам 800 рублей, сколько ни бьюсь.
Через этот штаб ничего не могу добиться, прямо
чёрт знает что это за батальон выздоравливающих.
Кормят плохо, а обслуживают ещё хуже. Собрали
16 переводов, и ни один не отправили. Сегодня иду сам

к начальнику госпиталя, буду говорить и просить, чтобы отправили.

Здесь настоящая весна. Лёд на реке взорвали, снег стоял, чувствуется оттепель. Теперь не так страшно, всё же теплее, а то зимой уж больно холодно. Да, зима здесь уж такая холодная показалась, прямо чёрт знает что!

Ну, что же... Поздравляю вас с праздником 1 Мая. Желаю провести его весело, счастливо. Остаюсь жив, здоров, с надеждой на скорое свидание. Шлю пламенный фронтовой привет вам и всем родным и знакомым. О Василии сведений не имею давно, он где-то там на передовой. Ваш Колька».

Раиса Васильевна Петрова

По вечерам мама часто читала единственное фронтовое письмо отца, написанное на обёрточной бумаге простым карандашом.

Раиса Васильевна Петрова

Это письмо я помню наизусть

До войны наша семья жила в деревне Лешино Новгородского района. Отец, Андреев Василий Лукич, 1910 г. р., и мама, Андреева Елена Ивановна, 1909 г. р., работали в колхозе. Отца призвали в Красную Армию с первых дней войны, а в марте 1944 года мы получили страшное известие: «В. Л. Андреев пропал без вести под Ленинградом».

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 8 лет.

Помню, как уже через пару недель внезапно налетели немецкие самолёты, и на Новгород посыпались бомбы. Мама с бабушкой, схватив меня за руки, побежали за деревню. Долго прятались в картофельных бороздах, провожая глазами колонну немецких мотоциклистов, которая двигалась в сторону Панковки.

Раиса Васильевна Петрова

Только к вечеру выбрались из укрытия, вернулись домой и в опустевшей деревне застали последних односельчан. Наскоро собрали в узел кое-какие пожитки и бросились догонять своих.

Бежали по ночному Новгороду, чтобы успеть перейти через Синий мост, где скопилось огромное количество беженцев. Мост, по слухам, должны были вот-вот взорвать. И люди торопились, стремились на другой берег, боялись попасть к немцам.

Мама была на пятом месяце беременности и не могла бежать быстро, не хватало сил. Бабушка Дуня уговорила кого-то взять меня на телегу. Помню, как в полной темноте долго и истошно кричали люди, разыскивая друг друга на правом берегу Волховца.

А ещё помню, как под огнём вражеской артиллерии мы ползком пробирались на огороды брошенных деревень, чтобы раздобыть немного картошки. В памяти остались бесконечные эвакуункты с очередями за супом и водой. Затем мы несколько месяцев тряслись в переполненных товарных вагонах, под бомбёжками убегая в глубокий тыл.

Привезли нас в Узбекистан и поселили в Уч-Курганском районе Наманганской области. Взрослых определили на работу в хлопковый совхоз «Кзыл-Арват» или на военный завод. Трудились они от зари до зари. Маму даже наградили медалью «За доблестный труд».

Мы, дети, предоставленные сами себе и вечно голодные, собирали черепахи и черепахи яйца. Однажды я чуть не утонула в ледяной горной реке. Спас меня Лёня Петров, который был старше меня на 5 лет. Впоследствии он стал моим мужем.

Война, хоть и была далеко, но не отпускала нас ни на один день. Приходили похоронки, приносили в семьи горе и сиротство.

И ещё вспоминается, как молились женщины, когда началось землетрясение. Качалась земля, рушились стены, падали крыши. Мы испытали настоящий шок, когда увидели, как земля поглотила хозяйский хлев вместе с коровой.

Климатические условия для нас, северян, были непривычными и очень тяжёлыми: невыносимая жара, удушающая пыль. От непосильной работы в этих условиях заболела мама и пролежала в больнице целых полгода. В декабре 1941 года у меня родилась сестрёнка Галя, которая, прожив всего несколько месяцев, умерла от голода. Чуть позже от болезни умерла моя 77-летняя бабушка.

Из больницы мама вернулась — кожа да кости. В сохранившейся справке сердобольные врачи написали: «Нуждается в надлежащем питании». Спасибо председателю совхоза Ахматову, который отправил нас с мамой в подсобное хозяйство «Таш-Кумыр». Это был настоящий рай. Нас спасли виноград, персики, дыни.

По вечерам мама часто читала единственное фронтовое письмо отца, написанное на обёрточной бумаге простым карандашом. Это письмо до сих пор хранится в нашей семье, как дорогая реликвия. Я его помню наизусть:

«Добрый день или вечер. Здравствуй, многоуважаемая жена Леночка. Шлю вам свой привет и желаю много наилучшего в жизни.

Я сейчас пока жив и здоров. Нахожусь недалеко от Кингисеппа, в 5 км. Стоим у дороги на охране. С пулемётом. Вчера меня направили пулемётчиком, вторым номером.

Леночка, у нас здесь ничего такого опасного нет. Только страшат налёты авиации. Самолёты часто бомбят и обстреливают с воздуха. У пулемёта нас стоит 3 человека. Спим мы очень мало, только 2—3 часа в сутки, больше не удаётся. А в остальное время всё настороже.

*Леночка, у нас здесь немцы всё идут и идут на Ленинград.
А то бомбят город и не дают никакого покоя.*

Мы втроём пошли узнать, кто нас целый день обстреливает. И узнали. Как начали по нам стрелять, так едва ушли. Но всё-таки привели двух человек. Ополченцы, говорят они. А настоящего никто не знает.

Я был в Ленинграде, стояли там 2 дня. Что делалось в Ленинграде, так и сказать нельзя. Весь народ ездит работать в колхозы и совхозы, роет противотанковые рвы.

Леночка, я от тебя ещё не получил ни одного письма, а уже прослужил месяц. И ничего не поделаешь, потому что нет адреса. Я и сейчас не решаюсь дать адрес, не знаю, можно или нет. Кольке дали 5 суток ареста за то, что по дороге в Кингисепп написал в Ленинграде письма.

Леночка, напиши, что делается у вас дома, где работаете. Больше пока писать нечего, а ты держись.

Остаюсь жив и здоров, целую тебя крепко-крепко. Береги дочку Раю. Поклон бабушке и всем родным.

Писал Андреев Василий Лукич»

В 1944 году мы с мамой вернулись в разрушенный Новгород, в родную деревню Лешино. Вместо дома увидели пепелище. И вскоре, в марте этого же года, почтальон принёс страшное известие: «Андреев Василий Лукич пропал без вести под Ленинградом».

Родная земля встретила нас голодом. Варили картофельные очистки с лебедой. От голода пухли ноги. **Помню, каким счастьем было надеть сшитый мамой костюм из мешковины, и каким счастливым днём стал День Победы, когда всё смешалось — радость и слёзы! Это нельзя забывать!**

**Алла Михайловна
Веселитская**

**Шла большая,
жестокая, злая война...**

Алла Михайловна Веселитская

Ах, как жить мы могли бы!
(Посвящается моему погибшему отцу Попову М. А.)

*Годы, годы, ... как быстро же вы пролетели,
И война отступила куда-то назад.
Но никак не забыть «безвозвратной потери».
Так архивные справки о них говорят.*

*О погибших за Родину память нетленна.
Ты сражался за нас в том жестоком бою.
Получила семья треугольник военный,
Похоронка пришла и разбила семью.*

*Пожелтел тот листок и потёрся на сгибах,
И чернила поблёкли на строчках скупых.
«Смертью храбрых погиб»... Ах, как жить мы могли бы!
Хоть бы раз посидеть на коленях твоих!*

*Где лежишь ты, отец? Кто ответит подранку?
Столько лет меня мучает этот вопрос!
Наших братьев, отцов вновь находят останки
Под корнями тоскующих русских берёз.*

Алла Михайловна Веселитская

*Как ждала я тебя, дорогой мой, любимый,
Столько лет тосковала вся наша семья.
Годы быстро летят, незаметно, незримо,
Только живы всегда боль и память моя.*

Немецким детям войны

*Нас война разделила кровавой чертой:
Ты — с одной стороны, я, конечно, — с другой.
У тебя был отец, у меня был он тоже.
Наши судьбы с тобой, как две капли, похожи.
Сиротой я росла, был и ты сиротой.
Был разрушен мой город, таким же был твой.
Голод я испытала, да и ты голодал.
Я ведь детства не знала. Разве ты его знал?
Ты ни в чём не виновен. А моя в чём вина?
Шла большая, жестокая, злая война...*

Галина Ивановна
Ванилихина

Было очень
страшно: с одной
стороны — немцы,
с другой — наши,
а мы — между ними.

Галина Ивановна Ванилихина

Среди большой жестокой войны

Мой отец, Марков Иван Фёдорович 1911 г. р., призывался в Красную Армию Новгородским горвоенкоматом в первые дни Великой Отечественной войны. Погиб 9 февраля 1944 года в партизанском отряде при выполнении боевого задания на литовской границе у станции Радунь.

Я родилась в Новгороде в 1936 году. Когда началась война, наша семья не успела эвакуироваться. Немцы вошли в город и погнали оставшееся население в направлении сёл Подберезье, Осия и т.д. У нас была большая семья: дедушка, бабушка, мама и шестеро детей, двое из которых умерли по дороге.

Мы прошли города Псков, Остров, много других населённых пунктов. Остановились в деревнях Зеленово, Орлово и Гривы.

Галя в первом ряду

Галя на руках у мамы

Наша семья жила сначала в школе какой-то из этих деревень. Потом школу немцы сожгли, и нам пришлось переселиться в погреба и землянки.

В 1944 году советские войска перешли в наступление, и мы оказались на линии фронта.

Прифронтовые деревни стали переходить из рук в руки. Однажды налетели эсэсовцы, устроили облаву, согнали людей из трёх деревень, повели на расстрел. Требовали сказать, где находятся партизаны, которые немало неприятностей доставляли врагу.

Кто-то выдал старосту, якобы связанного с партизанами. Немцы поставили его в круг, спустили собак и затравили человека насмерть. Это было ужасное зрелище. Невозможно описать, что творилось с людьми. Все плакали, кричали... И так нас собирали

несколько раз, надеясь запутать и хоть что-то выведать про партизан.

А потом согнали стариков, детей, скот. В толпе было много молодых девушек. И всех под конвоем погнали в Германию. Нашей семье и некоторым другим удалось спрятаться во ржи. Рожь была высокая, и, чтобы выманить беглецов, немцы её подожгли. Каким образом нам удалось спастись, я уже не помню.

Каким-то чудом к нам прибилась корова, и мы обрадовались, что у нас будет молоко. В деревне осталась только наша семья, остальные не смогли уцелеть или избежать фашистской неволи.

Родители

Между деревнями протекала речка, неширокая, но глубокая. По одну сторону стояли наши, по другую — немцы. И вот мы ночью стали пробираться на другой берег к нашим. Дедушка переносил нас на плечах. А когда мы оказались в лесу, начался настоящий ад. Стали бить «катюши». Стоял невероятный грохот, яркие вспышки озаряли небо. Было очень страшно: с одной стороны — немцы, с другой — наши, а мы — между ними.

В лесу мы увидели людей с винтовками и ружьями. Это были партизаны. Они взрывали поезда, немецкие склады, цистерны. Везде полыхали пожары, в воздухе стоял невыносимый запах гари. И вдруг в партизанском отряде мы столкнулись с нашим отцом. Встреча была неожиданной, случайной (а, может, я не всё знала?) и очень короткой, но запомнилась на всю жизнь, потому что это была наша последняя встреча с отцом. Он обнял маму, всех четверых детей, и попросил дедушку нас беречь.

Иван Фёдорович Марков слева

Потом сел на коня и усакал на задание. Больше мы его никогда не видели.

Уже после войны к нам в Новгород приезжал комиссар партизанского отряда и рассказал, что отец попал в отряд, выходя из окружения. А ещё мы узнали, как он погиб. Отец повёл в бой группу партизан, сам на коне поскакал впереди и почти сразу же упал, получив пулю в лоб.

Отец воевал и на Советско-Финляндской войне, но оттуда вернулся живым и, насколько я помню, невредимым.

Новгород освободили в январе 1944 года, и ближе к лету мы поехали домой. Новгород встретил нас зарослями иван-чая, бузины. Среди бурьяна торчали обугленные остовы разрушенных зданий. Начались наши послевоенные мытарства.

Дедушка построил времянку, и они с бабушкой там поселились. А мы устроились в подвале разбитого дома, напротив Кооперативного техникума.

Дедушка с бабушкой не дождались Дня Победы. 17 марта 1945 года их застрелил из окошка какой-то мародёр в советской шинели. Разрывными пулями каждому снесло полголовы.

**Галина Акимовна
Тихомирова**

Отец погиб
в бою 10 августа
1941 года.

Галина Акимовна Тихомирова

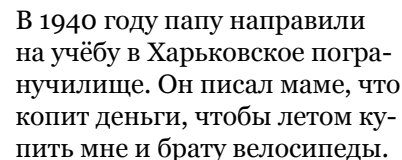
Он погиб в начале войны

Мой отец, Арабенко Аким Филиппович родился в 1907 году. Погиб в Эстонии, под Нарвой, 10 августа 1941 года. Место захоронения установить не удалось.

Отец был политруком на погранзаставе на советско-китайской границе. Там же в 1935 году родилась я, в 1938 году — мой младший брат.

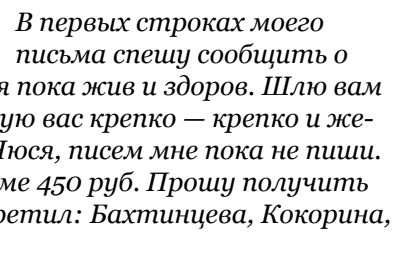
Застава выглядела в точности, как в фильме «Белое солнце пустыни». Мне запомнились высокие глинобитные стены (дувал). Внутри — конюшни, казарма для солдат, баня, административные здания, квартиры для семейных офицеров.

Папа был хорошо образованным человеком. Он заведовал библиотекой, руководил струнным оркестром, сам играл на баяне и на всех струнных инструментах. Был отличным снайпером, кинологом, дрессировал овчарок для охраны границы. Я помню сама и со слов мамы, что **с охоты папа всегда приходил с отменной добычей. А я, маленькая, плакала и причитала, говорила маме: «Папа не умеет стрелять, все головки у уток разбиты».**

Но началась война. На фронте отец стал политруком миномётной батареи. Погиб в бою 10 августа 1941 года. **В неразберихе первых месяцев войны осталось незафиксированным место захоронения.** Мы долго искали его могилу, но, к сожалению, так и не нашли. Осталось единственное фронтовое письмо моего отца.

«Добрый день, Нюся, Галя,
Витя!

Живите на месте до моего возвращения. Вернусь только после того, как врага разгромим, а раньше домой не ждите.

До свидания. Жму крепко ваши руки и целую несколько раз.

Читайте и слушайте по радио сообщения о событиях на фронте.

Ваш Аким. Политрук миномётной батареи».

[illegible]

Дядькин gets good Tami Bunt!
 Дядькин купил много много разных вещей
 о том, что я в последнее время так много
 пишу и пишу. Умно там есть много разных вещей
 и много так много разных. Умно там
 там много. Good things are about the same, but
 much more now than before, getting for me
 and for the whole family. I'm very happy
 about this. I'm very happy about this
 because I'm very happy about this. I'm very
 happy about this. I'm very happy about this.
 I'm very happy about this. I'm very happy
 about this. I'm very happy about this. I'm very
 happy about this. I'm very happy about this.

**Валентина Георгиевна
Левицкая**

Долгие годы
мы пытались
установить место
захоронения отца,
но так ничего
и не нашли.

Валентина Георгиевна Левицкая

Пропал без вести

Я всегда с большой теплотой вспоминаю своего погибшего отца, Дорофеева Георгия Ивановича. Всего два письма получили мы от него с фронта. Они были написаны по пути следования Сибирской дивизии из Новосибирска в Ленинград.

Письма были проникнуты любовью к нам и большой тревогой за наше будущее.

Из Омска папа успел послать нам какую-то посылку с валенками и другими вещами. Он считал, что это нам поможет продержаться в трудный период жизни.

Сколько я помню своего папу, он был человеком с «большой буквы». Он много занимался моим воспитанием, здоровьем, только у него я сидела на коленях, с ним ходила на рыбалку.

А ещё он любил охоту. У нас была охотничья собака Ребус. **Ребус ушёл из дома и не вернулся, и, видимо, произошло это, когда погиб папа.** Собачье чутьё ему подсказало, что с хозяином случилась беда и его нужно спасать. Да к тому же Ребус, как и все мы, голодал.

Моя мама всю жизнь работала заместителем главного бухгалтера на кондитерской фабрике в Новосибирске и всю жизнь ждала своего Георгия. Она старалась, где только можно, любыми путями, хоть что-то узнать о бойце Дорофееве Г. И. И в конце концов 6 августа 1946 года пришло извещение о том, что отец пропал без вести в декабре 1942 года.

С тех пор долгие годы мы пытались установить место захоронения отца, но так ничего и не нашли. Вечная память всем, павшим в боях за нашу Родину!

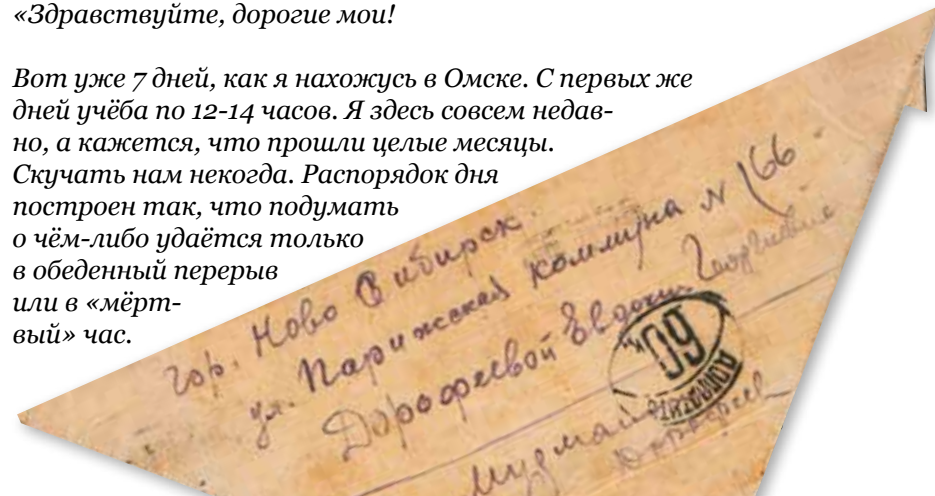
Письмо отца от 15 сентября 1941 года

«Здравствуйте, дорогие мои!»

Вот уже 7 дней, как я нахожусь в Омске. С первых же дней учёба по 12-14 часов. Я здесь совсем недавно, а кажется, что прошли целые месяцы. Скучать нам некогда. Распорядок дня построен так, что подумать о чём-либо удаётся только в обеденный перерыв или в «мёртвый» час.

Георгий Иванович Дорофеев

Валя с отцом

В выходной никуда не ходил, да и времени нет: весь день устраивался на новом месте.

В перерывах между академическими часами охотники вспоминали первые дни охоты в прежние годы.

Я всё думаю, как вы там устраиваетесь без меня и без Шуры. Вспоминает ли меня Валя, как часто и в каком духе? Что сделали с Ребусом? Зарегистрировали ли в рай-

комхозе? Его нужно держать на привязи, согласно распоряжению горсовета. При регистрации предъявите мой охотничий билет, где он записан как породистая легавая собака.

Как поживает Миша? Не отправился ли он маршировать?

Не нужны ли в НСМО бухгалтеры? Их в Омске так много собрали, что мне кажется, сейчас на производствах в них острая нужда.

Ты, Дуся, наверное, часто меня вспоминаешь, потому что мне икается. Думаю, недобрым словом, потому что подполье не приготовил, дров не нарезал, сарай не наладил. В общем, оставил кучу дел. А с другой стороны — добрым словом, потому что пепельницы не надо чистить, и окурки не разбросаны. Да и будить некого, потому что Валя сама раньше нас встаёт в школу.

Что делали в выходной, 14-го? Как у вас с питанием и уборкой картофеля? Картошку нужно убрать, не дожидаясь морозов. Сейчас у неё роста уже нет.

Дуся, всё барахло в сенях собери и сложи в ящик, чтобы оно зря не висело, или продай на барахолке.

Зарплату мы получили: 10 рублей в месяц, и, по постановлению собрания, всё отчислили в фонд обороны, в последующие месяцы — по 50 процентов. Ввиду того, что в город не ходим, зарплату некуда расходовать.

Письмо пролежало до выходных 21 сентября. В эти дни я надеялся получить от вас письма, в ответ на мои две открытки и одно письмо. Но, увы, хоть Омск и недалеко, а почта не справляется с пересылкой и доставкой. Неужели вы не получали писем?

Сегодня с утра было ветрено, лил осенний дождь, и, видимо, зарядил не на один день. Так неприятно действует на настроение...

Дуся, не забудь взять в артели мою трудовую книжку, а то там хранение плохое, и могут затерять. Ещё не за-

10/12/40. Здравствуй, Дуся! Мое
Вот уже пятая как в магазин в Омске с первой же день
ухода по 12-14 часов, а мне кажется, прошло целое лето.
Скучаю, конечно, некогда бриться и расчесывать ухот
Так хочется что-то подучиться на то же время в обсерв
ный период. Т.е. после окончания работы не сиди
В выходные ни куда не ходят, да и нет времени весь день
просто в ожидании по радио, да в общах. В пере
рывы академических часов, конечно, в общах, но
ситуация денег не очень хорошая. Я все думаю, как
вы там устраиваетесь без Миши и без Шуры. Валя —
милая, но милая Валя! и как часто и в каком духе.
Что сделали с Ребусом? Зарегистрировали ли в райкомхозе
его нужно держать на привязи согласно распоряжению
горсовета. При регистрации предъявите мой охотничий билет
где он записан как породистая легавая собака.
Как поживает Миша? Не отправился ли он марши-

будь узнать в военкомате, как меня должны рассчитать. Есть статья 45-я, что я был призван на работу в приёмно-сборный пункт, и мне должны оплатить 100 процентов. Разница на 50—60-рублей. Узнай это по телефону, они могут дать справку или распоряжение по телефону.

Валя

Какая у вас погода? Как обходитесь с питанием?

Обмундирование мы частично получили, хотя и старое. Ждём нового. Я сейчас думаю, что сапоги придётся послать отправить обратно или продать здесь.

За время пребывания в Омске с 8-го по 21-е был один раз на «картинке» и один раз на лекции. Можно было бы ещё два раза сходить на «картинку», но не было желания.

В Омске табачку и папирос нет, и я без курева шибко мучаюсь, а за самосадкой на базар не пускают.

Сегодня по случаю купил коммерческого белого хлеба: ради выходного. Отпустили побриться, а рядом магазин. Ну и зашли, а нам продавец дала без очереди. Купил три плюшки по 1 р. 20 к. и хлеба за 11 рублей. И, как и вчера, увели арбуз за 2 р.70 к.

Ну, пишите, как вы живёте, что у вас нового. Передайте привет всем. Целую Валю за отличную учёбу.

21 сентября 1941 года

Мой адрес: город Омск, почтовый ящик № 3951, литер «А», мне.

Валя с родителями

Письмо отца от 7 января 1942 года, станция Мурман

«Здравствуйте, дорогие мои Дуся и Валя! На седьмые сутки, как видите, доехали мы до станции Мурман. Это под Москвой. Поедем ещё дальше мимо Москвы в направлении Ленинграда. Настроение хорошее. Один недостаток: за дорогу загрязнились сильно и обросли.

Погода стоит тёплая, весенняя.

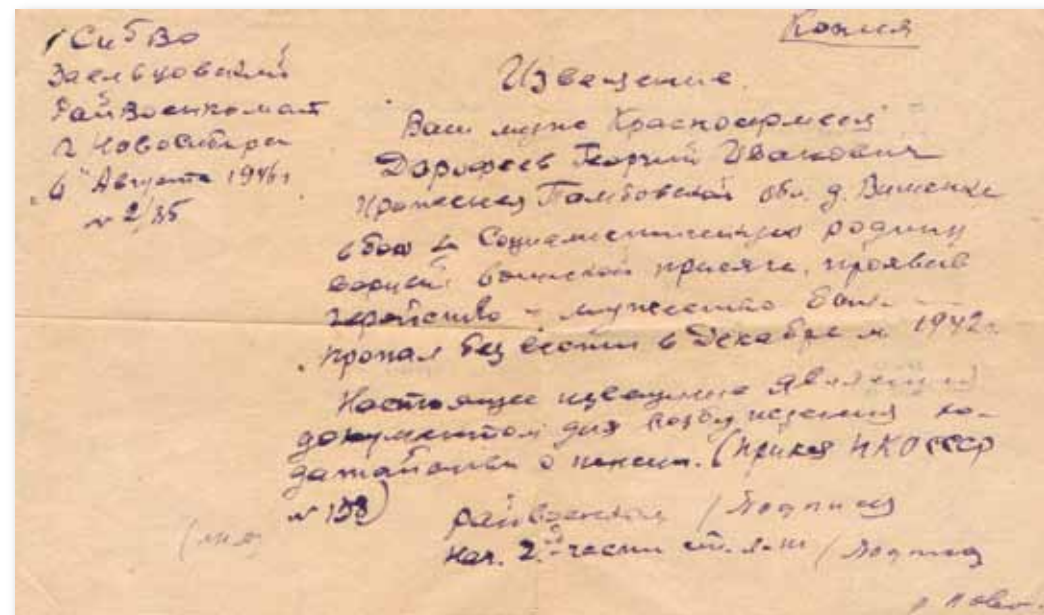
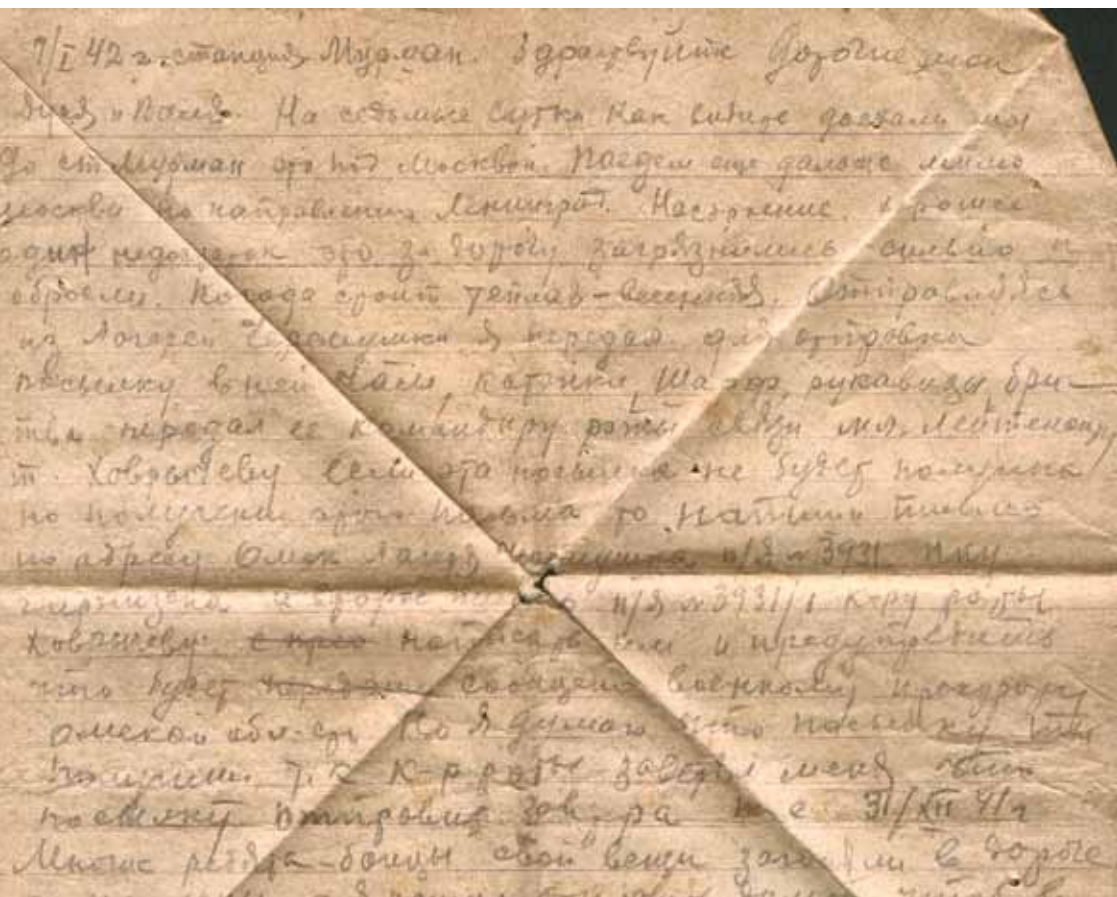
Отправляясь из лагерей Черёмушки, я передал для отправки посылку. В ней часы, катанки, шарф, рукавицы, бритва. Передал её командиру роты связи мл. лейтенанту тов. Ховрычеву. Если эта посылка ещё не будет получена, когда придёт письмо, то напиши по адресу: Омск, лагеря Черёмушки, п/я № 3931, НКУ гарнизона, и второе письмо: п/я № 3931/1, к-ру роты Ховрычеву. В этом случае надо будет написать им и предупредить, что сообщим военному прокурору Омской области. Но я думаю, что посылку ты получишь, так как командир роты заверял меня, что посылку отправит на следующий день.

Многие ребята-бойцы свои вещи загоняли в дороге за полцены, а я решил отправить домой, чтобы в трудный момент немного поддержать ваше существование.

Я нарисовал бойца. Сегодня не удалось, а завтра пошлю рисунок вам. После письма, привезённого Серебряковой, писем не получал, так как со старого адреса, из Черёмушек, уехал, и вернуться за ними некогда было.

Как вы встретили Новый год, с какими победами на трудовом фронте? Мы Новый год провели в дороге. Сегодня хотелось бы знать о вашей жизни в день моих именин. Передавайте привет всем, кого увидите.

Потом многое расскажу, а пока — прощайте. Целую крепко-крепко! Ещё раз привет передай всем. С последней остановки, как перейдём в часть, сообщу адрес. Наш фронт — в Ленинградском направлении. Ну, живите счастливо. Ваш Георгий.

Копия извещения

СибВО,
Заяльцовский райвоенкомат
г. Новосибирска,
6 августа 1946 года
№ 2/85

Извещение

Ваш муж, красноармеец Дорощев Георгий Иванович, уроженец Тамбовской обл., д. Вишенки в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, пропал без вести в декабре 1942 г.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР № 138).

Райвоенком (подпись)
Начальник 2-й части (подпись)

Василий Сиротин, Павел Александрович Парфёнов

Василий Сиротин
гр. 1041

Связист от Бога

Павел Александрович Парфёнов родился в 1926 году в деревне Бронница Новгородского района. Отсюда в 1943 году в неполных 17 лет добровольцем ушёл на фронт.

Павел Александрович вспоминает:

«Собрали нас в лесу за посёлком Пролетарий. Там мы прошли 110-часовую начальную военную подготовку, изучали устройство пулемёта, автомата. Но на комиссии троих

из нас, меня в том числе, забраковали — ростом не вышли. С ростом 150 сантиметров — брали, а у меня было 148. Знал бы — так каблучки набил бы на 2 сантиметра повыше.

Я с самого детства почему-то плохо рос. Был слабеньким, часто болел. В два годика скарлатиной заболел, температура была высокая. Родственники думали: помру. А я, назло всем, выжил. За малый рост меня в пятом классе называли птенчиком.

Я прямо-таки мечтал попасть на фронт. Боялся, что война закончится без меня. **В 42-м году под Мясным Бором погиб мой старший брат Саша. Мама плакала, не пустила меня, но я всё равно ушёл из дому.** Уговорил знакомого старшего сержанта, Дерия Григория Лукьяновича, и он тайком доставил меня в повозке под сеном в военную часть. После войны Григорий Лукьянович дослужился до полковника милиции. Сейчас он проживает в Одессе.

Утром старшина привёз завтрак, увидел меня и стал ругать возницу: «Ты что, думаешь, у меня здесь детсад? Кого ты привёз? Ему же обмундирование надо перешивать». А тот отвечает: «Ты дай ему самый малый размер, он скоро вырастет».

И меня оставили в части, зачислили в 1009-й артиллерийский полк. На следующий день принёс старшина гимнастёрку. Я рукава подвернул, брюки на ремень накрутил. Старшина дал сапоги и портянки, а старики научили меня, как эти портянки наматывать.

А потом говорят: «Ну-ка, налейте ему фронтовые 100 грамм, плесните в кружку хоть сколько-нибудь, посмотрим, каков он, этот пацан». Я схватил глоточек, голова кругом пошла. Стало весело, и я как начал плясать по землянке! Все хохочут: «Ой, какой весёлый парень! Берём его, берём».

А командир взвода, Короленко Василий Трофимович, спрашивает: «Ты в школе стометровку бегал?». Я говорю:

*«Бегал. Сейчас в школе все бегают». «А хорошо бегал?».
«Не хуже других, я же маленький, шустрый».*

На занятиях я так рванул стометровку, что командир сразу решил: я именно тот человек, который ему нужен, и забрал меня во взвод связи».

Павел Александрович вскоре стал любимцем во взводе управления 1-го дивизиона. Что называется, связист от Бога. Со своим арtpолком в составе 225-й стрелковой Новгородской Краснознамённой ордена Кутузова дивизии прошёл длинный фронтовой путь — от Новгорода до Праги.

Парфёнов хорошо помнит трудные дороги четырёх фронтов: Волховского, 3-го Прибалтийского, 3-го Белорусского, 1-го Украинского. Победу дивизия встретила в Германии. На пути в Прагу — а оставалось всего 80 километров — опередили танкисты, но «новгородцы» на них не в обиде — одно дело делали.

На войне, как и в мирной жизни, случалось всякое. Бывали тяжёлые бои, большие потери. До сих пор стоят перед глазами страшные картины разрушенных городов, дотла сожжённых деревень. Павел Александрович вспоминает, как по разбитым европейским дорогам понуро брели на Родину тысячи истощённых людей, освобождённых из фашистской неволи.

Но запомнились ветерану и смешные, курьёзные случаи, которых на фронте было немало. Павел Александрович о них тоже охотно рассказывает:

«Вот и бегал я всю войну, проверял и налаживал линии связи. Где старик не побегит, я мигом управлюсь. Связисты ходили парами. Отпускать одного было рискованно, немцы охотились за нами как за «языками». Мой напарник, 52-летний вологжанин Крысов, мне как-то сказал: «Если попаду в плен, то застрели меня. Лучше смерть, чем плен».

Командир взвода меня всегда за собой таскал. Помню, нужно было провести разведку боем. Сняли нас, не доез-

жая Савино. Стоим в землянке у речки напротив Кречевиц. А позади в кустах — наша батарея. И тут как началась стрельба! Наши бьют по немцам. Я выскочил из землянки, не пойму, что такое. Решил посмотреть, как снаряды летят. Молодой был, глупый. А командир взвода схватил меня за шиворот и потянул назад, в землянку: «Ты что делаешь? Сейчас ответ будет, немец начнёт стрелять. Попадёшь под обстрел». Так и воевали мы вместе с этим командиром до самого конца войны.

Пушки у нас были 76 миллиметров, четыре лошади их тащили. Была у нас и 120-миллиметровая пушка. Помню, дело было зимой. Дошли мы до реки. Слышим, летят самолёты. Все кричат: «Наши!». Но это были немецкие самолёты, они сразу же начали бомбы бросать. Не пикировали, а так и летели на одной высоте, сбрасывая груз. Поступила команда — бежать в укрытие. Мы сунулись под берег, а берег крутой. Пушки остались на льду. Одну пушку подбили прямым попаданием бомбы, и она вместе с упряжкой лошадей ушла под лёд. Жалко было.

В другой раз мы проводили разведку боем, нужно было взять «языка». Разведчики залегли поближе к траншеям и замаскировались. Их было шестеро. Командир взвода зовёт меня и говорит: «Сейчас пробежим метров двадцать, не отставай от меня ни на шаг».

А у немцев поставлен пулемёт. Если кто-нибудь появится в этом 20-метровом просвете между кустами, мигом пу скают очередь. «Ну что, готов?» — спрашивает командир. Отвечаю: «Готов». Он как рванул, а я — за ним. Немец всё же заметил нас и успел выстрелить, но плохо прицелился, слишком низко взял. Все пули попали в землю рядом с нами. А чуть бы повыше — так и нас бы скосил.

Немного отдышались. Взводный спрашивает: «Жив?». «Жив», — отвечаю. Командир дивизиона майор Шутлов забрался на перекадину, приделанную к сосне, наблюдает в бинокль. Я остался внизу, а комвзвода говорит: «Что

скажет майор Шутков, то ты и передавай на батарею, повторай каждое слово».

И вот: первый снаряд — недалёт, второй — перелёт, а третий-то должен точно в цель попасть. Но... опять перелёт. Майор в сердцах такой мат выдал! Ему в этом не было равных. Я все его слова на батарею передал.

На следующий день приехал командир батареи, старший лейтенант. «Сижу, — говорит, — и слышу детский голосок. И так матюкается!». Я говорю: мне было приказано передавать всё, что услышу». Долго потом во взводе вспоминали этот эпизод и смеялись.

Был ещё такой случай. Однажды починил я обрыв провода и лесом возвращаюсь в часть. Вдруг слышу весёлые голоса. Осторожно раздвигаю кусты и вижу: на небольшой полянке сидят вокруг костра шестеро полковых разведчиков, отдыхают после задания, все навеселе. Один рассказывает анекдоты, а остальные прямо покачываются со смеху. А чуть поодаль на кустах сушатся сапоги и портянки. Я по-пластунски подполз поближе, выбрал пару сапог, более или менее подходящих по размеру, потом отполз подальше, переобулся и тихонько пошёл в часть. Свои рваные ботинки с обмотками сразу выбросил.

А наутро все узнали, что у разведчика «увели» сапоги. Один из шестерых, тот самый, который анекдоты травил, с задания пришёл босиком. Насмешками незадачливого вояку почти до слёз довели. Но скоро все заметили, что у меня появились сапоги. Спрашивают: «Откуда?». Говорю: «Нашёл». Немного погодя я всё же сознался, меня простили и даже сапоги оставили.

Ну не мог я, начинающий связист, красноармеец, ходить в ботинках с обмотками! В нашем взводе были три девочки-связистки, не хотелось выглядеть плохо, и сапоги были нужны позарез. Они же, как говорил старшина, не полужены рядовому составу. А тут такой случай, сами в руки

плывут. Вот я и не устоял. Так и ходил я в этих сапогах до самого конца войны.

Особо запомнился мне день 14 января 1944 года.

В составе нашей 225-й стрелковой дивизии были один лыжный батальон и два аэросанных. Мы сосредоточились на исходных позициях на восточном берегу озера Ильмень, в устье реки Мста. На обоих берегах озера было тихо. До рассвета оставалось совсем немного. Немцы были уверены, что русские разведчики в это время не сунутся, поэтому уже не освещали озеро ракетами и не обстреливали его.

Мы разговаривали шёпотом, ходили неслышно, не курили. По тихо переданной команде построились. Потом походными колоннами двинулись к западному берегу. Мы боялись, что немцы с минуты на минуту нас заметят и откроют огонь.

И вот уже стали видны крыши домов, сараев, бань деревни Береговые Морины. Мы её в этот день должны были освободить первой. Мы ждали, что за спиной вот-вот загрохочут наши пушки и на подступах к деревне начнут рваться снаряды. Но было тихо.

Не разбуженные артогнём, немцы проспали, и деревня была освобождена всего лишь после нескольких автоматных очередей и разрывов гранат. Немцы выскакивали в одном нательном белье, наши в них стреляли и стреляли, а они даже не успевали опомниться. Жуткое это было зрелище.

И вот дошли мы до Пскова, а Псков — не взять. Мы там, между Псковом и Островом, полгода стояли. Не пробить было брешь — у немцев такая мощная оборона: доты, дзоты.

Старики меня учили: «Не бойся снаряда, который свистит, — он близко не упадёт. Вот который «шу-шу-шу» — сейчас упаду», — вот его бойся. Услышишь и сразу же ки-

дайся на землю. Потому что, когда рванёт, осколки вверх полетят, тебя заденут.

Так у меня однажды и случилось. Было это на Белорусском фронте. Бежал я наладить связь. *Рядом рвануло. Я упал лицом в воронку, рассёк губу, разбил нос, а сверху ещё и землёй накрыло, прибило комьями глины.*

Командир взвода любил меня как сына, звал Павлушей. Когда я упал, он послал двух солдат — посмотреть, что со мной. Сказал: если убили — несите сюда, похороним с почестями. А солдаты мне потом рассказывали: «Лежишь ты, на тебе — земля. Мы тебя перевернули — везде кровь. Прислушались: вроде дышишь. Значит, живой. Мы тебя — сразу в медсанчасть».

Побыл я там три дня и сбежал. Меня не отпускали, говорили, что после такой контузии надо, самое малое, дней десять полежать. Когда я появился в своей части, командир взвода очень удивился, что я так рано вернулся. А я и говорю: «Так вы уйдёте, а мне потом с пехотой идти? Мне с вами хорошо». Вот я и держался с ними, так и прошёл всю войну с артиллеристами.

Помню ещё такой случай. Посадил меня командир взвода за коммутатор вместо связистки Верочки, которая пошла отдохнуть. А ночью из штаба звонит майор Путов: «Командира взвода ко мне». Я быстренько пошёл в соседнюю землянку, никого не нашёл и докладываю: «Его нет». Через короткое время он опять звонит, потом ещё раз. Я не выдержал и ляпнул: «А, может, я лучше вашу Верочку позову?». В дивизионе все знали, что Верочка была фронтовой подружкой майора. Как он рассердился, заматерился: «Сейчас же в штрафной батальон! Ты там никак спишь?!». А спать-то я не мог: у нас трубка на ухе всегда на резинке висела. Мы ни на минуту не расставались с аппаратом.

И вот утром приехал майор, всех офицеров собрал в штабе. Даже представитель особого отдела был. Мне бы несдобровать. Да командир взвода за меня заступился: «Если

его в штрафную, то и меня — тоже. Ему на дежурстве спать некогда. Обрыв связи будет — так он первый побежит налаживать». В тот раз как-то обошлось. Но всё равно майор мне отомстил. Все связисты были представлены к ордену Красной Звезды. А я — нет».

Парфёнова не зря любил командир взвода: Павел был храбрым солдатом. Три медали «За отвагу» говорят о многом. И, конечно, в первую очередь, о мужестве солдата Павла Парфёнова, который часто держал связь, рискуя жизнью.

Ильменьский лёд, гул аэросаней, деревушка Береговые Морины, лица знакомых новгородских парней чуть постарше его и таких же мальчишек, как он, первая медаль «За отвагу», полученная под Псковом. Всё это и многое другое надёжно хранит солдатская память.

«Сам удивляюсь, — говорит Павел Александрович. — Как будто вчера всё было, как сейчас вижу: то сижу на коммутаторе, то иду с напарником по линии искать обрыв, то при разведке боем обслуживаю связь, передаю распоряжения майора. Как и он, матом, когда неточно ложатся снаряды».

Связист 1009-го арtpолка 225-й стрелковой дивизии Павел Александрович Парфёнов был на фронте точен и аккуратен в делах. Этому учили обстановка, профессия, солдатский долг.

До войны он закончил только 5 классов. После победы очень хотел учиться. Но летом 1941 года от болезни умер отец. Отец воевал ещё в первую мировую войну, награждён двумя Георгиевскими крестами. Потом воевал в гражданскую войну на стороне красных.

Семья имела неплохое хозяйство: землю, лошадь, корову. Отец в колхоз идти не хотел и держался до последнего, аж пока не пригрозили высылкой в Сибирь.

Мать тяжело болела, и Павлу пришлось устроиться на работу. Сначала — на завод «Пролетарий», потом — на «Сплав», какое-

то время был бакенщиком на Волхове. В последние 12 лет перед пенсией работал на «Водоканале».

Сейчас ведёт тихую, спокойную жизнь. В морозы подкармливает птиц, ибо считает, что человек должен помогать выжить тем, кто рядом.

Конечно, фронтовые дороги, послевоенное лихолетье, возраст дают о себе знать. Но душа ещё молода. Парфёнов часто ездит в Боры около Бронницы. Там у него маленькая дачка, рядом речка, на берегу которой он готов сидеть с удочкой сутками напролёт. На природе легко думается, многое вспоминается. Павел Александрович и меня пригласил с ним порыбачить.

Вспоминаются и фронтовые будни, и участие в освобождении Новгорода в январе 1944 года. Их, освободителей нашего города, осталось совсем немного. И среди них доброволец, рядовой Парфёнов, который храбро воевал и честно живёт сегодня. Похожим на него я представляю Василия Тёркина: весёлого, простодушного, смекалистого, отчаянно храброго парня из бедной русской деревни.

Людмила Васильевна Петрова

За время войны
наша семья,
кроме отца,
потеряла бабушку
и двоих детей.

Людмила Васильевна Петрова

В наш дом пришла война

Я родилась в 1929 году в деревне Чечулино Новгородского района. В нашей большой семье Гребневых было 11 человек.

Отец, Гребнев Василий Иванович, с 1929 до 1941 года был председателем колхоза «Волхов». До войны это был знаменитый колхоз, который неоднократно принимал участие в выставках достижений сельского хозяйства в Москве, и папа туда ездил.

В 1941 году, когда наступали немцы, наша семья могла бы эвакуироваться, но сельсовет решил не поддаваться панике, и мы остались.

Когда наша деревня была оккупирована фашистами, предатель из соседней деревни выдал отца, коммуниста и председателя колхоза. Немцы схватили его, увезли куда-то и расстреляли. А всю нашу семью выселили, и нам с января до апреля 1942 года пришлось жить по соседству, в Подберезье, на льду под опорами моста.

В том же году немцы погрузили нас вместе с другими сельчанами в товарный вагон и вывезли в Опочинский район Калинин-

Людмила Васильевна Петрова слева

ской области. Поселили нас в деревне Белый Луг у самого леса, где действовали партизаны. Немцы там не появлялись, и партизаны открыто квартировали в домах местных жителей. В нашем доме проживали 12 человек.

Когда приближались каратели, обычно по улице на коне скакал партизан и кричал, что идут немцы. Мы сразу бежали в лес. Иногда приходилось в сильные морозы прятаться по несколько дней. Сельчане, чем могли, помогали отряду. Снабжали продуктами, мололи зерно, хотя самим зачастую нечего было есть. Из соломы устраивали костры, чтобы принять парашютистов с Большой земли.

Мы с тётей и двоюродной сестрой по заданию отряда часто ходили в разведку за 20 километров от дома. После налётов советской авиации надо было выяснить, на какие объекты попали бомбы.

За время войны наша семья, кроме отца, потеряла бабушку и двоих детей. **Самый младший братик и бабушка умерли в 1942 году от голода, а сестрёнку разорвало снарядом.**

В 1944 году Новгородский район был освобождён Советской Армией. Нас привезли в Антоново и поселили в подсобное хозяйство водников. Жили мы в ремонтных мастерских, в одной

Людмила Васильевна Петрова в первом ряду вторая справа

комнате располагалось 5 семей. Одежды не было. Нас постоянно мучил голод. Мне тогда было 16 лет, и я вместе с другими членами семьи работала в поле, лопатами вскапывала землю под огороды.

В 1949 году, в связи с переводом водников под Ленинград, всех работающих на полях зачислили на стройку. Надо было восстанавливать Новгород. Сначала я была подсобной рабочей, затем освоила профессии каменщика и плиточника. Мы клали печки, дымоходы и многое другое. Работа была тяжёлая, изнурительная.

Надо было восстанавливать город: строить жилые дома, школы, больницы. Строительных материалов не хватало, приходилось разбирать развалины, фундаменты, заготавливая кирпич. Всё делали вручную. Бригада состояла в основном из женщин. Начальником СМУ-1 был Тейс Николай Георгиевич. О нём у меня самые лучшие воспоминания. Это был душевный, спокойный и чуткий руководитель, бывший фронтовик, дошедший до Берлина.

В этот период я работала на строительстве Дома пионеров им. Лёни Голикова, больничного комплекса на берегу Волхова, школы № 10. В ремонте школы № 4 и строительстве других объектов тоже принимала участие.

Алла Филипповна
Булгакова

Верил в командира и нашу победу

Ветерана Великой Отечественной войны Павла Михайловича Куцеволова хорошо знают в Политехническом институте. Он неоднократно встречался со студентами, и беседы с этим ярким, интеллигентным, обаятельным человеком всегда вызывают огромный интерес у аудитории любого возраста.

Радует тот очевидный факт, что у молодых людей появилось желание изучать историю своей страны, её военную историю, которой можно и нужно гордиться.

Студентам интересно и важно увидеть человека замечательного, прошедшего войну с первого до последнего дня и встретившего Победу в деревушке Айзендорф на юге Германии, пообщаться вживую с участником тех страшных событий.

Его воспоминания для юных современников — возможность прикоснуться к самой впечатляющей странице российской истории, понять, как тяжело далась народу наша нынешняя свобода.

Павел Михайлович, человек с живым, наблюдательным умом, с хорошей памятью и прекрасной речью, не только рассказывает о войне, но и записывает свои воспоминания, делает короткие фронтовые зарисовки.

Куцеволов начал войну в 1941 году 19-летним выпускником Таганрогского медицинского техникума. Был призван на Юго-Западный фронт санинструктором отдельной роты автоматчиков. Через короткое время стал фельдшером.

После ранения и 4-месячного лечения в госпитале был направлен на Ленинградский фронт. Вынес с поля боя не одну сотню бой-

цов, оказал им первую медицинскую помощь в тяжёлых фронтовых условиях. Награждён тремя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, многими медалями.

А в мирное время, в 1952 году, поступил в Военно-медицинскую академию, после окончания которой был направлен в войска. Работал военврачом на Карельском перешейке, в Новгороде был заместителем начальника военного госпиталя по лечебной части. В разных должностях прослужил до 1971 года.

Павел Михайлович, талантливый рассказчик, человек с огромным жизненным опытом, в свои 90 лет сохранил живой интерес к людям, любознательность, чувство юмора. Он делится со студентами своими размышлениями об истории, о суровом военном времени, о тех драматических ситуациях, в которые порой попадали бойцы, о непростых задачах, которые приходилось решать на фронте.

«В 1942 году, — вспоминает ветеран, — немцы собрали на юго-западе, в районе Харькова, большие силы. Наше командование не совсем точно определило направление главного удара. Сталин считал, что немцы опять попытаются взять Москву. А они нанесли удар по югу. Наших войск там было меньше, и мы были вынуждены отойти: часть — к Сталинграду, а часть — на Северо-Кавказ. На Кавказе врага остановили, до гор он не дошёл. Если бы мы отдали Владикавказ, то была бы открыта дорога в Грузию. Моя судьба на Кавказе была связана со 2-й гвардейской дивизией. Сейчас эта дивизия находится под Москвой.

Павел Михайлович Куцеволов

Особенно тяжёлыми были бои при освобождении Таманского полуострова. За Кавказ и Крым немцы сражались упорно. Рядом со мной воевали прекрасные люди. Был в нашей дивизии эстонец — Иосиф Лаар. *Тяжело раненный в живот, он прижал рукой кишки, дошёл до огневой точки и лёг на вражеский пулемёт.* Ему было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

На фронте у меня были друзья всех национальностей: эстонцы, латыши, казахи, грузины, армяне. Война была всенародная, на защиту страны встали все, кто мог держать оружие».

Задача фельдшера была — своевременно выносить раненых с поля боя и оказывать им медицинскую помощь в полевых условиях.

«Помню, — продолжает ветеран, — шли тяжёлые бои на Кубани. Несколько дней подряд моросил дождь, воды было чуть не до колен. В таких условиях помогать раненым было очень трудно. Мы делали всё, что могли. Сооружали настилы, выносили раненых на руках. За этот бой меня наградили орденом Красной Звезды. Это для меня стало полной неожиданностью. Я всего лишь делал то, что должен.

В 1943 году наша авиация уже господствовала над немцами. Мы наблюдали многие воздушные бои, видели, как падают самолёты. Было очень обидно, когда погибали наши лётчики. Это по-настоящему героические люди. Раненым на земле можно было помочь. А как поможешь в воздушном бою? Где упадёт лётчик? На своей территории или на вражеской?

В последнее время появилось много статей, где описывают историю войны, делая упор больше на наши ошибки. Ругают наше командование, обвиняют фронтовиков в том, что они слишком много говорят о победе, забывая о пролётах. Но нам самим нужна правда! Если пишут честно, правильно описывают то, что было, на что же тут обижаться?

Конечно, мы несли очень большие потери, особенно в начале войны, когда мы были слабее немцев. На них работали все заводы Европы. У нас не было такого количества танков, самолётов, другой техники. Это восполнил героизм советских людей. Мы и отступали, и погибали, но мы победили! На Победу работала вся страна. У станков стояли женщины, подростки. Нас на фронте неплохо кормили, а в то же время миллионы ленинградцев умирали от голода».

Войну Павел Михайлович закончил в Германии, но в Берлине не был. 1-й Украинский фронт стоял чуть южнее. После капитуляции Германии все стремились в Берлин, но машины выделялись только офицерам. Город превратился в груды развалин, проехать по улицам было трудно.

Очень больно, когда погибают однополчане, друзья, но самое страшное, когда погибают родные и близкие люди. Куцеволов потерял на фронте двух старших братьев, четырёх двоюродных братьев, пережила оккупацию младшая сестра. Сам Павел Михайлович был дважды ранен, но ему посчастливилось выжить.

«Одним из самых запомнившихся, — рассказывает фронтовик, — был бой в Донбассе. Получилось так. Наш батальон продвинулся вперёд, а соседние — отстали. И мы оказались вроде как в подкове. Немцы простреливают нас со всех сторон, даже сзади. Наша рота начала отступать — кто из-за ранения, кто по слабости, кто по разумному расчёту.

А у меня скопились раненые, и я нигде не могу их отправить, не могу бросить. Я должен быть с ними до конца, что бы там ни было. Но тут командир батальона, мой первый боевой командир, которого я никогда не забуду, поднял всех: санитаров, связистов, легкораненых и организовал оборону. У меня руки по локоть в крови — негде вымыть. И мы задержали немцев до темноты. А когда стемнело, все «ходячие» пошли в тыл, остальных вывезли на санях. У меня на душе стало так легко, будто родился заново. А вообще таких памятных дней было много, можно перечислять бесконечно.

Для страны война шла непрерывно четыре года, а для батальона, для полка случались передышки, когда нас отводили от передовой на 10—12 км. Уже можно снять сапоги, помыться, поменять бельё, выспаться. А бывало, для формирования отводили нас ещё дальше. Десять километров — ерунда, это и снаряд артиллерийский достанет. Если же на километров 50—60, то считаешь себя почти что на воле. Там уже настоящий отдых. Случались и дружба, и даже любовь. Многие женились на фронте и после войны домой возвращались с молодыми жёнами».

Сам Павел Михайлович женился уже после войны. Любовь Петровна, тоже медицинский работник, училась с ним в одном техникуме, была на курс младше. В 18 лет девушка оказалась в оккупации и пережила много горя. Обоих родителей-коммунистов расстреляли в гестапо. Младшего братишку, когда ему исполнилось 16 лет, угнали в Германию. Оттуда брат не вернулся. Знакомые люди рассказали, что погиб при бомбёжке. Столько лет прошло, а она часто вспоминает войну и всегда плачет.

Куцеволы вместе 64 года. В жизни бывало всякое. Но самое главное в семье — считает ветеран — это верность. А ещё — правильный выбор невесты.

Я имела счастье подружиться с этой замечательной семьёй. Бывала у них дома. Меня всегда трогало то, с какой душевной теплотой, как бережно и нежно относится Павел Михайлович к своей жене, особенно когда она болеет и нуждается в поддержке. Даже попадая в больницу со своими недугами, Павел Михайлович в первую очередь беспокоится: как там Люба? Конечно, он-то сумел правильно выбрать невесту! Другую такую милую, хрупкую, очаровательную женщину, как Любовь Петровна, найти трудно. Возраст в этой оценке ничего не меняет. Красивый, одухотворённый человек, как и все люди, с годами меняется. Но красота никуда не девается, она просто приобретает другую форму.

Куцеволы на редкость гостеприимные и радушные хозяева. Готовы поделиться всем, что у них есть. С удовольствием показывают любимые книги, фотографии, многочисленные

сувениры, привезённые из дальних походов внуком-моряком. Их живой интерес ко всему, что происходит в стране, искреннее сострадание к тем, кому не повезло в этой жизни, вызывают восхищение. С ними приятно общаться, хочется встречаться ещё.

«Мне 90 лет, — говорит Павел Михайлович, — но я счастлив, что могу общаться с молодёжью, со студентами, хотя возраст, здоровье и старые раны всё чаще напоминают о себе. Смысл жизни — это познание. Если человек не стремится к знаниям, то у него нет цели, нет в жизни смысла. Будете больше знать — будет легче работать, сумеете избежать многих ошибок. Для учёбы не жалейте сил. Кем бы ты ни был — инженером, бухгалтером, слесарем, — главное, чтобы ты был настоящим профессионалом, отлично знал своё дело».

У Куцеволова много увлечений. Он любит читать, особенно мемуарную литературу. С удовольствием ходит по музеям. В какие бы места его ни забросила жизнь, он первым делом посещает музеи. Свои впечатления описал в 32-х тетрадях. Студентам советует, пока молоды, побывать везде, где только можно.

А ещё Павел Михайлович любит рыбалку, особенно зимнюю. В последние годы подводит здоровье, и от любимого занятия пришлось отказаться. Раньше вёл обширную переписку, встречался с однополчанами, но их, к сожалению, почти не осталось.

Во время встречи студент спросил: «Во что верил солдат на войне в критические моменты: в Бога, в командира, в себя?». Павел Михайлович ответил: **«Я верил в командира и в нашу Победу. Верил в страну. Патриотизм был колоссальный...».**

Павел Михайлович Куцеволов

Павел Михайлович Куцеволов

На фоне
фронтовых будней
порой происходили
события
единичные,
необычные,
даже уникальные,
которые навсегда
врезались в память.

Короткие фронтовые рассказы

Работа медицинской службы на фронте, в том числе и моя, не ограничивалась оказанием помощи раненым и больным. Война для страны в целом — это непрерывный бой, а для отдельных военных частей, подразделений бывали передышки, когда их отводили для отдыха во второй эшелон.

В эти периоды проводились помывка, дезинфекция обмундирования, делались прививки от инфекций. **К чести Советской Армии, в Великую Отечественную войну на фронтах не было эпидемий.** А отдельные вспышки желудочно-кишечных инфек-

ций, сыпного тифа рассматривались как чрезвычайные происшествия. Вывод части по этой причине из передовой линии ставился в вину командиру и особенно медицинской службе.

Поэтому надо было строго соблюдать санитарно-гигиенические правила приготовления пищи, её доставки до окопов. При поступлении пополнения с новобранцами проводились занятия по оказанию помощи и взаимопомощи, раздача индивидуальных перевязочных пакетов.

Скучно не было ни в бою, ни вне боя. Работы хватало всем. Но на фоне фронтовых будней порой происходили события единичные, необычные, даже уникальные, которые навсегда врезались в память.

***

Судьба. Декабрь 1941 года. Заняли село. В кузнице перевязываю раненого, посадив его на какое-то колесо. Лейтенант заглядывает снаружи в дверной проём и говорит: «Пригнись, буду взрывать мину».

Пригнулся, посмотрел в проём и подумал: влетит осколок. На всякий случай перешли с раненым за простенок. Рядом прогремел взрыв. Вся кузница вздрогнула, на нас посыпались куски кирпича. А когда пыль рассеялась, на месте колеса, где недавно сидели, увидели воронку. Сдетонировало, или было соединение проволокой? Не знаю. Но Провидению было угодно сохранить нам жизнь.

***

Повезло. 18 января 1942 года. Наступали на станцию Нырково в Донбассе. Наши роты шли с разных мест, на расстоянии метров 700 друг от друга. При одной роте — санинструктор, при другой — я, фельдшер.

Особого успеха в операции не имели. Когда стемнело и всё стихло, решил посмотреть, какое положение в соседней роте. Пошёл чуть-чуть в обход, но в темноте отклонился вправо. Вдруг метрах

в 30 услышал громкую немецкую речь, разговаривали несколько человек. От неожиданности на какое-то время буквально остолбенел. Потом назад-назад и что было силы рванул в сторону.

К счастью, немцы меня не заметили. Возможно, как раз принесли ужин, и они отвлеклись. А если бы заметили, то, скорее всего, захватили бы в плен. Плена я боялся больше смерти. Наутро немцы объявили бы по громкоговорителю, что я добровольно перешёл на их сторону и что война для меня благополучно закончилась. А дальше шли бы призывы: «Делайте то же самое и будете так же счастливы, что остались живы». Это позор для батальона, родных и близких! А лично меня ждала бы ужасная участь. Мне просто повезло, что я не попал в плен.

***

Солдатское счастье. Участок фронта в районе Лисичанки (тоже Донбасс) зимой 1941—1942 годов был относительно спокоен. Ни мы, ни немцы не наступали. Во всяком случае, на участке нашего полка было затишье. По громкоговорителю немцы ругали Сталина и предлагали переходить к ним. Мы в ответ выставляли куски фанеры с карикатурами на Гитлера и Геббельса.

Были отдельные пулемётно-автоматные перестрелки. И вот, как говорят, «шальная» пуля ранила миномётчика в голову. Одно отверстие — в левой височно-теменной области, другое — в правой. Сквозное ранение головы. Крови мало, но сознания нет. Дыхание, пульс, артериальное давление в норме. Голову перевязали и с большой осторожностью, подложив матрац, в сопровождении санинструктора бойца повезли в полковой медпункт.

Примерно через месяц с лишним миномётчик вернулся в батальон после излечения как здоровый и годный к дальнейшему прохождению службы. Нашему удивлению не было предела. Но вскоре его всё же отправили в тыл. Грохот взрывов вызывал головную боль. Видимо, пуля прошла по внутреннему своду черепа, несильно повредив мозг. Думаю, боец остался жив, и уже потом, после войны, я очень сожалел, что не записал его фамилию и адрес. Ведь случай исключительный.

***

Предчувствие. При передислокации части остановились на привал на берегу небольшой речушки. Место выбрали в тени под деревьями, недалеко от мостика. Высоко в воздухе видели одиночные немецкие самолёты в свободном полёте. На всякий случай решили перебраться подальше от мостика, метров на 300. Вдруг лёгкий самолёт спикировал на мостик и бросил бомбу. Но в мостик не попал. **Когда всё стихло, санитар Асмолов попросил разрешения сходить на старое место, взять забытый портсигар. Вернулся и сообщил, что на месте нашей повозки — воронка.**

***

Впервые. В конце октября 1941 года нашу 218-ю дивизию отвели для пополнения, а, может, и для отдыха в лагерь вблизи городка Белая Калитва Ростовской области. Днём появился в воздухе немецкий самолёт-разведчик. Зенитчики открыли огонь. Ура! Загорелся и упал недалеко от нашей казармы. Казарма та — большая землянка. Побежали посмотреть. Впервые увидел сбитый немецкий самолёт и трёх мёртвых лётчиков. Удивили красивые меховые куртки, унты.

***

Выдержка. Мы находились в обороне. Вместе с санитаром пошли в полковой медпункт за перевязочным материалом. Это всего 800-1000 метров. Вдруг над нашими головами появились два немецких истребителя и дали по нам пулемётную очередь. Мы упали на снег. Истребители развернулись, опять прострочили с очень низкой высоты. И опять промахнулись. Мы не поднимались, затаились. Они больше не вернулись. Видно, подумали, что мы убиты. А если бы попали? Калибр авиационных пулемётов очень крупный.

***

На нейтральной полосе. Зима 1942 года. В селе Звонарёвка мы с немцами находились три дня. Утром мы атакуем, немного

продвигаемся вперёд, отбиваем дома. К вечеру контратакуют немцы и на какое-то расстояние отбрасывают нас. Часть домов между нами и гитлеровцами остаются ничейными. В одном из таких домов остались раненные с санинструктором. Я решил пробиться к дому с санитаром.

Там, кроме домов, сараи и садовые насаждения. Полезли за сараями через сад. Но немцы были очень близко. Заметили нас и открыли автоматный огонь. Мы перебежками заскочили в хлев. Фашисты зажигательными пулями хлев подожгли. В хлеву была корова. Мы вытолкнули её за дверь, а сами бросились в сад.

Залегли за какими-то неровностями. Через открытый двор в дом попасть не удалось. Да потом оказалось, что и не нужно было. Помощь раненым была оказана санинструктором. Когда стемнело, раненных вывели, а меня санинструктор, харьковчанин Коровко, как следует отругал. Если бы мы заскочили в дом, немцы бы его подожгли или попытались захватить. А так они считали, что дом между ними и нами пустой.

***

Светлячки. Июнь 1942 года. Одна рота отправляется на задание. С ней отправляют дополнительно двух санитаров. Рота ещё не успела выйти из села, как **в медпункт вбегают мои совершенно голые санитары. Всё тело покрыто пятнами-светлячками.**

Первая мысль — фашисты применили отравляющие вещества кожно-нарывного действия. Этого следовало опасаться почти до конца войны, и все мы в сумке через плечо носили противогазы и противохимические пакеты. Страшно представить, как пришлось бы вести бой и оказывать помощь, если бы было применено химическое оружие.

Ходили слухи, будто до войны в наших газетах писали, что в случае военных конфликтов синильная кислота по разным причинам нами применяться не будет. И поэтому немецкие противогазы не были рассчитаны на защиту от этого яда. Но когда в 1942 году фашисты захватили наши склады с синильной кислотой, то Гитлер приказал срочно создать противогазы

с необходимыми свойствами. Но это не так-то просто! Хотели создать, но не смогли.

Не знаю: может, просто была запущена байка, прославляющая наш государственный разум. Но в данном случае всё объяснялось очень просто. Боец нечаянно разбил бутылку с зажигательной смесью, предназначенной для борьбы с немецкими танками. Одежда на бойце загорелась. Санитары бросились его спасать — разрывать и разрезать одежду. Но всё же боец получил ожоги, хотя и не очень сильные. А санитары получили распространённые лёгкие ожоги. Из строя не вышли.

Всем троим оказал первую помощь — протёр раствором соды. Бойца сразу же отправили в полковой медпункт. После этого со всеми фельдшерами и санинструкторами полка провели занятие, разъяснили, чем опасна эта зажигательная жидкость и как оказывать помощь в случае беды. В составе жидкости главным был фосфор. Отсюда — яркое свечение.

Василий Порфирьевич Кудряшов

**Василий Порфирьевич
Кудряшов**

Мне было 18 лет.
Я страстно верил
в нашу победу.

Моя жизнь

В моей жизни отразились все самые сложные этапы развития страны, области, нашего города. Были яркая комсомольская юность, большая изнурительная война, а с ней ранения и лечение в госпиталях, тяжёлая работа на ответственных постах по восстановлению народного хозяйства Новгорода, Боровичей. Всегда — и в военное, и в мирное время — я свою жизнь подчинял интересам дела.

Всю свою сознательную жизнь я просто работал, никогда не стремился вверх на высокие посты, не считал успех, если он был, неким подвигом. Я никогда не выпячивал своей роли, не создавал ложное впечатление о своей значительности.

Я родился 7 декабря 1922 года в деревне Красниково Буйского района Костромской области в крестьянской семье. Кроме меня,

в семье было ещё двое детей: сестра Зоя и брат Михаил. Отец всю жизнь работал в колхозе, тушил лесные пожары. **Мать успевала и в колхозе потрудиться, и по дому всё справиться. На её женских плечах держался весь дом.**

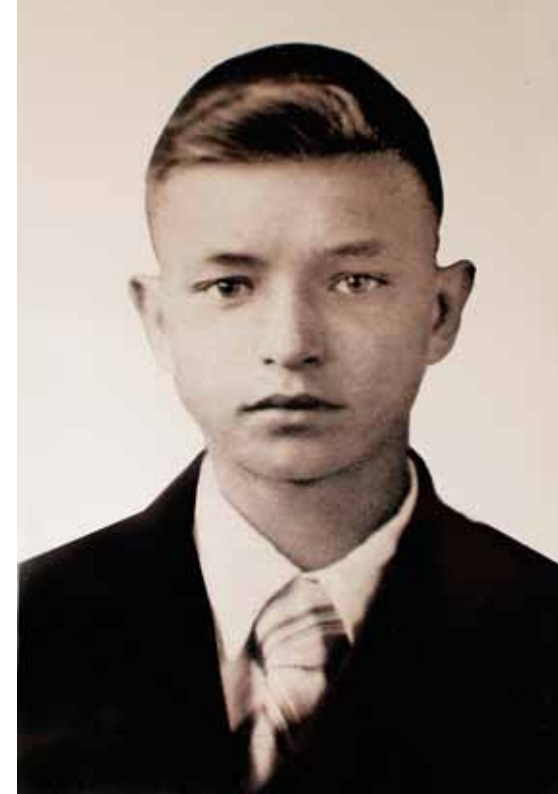
Помню, как в 30-е годы, во время голода, по дорогам бродили беженцы из пострадавших районов. У нас был неплохой урожай, и мы это время пережили сравнительно легко. Но на земле надо было много и усердно работать.

Несмотря на все трудности, родители стремились дать детям образование, хотя институт из всей семьи окончил только я.

В 1938 году, после семилетки, я уехал в Ленинград, где жила сестра отца Анна Васильевна. Там продолжил учёбу в школе фабрично-заводского обучения (ФЗО) «Юный пролетарий» Октябрьской железной дороги. Одновременно учился в вечерней школе № 52, что на ул. Шкапина, недалеко от Балтийского вокзала.

Через год после окончания ФЗО, устроился на работу в паровозное депо по специальности — слесарем по ремонту автотормозов. На своём первом рабочем месте хорошо себя зарекомендовал: был исполнительным, интересовался всеми новинками, учился у опытных рабочих.

В 1941 году я окончил ленинградскую школу № 52. Выпускной вечер состоялся 21 июня. Мы, выпускники, собрались на набережной Невы у памятника Петру Первому. Пели, танцевали,

*Таким 1 июля 1941 года ушёл на фронт
Василий Порфирьевич Кудряшов*

веселились, мечтали о светлом будущем, а утром узнали — началась война.

***

Через 10 дней я был призван в ряды Красной Армии и направлен на учёбу в 3-е Саратовское танковое училище.

Мне было 18 лет. Я страстно верил в нашу победу. Чувство долга и ясность цели были для меня святыми понятиями.

Занятия в училище проходили с учётом обстановки на фронтах. Учебная программа была построена таким образом, чтобы будущий командир Красной Армии не только знал историю государства и его армии, но и был грамотным, широко образованным человеком. Курсанты должны были в совершенстве знать уставные требования, соблюдать военную дисциплину, подходить к выполнению боевого задания профессионально, со знанием дела, принимать решения с учётом реальной обстановки.

Мы изучали, кроме военных дисциплин, многие общеобразовательные предметы: физику, химию, математику, технологию металлов. Получили хорошие знания по тактике ведения боя, огневой подготовке и бронетанковой технике, о её характерных особенностях.

Учёба в танковом училище закалила меня физически, помогла выработать твёрдый, устойчивый характер, что немаловажно для будущего командира. Она укрепила моё желание смело идти на врага для защиты Родины.

Всё это помогало мне в дальнейшем преодолевать трудности, которых было немало, добиваться поставленной цели.

На занятиях по тактике танкового дела нам постоянно напоминали слова А. В. Суворова: «Много пота в учении — меньше крови в бою», «При принятии решения не допускай поспешности», «Поспешись — делу навредишь», «Будь в меру строг к подчинённым, не допускай грубостей», «Сначала узнай причину нарушения приказа, а затем делай выводы» и др.

Полученные в училище знания и навыки помогали мне в военной обстановке успешно справляться с выполнением приказов.

***

Сталинградская битва — одно из величайших сражений Великой Отечественной войны, длившееся 200 дней и ночей, с 17 июля 1942 года по 2 февраля 1943 года.

Бои на дальних подступах к Сталинграду начались 17 июля. С немецкой стороны действовала 6-я армия.

31 июля ударная группировка была усилена 4-й танковой армией. Им противостояла 62-я армия советских войск. Несмотря на наше героическое сопротивление, противнику удалось форсировать Дон и к исходу 23 августа выйти к Волге севернее Сталинграда.

Самым тяжёлым для сталинградцев было 23 августа 1942 года. В 15.00 объявили воздушную тревогу: над центром города появились тяжёлые немецкие штурмовики. В массированных бомбардировках городских кварталов участвовало до двух тысяч самолётов. Взрывы страшной силы сотрясали воздух. Почти все крупные здания были разрушены, улицы города объаты пламенем, плавился асфальт, бушевал огонь на самой реке, покрытой нефтью.

С 13 сентября в городе начались упорные бои. Немецкое командование предпринимало неоднократные попытки овладеть городом. Мучительная борьба шла за каждую улицу, каждый дом, подвал или лестничный проход.

В сентябре 1942 года положение наших войск было крайне тяжёлым. Немцы захватили почти всю центральную часть города. На ряде участков прорвались к Волге.

Василий Порфирьевич Кудряшов

Ставка Верховного Главнокомандующего была вынуждена пополнить наши войска свежими силами. Поэтому решили сократить сроки обучения в танковых, общевойсковых, артиллерийских училищах.

К осени 1942 года советские войска, действовавшие севернее Сталинграда, были усилены артиллерией, танками, авиацией. В Ставке ВГК начал разрабатываться план контрнаступления под названием «Уран». Его идея сводилась к тому, чтобы прорвать оборону противника на флангах немецкой группировки и затем сходящимися ударами со стороны Юго-Западного, Донского и правого крыла Сталинградского фронтов окружить её и ликвидировать. Контрнаступление было намечено на 19 ноября 1942 года.

***

1 ноября после ускоренного курса обучения в 3-м Саратовском танковом училище я получил звание лейтенанта танковых войск и в должности командира взвода был направлен в танковый полк, который находился в излучине Дона, вблизи города Калач.

В октябре-ноябре 1942 года в районе Сталинграда шли упорные бои. Немцы рвались на юг и юго-восток, стремились свежими частями укрепить 6-ю армию.

Моему взводу было поручено поддерживать войска 159-й стрелковой дивизии на её левом фланге. Задачей дивизии являлось не допустить немецкие войска в Сталинград, к окружённой 6-й армии Ф. Паулюса, а также к городу Калач.

Перед боем командир полка полковник Васильев мне сказал: «Ты получил в училище хорошие теоретические знания, теперь должен подтвердить их в бою».

Бой за город Калач шёл 19 ноября с 8 утра до позднего вечера. Немцы упорно сопротивлялись. Бойцы 159-й дивизии и танкисты полка, в составе которого принимал бой и мой взвод, остановили продвижение врага на Калач.

В ночь на 23 ноября 1942 года Калач был полностью очищен от фашистов и стал первым освобождённым городом в ходе Сталинградской битвы. В этом бою моим взводом были подбиты три немецких танка, в том числе один — моим экипажем, четыре бронетранспортёра, были убиты десятки немецких солдат и офицеров.

За этот бой взвод получил благодарность от командира полка, а я был награждён медалью «За боевые заслуги». Эта медаль, полученная мной в первом бою, для меня самая дорогая.

Фронт был прорван на участках, обороняемых венгерскими и румынскими частями. Советские танковые группы стремительным броском вышли к Дону, захватили переправы и в районе Калача замкнули кольцо окружения. В «мешке» оказалась 300-тысячная группировка противника, которая после капитуляции 2 февраля 1943 года прекратила своё существование.

В ходе Сталинградской битвы было нанесено поражение 48 немецким дивизиям и 3 бригадам, что составляло 20 процентов всех немецких сил, действовавших на советско-германском фронте. Гитлер объявил в Германии 3-дневный траур. Победа под Сталинградом положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны.

В моих ушах и сейчас звучат заключительные слова последней сводки Совинформбюро о победе под Сталинградом: «В этот счастливый и в то же время тяжёлый час вооружённые силы чтят память своих погибших товарищей, мёртвые обязывают нас к дисциплине, повиновению и безусловной верности нашему Отечеству».

Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2010 года городу Калач-на-Дону присвоено звание «Город воинской славы».

С ноября 1942-го по июль 1944 года 5-й гвардейской танковой армией проведено много боёв: после Сталинграда была Курская дуга, танковая битва под Прохоровкой. Мы освобождали в танковых боях города и сёла Украины, Молдавии, Белоруссии,

*Василий Порфирьевич Кудряшов,
заместитель председателя
Новгородского облисполкома
(1966—1982 гг.)*

Литвы. Всю войну я прошёл в одной и той же 5-й гвардейской танковой армии, в той же бригаде и той же роте. Был трижды ранен в горящих танках, но после излечения опять возвращался в свою часть.

***

После великой битвы на Волге немцы решили взять реванш за поражение под Сталинградом и приступили к подготовке нового наступления. Для этого был избран центральный участок на Курском выступе. План операции немцы назвали «Цитадель».

Курская битва занимает в истории Великой Отечественной войны особое место. Она продолжалась 50 дней и ночей, с 5 июля по 23 августа 1943 года. По своему ожесточению и упорству сторон эта битва не имеет себе равных.

Общий замысел немецкого командования сводился к тому, чтобы окружить и уничтожить оборонявшиеся в районе Курска советские войска. В случае успеха предполагалось расширить фронт наступления и вернуть утраченную стратегическую инициативу. **Для реализации своих планов противник сосредоточил мощные ударные группировки, которые насчитывали 900 тысяч человек, около 10 тысяч орудий и миномётов, до 2700 танков и штурмовых орудий, около 2050 самолётов.**

Особые надежды возлагали немцы на новейшую технику: танки типа «Тигр» и «Пантера», самолёты-истребители «Фокке-Вульф» и штурмовики «Хейнкель».

Советское командование решило сначала обескровить ударные группировки врага в оборонительных сражениях, а затем перей-

ти в контрнаступление. Начавшаяся битва сразу же приняла грандиозный размах и носила крайне напряжённый характер.

Наши войска не дрогнули. Они встретили лавины танков и пехоты врага с невиданными стойкостью и мужеством. Наступление ударных группировок противника было приостановлено. Лишь ценою огромных потерь ему удалось на отдельных участках вклиниться в нашу оборону: на Центральном фронте — на 10—12 км, на Воронежском — до 35 км.

Окончательно похоронило гитлеровскую операцию «Цитадель» крупнейшее за всю вторую мировую войну встречное танковое сражение под Прохоровкой, которое состоялось 12 июля 1943 года и длилось в течение 12 часов: с 8 утра до 8 вечера.

Для участия в сражении с обеих сторон были стянуты крупные танковые и механизированные соединения.

В районе Прохоровки, где противник сосредоточил свои главные силы, героически сражались 5-я гвардейская танковая и 5-я гвардейская общевойсковая армии. Здесь на небольшом пространстве встретились около 1200 танков и самоходных орудий. До позднего вечера на поле боя стоял нескончаемый гул моторов, лязг гусениц. Горели сотни машин, тучи пыли и дыма заволокли небо. День превратился в ночь.

Под Прохоровкой приняла свой первый бой 5-я гвардейская танковая армия, в том числе и наша 53-я танковая бригада. Мне после гибели нашего командира было поручено возглавить командование ротой.

Перед самым сражением танковая армия своим ходом в страшную жару по запылённым просёлочным дорогам прошла 280 км от посёлка Острогожск в район Старого Оскола. Это было 7 июля 1943 года. А затем наша бригада преодолела путь ещё в 100 км: от Старого Оскола до Прохоровки.

Несмотря на тяжёлые условия движения, высокую запылённость воздуха, перегрев моторов, соединения армии в назначенное время прибыли в указанный район. Войска армии в течение

трёх суток завершили перегруппировку своим ходом на расстоянии 330—380 км, сохранив свою боеготовность, что впоследствии подтвердилось ходом встречного танкового сражения.

В 8 часов утра 12 июля 1943 года был дан сигнал к атаке. 5-я гвардейская танковая армия вступила в бой. Навстречу нам двигалась армада гитлеровских танков.

Немецкие «Тигры» и «Пантеры», тяжёлые и неповоротливые, имели малую скорость. Перед нами была поставлена задача — на максимальных скоростях врезаться в их боевые порядки, применяя новые снаряды, способные пробить броню.

Увидев в прицеле надвигающийся «Тигр», я внимательно рассмотрел «незнакомца». Вот он попал в перекрестие прицела. Я нажал ногой гашетку пушки, но в это время танк качнуло, и первый снаряд, выпущенный по врагу, прошёл мимо цели. Неудача огорчила, но промах был закономерным. Танки стреляют на ходу, но идут они не по асфальту, а по полю, где их и качает, и подбрасывает. То же происходит и с немецкими танками. Поэтому с первого выстрела трудно поразить цель.

Зарядив пушку новым снарядом, опять нажал на гашетку. Но в это время подбросило немецкий танк, и снова промах. Только третий снаряд попал в цель. Снаряд ударил в «Тигра», а ему хоть бы что!

«Бронебойным!», — скомандовал я. Выстрелил, и... промакнулся. После второго выстрела «Тигр» развернулся влево и, сильно накренившись, сполз в ложину. Новый бронебойный снаряд разорвался в моторном отделении, «хищник» загорелся. Так в первой половине дня на счету моего танкового экипажа появился уничтоженный «Тигр».

Первый взвод роты подбил ещё один танк. Бой продолжался, горели десятки наших и немецких танков. Вражеские машины шли и шли в атаку. Но я уже понял, что «Тигры» не такие страшные, как мы думали, — они тоже горят.

Ещё один «Тигр»... Всё ближе, ближе...

Идём на таран. «Тигр» тяжелее и мощнее нашего танка, но я надеялся, что у нас нервы крепче.

Стальные громады сблизились на расстояние 100—150 метров, ещё немного — и...удар. Но противник не выдержал, круто повернул в сторону. Именно на это я и рассчитывал. Нажал на гашетку. Снаряд угодил в борт «Тигра». Он остановился, экипаж выбросился, и мой радист-пулемётчик всех уничтожил.

За время боя ржаное поле совхоза «Комсомолец» было перемолото, перепаханό танками с обеих сторон. От грохота, лязга гусениц, разрывов авиабомб и снарядов давило перепонки, из ушей текла кровь. Танки шли на танки.

У всех была одна мысль, одно стремление: пока жив, бить врага. В тесной кабине танка было потеряно ощущение времени, мы не чувствовали ни жары, ни жажды, ни боли.

И вдруг сильнейший удар потряс мой танк. Немецкий снаряд попал под башню. Меня оглушило и ослепило. Осколок снаряда попал в правый висок. Правая сторона лица сразу онемела. Я начал терять сознание. Члены экипажа вытащили меня из горячей машины через десантный люк на днище танка.

В то же время, вылезая через лобовой люк горящего танка, получил перелом левой ноги мой механик-водитель. Его пытались спасти два оставшиеся в живых члена экипажа, но сделать это не удалось: в танке взорвались снаряды, пороховая и масляная пыль. Погибли все. Вечная память молодым и отважным парням!

Я пришёл в сознание через 6 часов в медсанбате. А уже через неделю, несмотря на протесты врачей, был в своей роте.

До сих пор стоит перед глазами страшная картина. В подбитом танке — пламя, в тесной кабине — раненый боец. Он самостоятельно не может выбраться из танка. Смотрит вверх, зовет о помощи, а помощи нет... И он сгорает заживо. Для меня это до сих пор страшная душевная боль.

Противник, нанося свой главный удар в направлении Прохоровки и вспомогательными силами оперативной группы «Кемпф» против левого крыла Воронежского фронта, никак не ожидал, что на этом направлении встретится с 5-й гвардейской танковой армией. В тот день гитлеровские войска, обескровленные и измотанные, были вынуждены перейти к обороне, а 16 июля начали отступать на исходные позиции.

В том сражении советский солдат оказался крепче брони. Уцелеть в этом побоище — значило родиться в рубашке. В Прохоровской земле спят вечным сном 10 тысяч бойцов и офицеров, тысячи расстрелянных и замученных мирных людей.

Я горжусь тем, что воевал в танковых войсках, которые были ударной силой сухопутных войск. В боях под Прохоровкой наши советские танки сыграли огромную роль. Особенно отличился танк Т-34, который своей броневой защитой, вооружением и высокой маневренностью в каждой схватке с врагом превосходил танки противника.

Вот как оценивал бои под Прохоровкой Г. К. Жуков: «12 июля 1943 года в 8.45 после 15-минутной артподготовки две стальные лавины устремились навстречу друг другу — 1200 танков и САУ. Наши легендарные «тридцатьчетвёрки» врезались в строй «Пантер» и «Тигров», шли на таран. К полудню горели танки, сбитые самолёты. Горела сама чернозёмная земля».

За один день боёв в этом сражении враг потерял до 400 танков. Поле было усеяно горящими танками, телами тысяч солдат и офицеров.

***

В октябре 1943 года шли тяжёлые бои за украинский город Кривой Рог. Немецкие войска зубами держались за этот город и основательно подготовились к обороне. С нашей стороны никакие подготовительные операции не велись. Улицы города узкие, неудобные для манёвра. Немцы располагали большими силами. Засели на чердаках, на крышах, в подвалах домов. В Кривом Роге мы впервые увидели огнёмёты. Плотным огнём немцы отсекали

нашу пехоту от танков и в конце концов выбили её из города. Танковые экипажи нашей роты оказались без прикрытия и стали лёгкой добычей врага. Несмотря на жестокое сопротивление, рота потеряла все 10 танков и 34 человека личного состава из 40.

В этом бою я получил тяжёлое ранение в правое плечо с переломом ключицы. В течение шести дней с невероятными трудностями мы, оставшиеся в живых бойцы, выбирались из окружения. А в части нас считали погибшими и уже послали «похоронки». К счастью, страшная весть не дошла до моих родных: мама и сестра были в эвакуации.

Василий Порфирьевич Кудряшов

Начальник политотдела бригады полковник Васильев, увидев нас грязных, измученных, голодных, сказал, что по поручению командования бригады поздравляет нас с успешным выходом из окружения с оружием в руках. В ответ на поздравление мы вшестером от души крикнули: «Служим трудовому народу». Васильев обвёл глазами наш малочисленный строй, увидел в наших глазах слёзы и дрогнувшим голосом сказал: «Товарищи члены танковых экипажей! 53-я танковая бригада никогда не забудет, с каким упорством вы сражались за Кривой Рог. Мы всегда будем гордиться тем, как вы, невзирая на трудности, вышли из окружения».

И о сотой доле того, что довелось пережить, испытать, не расскажешь. Каждый день — преодоление, крайнее эмоциональное и физическое напряжение. Нам было не до романтических приключений. После многокилометровых танковых маршей желание только одно: чуть-чуть отдохнуть, в бане помыться и ещё вдоволь напиться воды.

***

В канун Рождества Христова 6 января 1944 года к нам прибыл партизан из «Чёрного леса». Это вблизи города Кировограда. Партизан попросил нас на нескольких танках выйти на окраину города и открыть беспорядочный огонь, чтобы посеять панику среди немецких солдат и офицеров. Немцы, по словам партизана, вот уже три года весело справляют этот праздник, хотя у католиков Рождество в другое время.

Проведение этой операции командир бригады поручил моей роте. Неожиданное появление в Кировограде советских танков застало немцев врасплох. Многие солдаты, да и офицеры, в пьяном угаре побежали в укрытия, спасая свои шкуры. А в 8 часов утра наши наступающие воинские части после усиленной артподготовки ворвались в Кировоград. Операция моей роты помогла нашим войскам освободить Кировоград с малыми потерями.

***

26 июня 1944 года моя рота в составе 53-й танковой бригады принимала участие в освобождении Витебска. 27 июня вела тяжёлые танковые бои за освобождение Орши. 28—29 июня велись наступательные бои за Могилёв. 29 июня 53-й бригадой было окружено 80 тысяч немцев, взято в плен 50 тысяч человек. Город был полностью освобождён за один день. 3 июля мы приняли участие в форсировании реки Березины. В результате этой операции был освобождён Минск. 3 июля 1944 года за активное участие в боях за Минск приказом Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина я получил благодарность.

***

8 июля 1944 года — самый памятный для меня день. Бой под Вильнюсом стал последним с моим участием. Незадолго до этого меня назначили помощником начальника штаба бригады по разведке. Под Вильнюсом моему взводу было поручено произвести разведку боем перед наступлением наших войск. Это значило: пройти перед противником, вызвать огонь на себя,

засечь вражеские огневые точки, минные поля, определить конфигурацию оборонной линии немцев. А также нужно было измерить глубину и скорость течения реки Вильно, крутизну её берегов, чтобы выбрать место для форсирования.

Бой продолжался почти 2 часа. Задание было выполнено. Мы не успели отойти на исходные позиции, как немецкая авиация нанесла по нашей оперативной группе массированный бомбовый удар. Одна бомба угодила в мой командный танк. Танк загорелся. От разрыва оставшихся в танке снарядов я получил тяжёлое ранение в левую ногу, потерял стопу.

Я был без сознания. Уцелевшие члены экипажа отнесли меня в укрытие и направили в полевой госпиталь. С сильнейшими болями в ноге я был отправлен в эвакогоспиталь № 5121 в город Балахна Горьковской области. Здесь под руководством ведущего хирурга Софьи Петровны Виноградовой была проведена костно-пластическая операция. Эта обаятельная 23-летняя женщина умела любить людей и сделала всё, чтобы я поверил в себя, поверил в то, что я всё преодолею, всё выдержу и смогу приносить пользу людям.

Шесть месяцев я пролежал в госпитале и стал инвалидом в 21 год! Свыкнуться с этим было очень трудно. Перспективы дальнейшей жизни — туманные. С тяжёлыми увечьями, без профессии — как жить дальше? В госпитале работали удивительные люди — чуткие, внимательные, немало повидавшие за военные годы. Они сделали очень многое, чтобы я обрёл уверенность в себе.

А ещё в госпитале была богатая библиотека, я нашёл там много прекрасных книг. Пристрастившись к чтению, увлёкся трудами древнегреческих философов. Книги, написанные тысячи лет назад, помогли обрести душевный покой.

Я не спасовал, не согнулся перед бедой, вернулся в Ленинград, учился, работал. Мой брат был ранен на войне. Потом работал трактористом, но недолго — умер от ран. А сестра после войны приехала ко мне в Ленинград и устроилась на завод «Красный треугольник».

В 1954 году был направлен на партийную работу в Новгород. Долгие годы на ответственных постах занимался восстановлением разрушенного войной хозяйства. Жизнь состоялась.

Я награждён двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Знак Почёта, тридцатью медалями. 31 мая мне присвоено звание «Почётный гражданин Великого Новгорода».

***

Я горжусь своей страной, её историей, считаю себя патриотом своего Отечества. Я, обычный крестьянский парень, простой человек, пройдя суровую школу ратного и мирного труда, продолжаю активно работать в ветеранском движении, уделяю много внимания патриотическому воспитанию молодёжи. Я рад, что моя работа находит понимание у людей, интересна подрастающему поколению.

За 3,5 года моего пребывания на фронтах Великой Отечественной войны я принимал участие в освобождении Украины, Молдавии, Белоруссии, Литвы. Я не раз смотрел в глаза смерти, трижды был тяжело ранен в горящих танках и каждый раз возвращался в свою роту, свою бригаду, свой корпус, свою 5-ю гвардейскую танковую армию (5-ю ГТА). Свой фронтовой путь прошёл от командира взвода до командира роты.

Мы, поколение ветеранов Великой Отечественной войны, как патриоты своей Родины с честью выполнили свой долг: освободили страну и всю Европу от фашизма. Перед российским народом наша совесть чиста.

Моя жизнь была сложной и трудной, но в то же время интересной, яркой, счастливой.

Василий Порфирьевич Кудряшов

Владимир Тяжов
гр. 1075 зу

15 парней — один лучше другого, все здоровые, ладные, красивые. Все они были неопытными и погибли в первом же бою.

Владимир Тяжов

Они погибли в первом же бою

Моя бабушка, Михеева Анна Фёдоровна, родилась 19 декабря 1929 года в деревне Изонино Боровичского района Новгородской области.

Бабушка вспоминает:

«Жили мы втроём: мама, Лукина Наталья Григорьевна, я и мой брат Коля. Когда началась Великая Отечественная война, мне было 12 лет, брату — 10. Мама перед самой войной тяжело заболела и в течение двух лет практически не вставала с постели.

Я хорошо помню, как всех деревенских мужчин забирали на фронт. Мы с мамой провожали моего родного дядю. Сколько было слёз!

Из нашей деревни ушли воевать 48 мужчин. Вернулся домой только один — Иван Иванов, да и тот без ноги. Все женщины в деревне остались вдовами. В 1943 году в Красную Армию призвали всех парней до 1927 года рождения. 15 парней — один лучше другого, все здоровые, ладные, красивые. Фронтовики из других деревень рассказывали, что все они были неопытными и погибли в первом же бою.

Анна Фёдоровна Михеева

Зимой мы работали на лесоповале. Целую неделю жили там же в лесу, в бараках. В субботу поздно вечером шли домой, в воскресенье вечером возвращались назад.

Работа была тяжёлая. Мужчины вдвоём валили деревья, а я за ними подбирала и сжигала сучья, чтобы делянка оставалась чистой. После этого лес трелевали к дороге для погрузки. Брёвна грузили вручную, верёвками затаскивали на машину, а потом вывозили на берег Мсты.

До апреля мы работали в лесу. А когда вода поднималась, начинали сплавливать лес по реке до деревни Чернец. До Чернеца шли пешком 60 км вдоль реки, баграми отталкивали брёвна от берега.

Летом работали на колхозных полях. В колхозе за год можно было заработать 312 трудодней, а на 1 трудодень в конце года давали 2 копейки, и это считалось хорошим доходом. На работе нас не кормили. Ели, что придётся,

Михаил Петрович Ванюшкин

сушили пестыши и лебеду, мололи и пекли из них хлеб. Хлеб пекли также из льняных головок. Картошку ели редко, только в праздники.

За то, что имели своё хозяйство, платили большой налог. Деньги собирали за счёт этого же хозяйства. **Государству нужно было сдать за год 320 литров молока, 50 кг мяса, 35 штук яиц, 200 кг картошки.** За то, что нам разрешали накосить 120 пудов сена (два стога), ещё столько же надо было нако- сить для колхоза. Всё делали

вручную: копали, косили, сушили, жали, убирали урожай. Вести домашнее хозяйство мне помогали Коля и дедушка, Григорьев Григорий Никитич, мамин отец.

Всё, что удавалось вырастить в колхозе, отправляли на фронт.

В праздник Казанской Божьей матери мама испекла хлеб из льняных головок. Младший брат заплакал и сказал: «Мама, когда ты испечёшь настоящий хлеб?».

На работу в наш колхоз прислали пленных немцев. Им выделили избу, но толку от них не было никакого. Работать вручную они не привыкли. Помню, один пленный поехал на быке картошку возить, а бык его в кусты завёз. Немец пришёл в деревню за помощью, чтобы быка оттуда вытащить. Пробывли немцы у нас только неделю, посмотрели, как мы работаем, но сами таким образом работать отказались. Их отправили обратно.

На уборке колхозного урожая нас обыскивали, вытряхивали всю одежду. За один найденный колосок в тюрьму са-

жали на 3 года. Во время войны мой будущий свёкор Михеев Павел Арсеньевич сушил зерно, а упавшие зёрна подмёл, собрал и положил в карман. Когда выходил из сушилки, его обыскивали и нашли полкилограмма зерна. Его осудили, дали 5 лет тюрьмы. Из заключения он так и не вернулся.

Одежду мы делали сами. Пряли лён, из него ткали полотно. На ноги плели лапти. Это обычно делал дедушка Григорий Никитич. Зимой носили валенки, их катали в деревне, но валенки были не у всех.

***

Мой дед, Ванюшкин Михаил Петрович, родился 23 мая 1922 года в деревне Вяжищи Новгородского района Ленинградской (теперь Новгородской) области.

В Красную Армию его призвали перед самой войной — 9 июня 1941 года, попал в 26-й воздушно-десантный стрелковый полк. А два его брата — Павел и Иван — были мобилизованы в первые дни войны. Так братья Ванюшкины почти одновременно надели шинели, стали солдатами, бойцами.

Первое боевое крещение Михаил Петрович получил у города Владимир-Волынский, под Ровно (Украина). Затем боёв было

не счесть. Вместе с ним одно время воевали односельчане Александр Иванович Фомкин и Серафим Васильевич Гадалкин, но они погибли в первых же сражениях.

Дед рассказывал:

«Бои шли тяжёлые, враг наседал: наши позиции бомбили до 120 фашистских самолётов и по несколько раз в день. Стоял суций ад».

Очень непростыми были военные вёрсты — держали оборону и отступали, вновь шли в атаку, сражались за каждый населённый пункт, за каждую пядь родной земли. В одном из боёв дед был контужен, лечился в госпитале.

Михаил Петрович продолжает:

«В Валуйках Белгородской области мы всю зиму стояли в обороне. Затем пошли в наступление в направлении Сталинграда. В конце концов город был освобождён».

На войне, как на войне — полки пополнялись, переформировывались, перебрасывались с одного фронта на другой. Деду довелось воевать на 1-м Украинском фронте, участвовать в Орловской операции, биться на Курской дуге под Прохоровкой, форсировать Вислу, освобождать Чехословакию.

Ратные заслуги его отмечены двумя орденами — Отечественной войны II степени и Красной Звезды, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Праги», медалью Георгия Жукова, семью юбилейными медалями. Военное лихолетье казалось кошмарной вечностью, пока не наступил долгожданный день — День Великой Победы. Да вот только многие не дожили до него. Сложил голову на поле брани под Старой Руссой, защищая родную Новгородчину, брат Павел.

Михаил и Иван не сразу после войны вернулись домой. Иван больше двух лет служил в жаркой Алма-Ате. А Михаил больше года находился в составе советских войск в Чехословакии.

Только осенью 1946 года гвардии сержант командир миномётного отделения Михаил Ванюшкин снял шинель, вернулся в Новгород. В Вяжищи через Сырково шёл пешком.

Отдыхать тогда было некогда, сразу включился в восстановление сельского хозяйства. Работал сначала плутарём, а потом, окончив курсы, получил права тракториста-машиниста в Сырковской МТС. Сел за рычаги гусеничного трактора.

На родине Михаил встретил своё счастье — любимую девушку, и больше 50 лет шли они по жизни вместе с Ефросиньей Ивановной. У них два сына и две дочери, шестеро внуков, есть и правнуки. Трудились братья, Михаил и Иван, (один — трактористом, другой — комбайнером) с особым старанием. Пахали, сеяли, убирали урожай, добиваясь высоких показателей. Сначала работали в колхозе, затем — в отделении совхоза «Ульяново». Потом Вяжищи присоединили к ОПХ опытно-мелиоративной станции Болотная. Михаил Петрович как передовик не раз награждался Почётными грамотами, ценными подарками, Здесь, на селе, он стал ветераном труда, уважаемым человеком.

Дед прожил яркую, насыщенную жизнь: прошёл страшную войну, всю жизнь работал на земле, вырастил детей и внуков и всегда радовался жизни.

Умер 24 февраля 2005 года в родной деревне.

**Александра Васильевна
Недельчик**

После того детского
страха я ненавижу
колодцы.

Александра Васильевна Недельчик

Я родом из войны

Я родилась 5 мая 1939 года в деревне Учно Волотовского района Ленинградской (теперь Новгородской) области. Война вспоминается отдельными яркими эпизодами.

Шёл 1942 год. Немцы отправляли людей на работу в Германию, вместе со старостой ходили по домам и оповещали всех, внесённых в списки. По всей видимости, от каждого двора брали одного человека, предпочитали мужчин. Пришли к маминей родной сестре. Её муж, дядя Петя, которого из-за болезни не взяли в Красную Армию, попал в эти списки. Но он, естественно, ехать никуда не хотел. Возможно, потому что у него было трое маленьких детей. Люди, правда, поговаривали, что он как-то откупился, да и со старостой был чем-то связан. Именно дядя Петя сказал, что у **Верецагиных, то есть у нас, «девки большие, их и надо отправить».**

Пришли к нам немцы и вместе с ними дядя Петя со старостой. У Ани, самой старшей сестры, из-за детской травмы не было указательного пальца на левой руке — «бракованных» не брали. Зина в это время болела. Выбор пал на Лизу, которая родилась в 1927 году, на тот момент ей было 15 лет. Дядя Петя обещал её озолотить, когда она вернётся из Германии. И дал коня в при-

дачу. Но дело не в дядиных посулах, просто у Лизы не было выхода. С немцами не шутят, откупиться нечем. Наш папа был в районе активистом, начальником пожарной охраны, сейчас на фронте. С семьями фронтовиков не церемонились. Не было у нас никакой возможности Лизе помочь.

27 апреля 1942 г.

Лиза, вернувшись из концлагеря в 1946 году, пошла к дяде Пете. Наверно, помня его обещания. Я не знаю, какой был разговор, но в конце беседы дядя Петя сказал: «Мало ли что я обещал? Ты же без коня вернулась». После этих его слов мама потеряла сознание. Я была ещё маленькая и никак могла не взять в толк, почему мама не встаёт, если руки и ноги у неё целы.

Мои сестрички и мама оберегали меня от всего плохого, я многого не знала. Вот и эту историю с дядей Петей узнала только после смерти Лизы в 1995 году, да и то без подробностей. Если бы сестрички были живы сейчас, я бы обо всём расспросила.

***

Это было зимой 1942 года. Немцы, уходя из деревни, поджигали дома. Мама и мои старшие сёстры, Аня (1924 г. р.) и Зина (1926 г.р.), вынесли из дома всё, что смогли, и сложили за огородом у стога сена.

Мне было всего три года, я устала, капризничала и всем мешала. Чтобы я не путалась под ногами, меня спрятали в куче скарба, а сверху накрыли корытом.

Через какое-то время, я увидела, что к стогу бегут немцы, а за ними — мама с сёстрами. Немцы стали рыться в наших вещах. Как я потом узнала, они искали лошадиную упряжь, чтобы

побыстрее удрать. Лошадей-то они нашли — их спрятать трудно, а с упряжью сложнее.

Рядом был колодец. Помню, что мама и сёстры стояли к нему спиной. Мне было видно, как они напуганы, и я решила, что кого-то из нас сейчас обязательно бросят в колодец. Наверно, они боялись за меня, а я — за них. Никто не знал, что могут сделать немцы.

Они рылись долго, но меня не заметили. Только случайно сдвинули корыто, и я перестала что-либо видеть. А, может, просто уснула.

После того детского страха я ненавижу колодцы.

***

С начала войны и до 50-х годов был страшный голод. Мы, ребята, договорились между собой собирать крапиву и лебеду только напротив своих огородов, на чужие участки не ходить, потому что есть хотели все. За кладбищем, кроме крапивы, ещё и малина росла. Однажды я полезла за ягодами и окрапивилась с ног до головы. Думала, что в воде станет легче, забралась в речку. Но всё тело покрылось волдырями, и жжение было ужасное. Я так сильно плакала, что мне даже плохо стало.

На обочинах дорог и там, где был песок, собирали пупыши и дудки, их ели тут же, сырыми. В общем, ели всё, что хоть в каком-то виде годилось в пищу.

А однажды ходили мы с ребятами на болото за мхом, это в двух километрах от нашей деревни. Из мха пекли лепёшки с овощными очистками. Вот мама начала разбирать мох и вдруг зовёт меня: «Доченька, когда таскаешь мох, будь осторожнее. На болоте много гадюк. Вот видишь, старая шкурка».

Как-то нам председатель колхоза выдал по несколько килограммов головиц, пустых льняных головок. Мама их насушила, перемолола и стала печь лепёшки на чугунной плите. Ложкой порцию «теста» положит — вроде бы всё нормально, а начнёт переворачивать — лепёшечка рассыпается. Каким-то образом

мама всё-таки напекла, ложкой с плиты соскребла в миску, и мы, довольные, что хоть что-то можно в рот положить, всё проглотили. Я не помню, сколько дней мы эти лепёшки ели, только все потом животами маялись. Мы так громко плакали от боли, что даже соседи приходили, спрашивали, что случилось.

***

Наступила весна. Я и мои двоюродные брат с сестрой пошли в поле, где прошлым летом росла картошка. Я обула Лизины деревянные колодки из концлагеря. Лиза была на 12 лет старше, и, чтобы огромные колодки не сваливались, их привязали тряпками, обмотав мои ноги до колен.

Поле — не асфальт. Где глина, а где почти болото. Ноги вязнут, порой и не вытащишь. Увидела в луже много гнилой картошки и на радостях туда полезла. Пару шагов сделала, подобрала несколько гнилушек, и увязли ноги. Попыталась ноги вытащить, встала на четвереньки — руки по локоть засосало. Чувствую, что сейчас плюхнусь в эту жижу животом. Закричала, позвала братишку — он на 3 года старше. Вытащил меня. И вот я такая мокрая, грязная, в этой проклятущей обуви 3 километра ползла домой. Как долго, не помню.

Но, главное, дотащила на спине торбу с картошкой почти до самого дома. Осталось через канаву перебраться, а мостика нет. Попыталась перепрыгнуть и свалилась вниз. Мне и не вылезти. Лезу вверх, а торба назад тянет. Начала на помощь звать. От канавы до нашего дома метров 20—25. Потом как-то сама выкарабкалась. Лежу на краю канавы на животе и плачу. Вижу — Лиза выбегает, меня на руки берёт и тоже плачет.

За гнилой картошкой ходили не один раз, пока не распашут поле под другую культуру. А когда разрывали гурты — ямы для хранения картошки, — взрослые выбирали, что получше. А мы, ребята, как санитары, шли и проверяли, подбирали остатки. Но чаще всего мы ходили с мамой, потому что она знала, где эти гурты находятся. В них всё-таки эти гнилушки были почище: ни черви туда не забирались, ни удобрения или навоз не попадали. А то, что на поле в лужах плавало, — это страсть Божья!

Все мысли были только о еде. Постоянно искали, чем бы желудок наполнить. А когда на плите эту «картошечку» пекли, вонь по всему дому была невыносимая. Вот представьте себе: одна картошина сгнила — не знаешь, как проветрить квартиру, а ведь тогда нам, голодным, запах этой стряпни казался таким приятным, разве что с пирогами или жареной курицей сравнить можно.

Легче жилось тем, у кого была корова, а у нас её не было. Мы всё равно не смогли бы за ней ухаживать. Сёстры в городах восстанавливали предприятия, и мы с мамой почти всегда были одни. Мама хворала, часто теряла сознание. У неё был порок сердца и больные лёгкие. А из меня, семилетней, какая помощница?

***

Какие-то деньги у нас всё-таки были. Помню, Лиза пошла в Сольцы на базар. Кто-то сказал, что там продают пирожки с капустой. От нашей деревни до Сольцов тогда было 20 километров по «немецкой» дороге, сейчас её спрямили.

Лиза купила 4 пирожка. Не утерпела и один пирожок съела. И вот видим: Лиза идёт. Открывает дверь. Дверь широко распахнулась, а Лизы нет. Она прямо на пороге упала в обморок.

Когда очнулась, заплакала и говорит: «Уже вошла в деревню (а деревня в длину километра полтора), не удержалась и по дороге съела свою долю».

Мы все вокруг неё собрались и давай реветь вместе с ней. Почему Лиза потеряла сознание, я так и не поняла. Возможно, от слабости, а, может, от нервного напряжения. Видно, нелегко было вечно голодной девочке удержаться от соблазна и принести домой остальные пирожки.

***

Я ещё была дошкольницей, но нас, ребятишек, председатель колхоза просил собирать колоски после жатвы. Взрослые жали серпами, были ещё жнейки, в которые запрягали лошадей. После жнейки оставалась высокая стерня. Вот ходишь босиком, смотришь

по сторонам и ищешь эти колоски. А об стерню все ноги обдерёшь до крови. Вечером ноги вымоешь и падаешь от усталости.

Когда мои сёстры, выходя на пенсию, стали собирать справки, то поехали в деревню и взяли меня с собой. И там в председательской книге я увидела запись: «Верецагина (это я в девичестве) Александра Васильевна работала в колхозе имени Маленкова в 1946—1947 годах». Мне тогда было 7—8 лет.

***

С братом, который вытащил меня из лужи, и его сестрой мы ходили по речке против течения и собирали ракушки. Они выглядят, как две ладони, сложенные вместе, только вдвое меньше. Мы их приносили домой, а мама долго варила в чугушке. Коробочки легко открывались, содержимое доставали и мололи в мясорубке. Смешивали с головицами и пекли лепёшки. Туда же добавляли всякую траву, почки, в общем, всё съедобное.

А лето настало — это уже благодать. За грибами ходили. Сушили их с мамой и клали в наволочки от подушек. Ягоды тоже сушили. Особенно много было черёмухи, которую потом мололи на жерновах и добавляли во всякую стряпню. Мама умудрялась сушить даже капустные листья. Высохнет этот лист, станет тонким, а варится долго. Конечно, не очень-то вкусно, но есть можно. Из этой капусты мы и щи варили, когда приехали в Новгород в 1950 году. Тогда уже было что взять и в левую руку, то есть хлебушко.

***

Не знаю, где мама добыла мне галоши. Они мне были малы, но я всё равно очень обрадовалась — будет в чём идти в школу на новогоднюю ёлку. Председатель что-то выделил для школы, и на ёлке всем ребятишкам давали подарки. Уборщица, молодая девушка, со своей матерью напекли каких-то круглых штучек, даже не знаю, как их назвать.

Я получила подарок, и мы с Лизой пошли домой. Мне очень хотелось поделиться радостью — подарком. Я была счастлива,

что смогу угостить своих родных, и мы вместе будем пить чай-ботвинью с этими штучками. Чай-ботвинью делали из сахарной свёклы. Её весь день томили в печи в чугушке, а вечером такая прелесть пить этот чай!

Из-за тесных галош было больно ступать. Да к тому же зима, сильный мороз. Дошла домой, не чувствуя ног.

Как-то мама купила взрослым сёстрам ботиночки с галошами. Но ведь со временем всё изнашивается. У ботиночек оторвались подметки, у галош проносились пяточки. Мама топором там и там отрубила всё рваньё и на половину ботинка нашила половину галоши. Вот такая у меня получилась обувь. Зато по размеру, ведь сёстры намного старше меня — на 12, 14 и 15 лет.

Однажды у моего ботинка оторвался каблук, и я побоялась сказать об этом маме. Забила в каблук большущий гвоздь, загнула торчащий конец и ниткой привязала гвоздь к ноге для страховки. Было очень больно наступать пяткой на шляпку гвоздя, и я ходила на носочке.

В школе в одной комнате учились первый и третий классы, а в другой — второй и четвёртый. Парты были большие, на четырёх человек, а я сидела в середине. Однажды меня вызвали к доске. Пока я выбиралась, нитка порвалась: то ли была непрочной, то ли я её плохо привязала. Каблук опять стал отставать. При каждом шаге сначала висевший каблук об пол хлопнет, а потом — остальная часть подошвы. Конечно, все обратили внимание на мою обувь и стали смеяться. А я — в слёзы, так было обидно.

***

К школе мы готовились, как к празднику. А у меня к первому классу не было новенького платья. Мои сёстры обшивали всю деревню. Оставались обрезки. Вот из этих обрезков мне и сшили платье. Лоскутки были в клеточку, в полосочку, горошком, цветочками — семи разных расцветок и рисунков. В общем, такую пёструю смастерили мне обновку. Это платье у меня было самым любимым, пока я из него не выросла.

***

Помню такой случай. Сестра Зина стирала в корыте бельё. Потом вдруг склонилась, уперлась в корыто локтями, чуть сознание не потеряла от слабости и холода. Зимой это было. А я на кровати лежала, от истощения уже не могла ходить.

И тут к нам пришла жена пастуха. Принесла несколько пачек кофейного напитка из злаков. Не знаю, где она их взяла. Зина целую пачку заварила, бросила какую-то сухую траву, и у нас получилась похлебка. **Какая-никакая, а все-таки еда. Поели. До сих пор думаю, что эта похлебка не дала мне умереть.**

***

Нас трижды обворовывали.

Первый раз это было, когда немцы отступали и жгли наши дома. Утром прибежал двоюродный братишка и сказал, что их дом, то есть дом маминой сестры, уцелел. Мы пошли к ним, чтобы согреться. А когда вернулись назад, то и половины вещей, вынесенных перед пожаром, не было. Мы плакали, ведь забрали всё зерно, спасённое из огня.

Во второй раз это случилось в 1948 году. Сестрёнки-рукодельницы готовили Зину к свадьбе: шили, вышивали, вязали. Уходя на работу, всё выстирали и повесили на изгородь сушиться. Вернулись и увидели, что от приданого ничего не осталось, ни одной тряпочки. Мама упала без чувств, а мы разревелись.

В третий раз нас обокрали, когда ещё была карточная система. Аня работала завмагом. Деталей не помню. Знаю только, что из дома и из её жакета взяли ключи от магазина, карточки, деньги. Зачем-то из корзины выпустили только что вылупившихся цыплят. Мы в это время были на празднике у знакомых в соседней деревне, в полутора километрах от нашего дома, а вернулись опять в голые стены.

Все показывали на нас пальцами, обзывали нищими. Но ведь как получалось? Только немножко обживёмся — то воры, то на-

логи сумасшедшие всё забирают. Все уже открыто роптали, жаловались на непосильные налоги, даже от меня, малолетки, не скрывая.

***

Аню и Зину немцы отправили на строительство дорог в соседнюю область. Лиза была в концлагере на территории Германии, а мы с мамой чуть больше года провели в одном из местных лагерей.

После войны мы об этом никому не рассказывали. Сёстры и мама держали в секрете от чужих людей подробности нашей жизни во время оккупации. Я была маленькой, но и о том многом, что знала и помнила, помалкивала, как и все старшие. Во-первых, трудно поверить во все те ужасы, которые нам, побывавшим в концлагерях, довелось пережить, а, во-вторых, к нам относились, как к людям второго сорта.

Однажды я спросила у мамы, где я научилась плясать цыганочку. Мама ответила: «В лагере было много цыган. Когда ты болела, они очень тебя жалели и развлекали, как могли, — пели и танцевали. А потом ты и сама начала плясать». Большое спасибо им за их доброту.

Цыганочка помогла нам пережить послевоенный голод. Мы с мамой побирались по деревням, просили милостыню, а я плясала. Тогда мне было интересно развлекать взрослых. Одни восхищались, а другие плакали. А сейчас я стараюсь об этом не вспоминать.

Однажды, когда мы уже жили в Новгороде, в автобусе к нам подошла старая цыганка. Она узнала маму и сказала мне: «Хорошо, что выжила. А сейчас пляшешь?» Цыганки тихо разговаривать не умеют. Весь автобус обернулся в нашу сторону, а мне было неприятно: и всеобщее внимание, и эта цыганка, и моя цыганочка.

В то время таких, как мы, за людей не считали. Относились к нам так презрительно, что мы и слово боялись произнести,

не то что своё мнение высказать. Это только сейчас о нас стали говорить открыто, с сочувствием.

Лиза после концлагеря что-то окончила в Боровичах и уехала работать в Ленинград. Но на предприятия её не брали. Она устроилась домработницей в многодетную профессорскую семью. Каким-то образом про Лизино прошлое узнали и из Ленинграда её выставили. Переехала в Новгород. Кто-то из знакомых (как я теперь догадываюсь) пристроил её в Колмовскую больницу санитаркой. Но и здесь вскоре прошла чистка, и нашей Лизе пришлось переселиться в деревню, там вышла замуж и родила двоих детей.

Только в 1963 году её мужа взяли на работу лесником. Вот там, в деревне Соковая, они наконец вздохнули спокойно.

После всех этих невзгод мы боялись лишнее слово сказать о своём прошлом. Мы были, как прокажённые, как люди третьего сорта. Считали себя виноватыми, а в чём и перед кем, не могу понять. Ведь Родина нас должна защищать. Неужели мы этого не заслужили? Наш папа прошёл всю гражданскую войну, с Финской вернулся живым. А вот, уходя на Великую Отечественную войну, по словам Зины, при прощании наказывал: «Девчонки, помогайте маме. Такого ещё не было, чтобы возвращались с третьей войны». В 1943 году наш папа погиб.

Сколько же нам пришлось пережить унижений, насмешек, оскорблений! Но как бы ни было плохо, я никогда не жаловалась ни сёстрам, ни маме. Была очень замкнутой, стеснительной. И вот только став пенсионеркой, я немного раскрепостилась, почувствовала себя уверенней.

Дети выросли, у них свои семьи, я их не беспокою. Обслуживаю себя сама. Очень жаль, что умер муж, но я и это пережила.

***

С самого детства, сколько себя помню, я что-то мастерила, занималась рукоделием. Это началось с бабушки, которая родилась в 1863 году. Она занималась лоскутным шитьём, и это умение

передала своим девяти дочерям, в том числе моей маме, от которой и мы, четыре сестры, всему научились.

Литературы не было, всё придумывали сами. В наших больших и бедных семьях рукоделие было хорошим подспорьем, помогало выжить и украшало наш скудный быт.

Я продолжаю семейные традиции. Мои дети, внуки и даже правнуки не только любят мои изделия, но и сами рукодельничают.

На заводе «Планета» я занималась наставничеством, вела кружок. Несколько лет обучала девочек из 33-й школы. В Доме культуры имени Васильева даю мастер-классы, посещаю клуб инвалидов «Сударушка». Принимаю активное участие в работе общественной организации «Дети войны».

В общем, всё пережила, осталась я без сестёр, без мужа, но есть дети, внуки, правнуки. Общение со сверстниками и молодёжью придаёт мне силы, наполняет мою жизнь смыслом, позволяет забыть все жизненные невзгоды.

Молодёжь у нас хорошая, а мы, старшее поколение, должны рассказывать ей о том, что нам довелось пережить в трудные военные и послевоенные годы. Надо знать историю своей страны и всеми силами беречь мир.

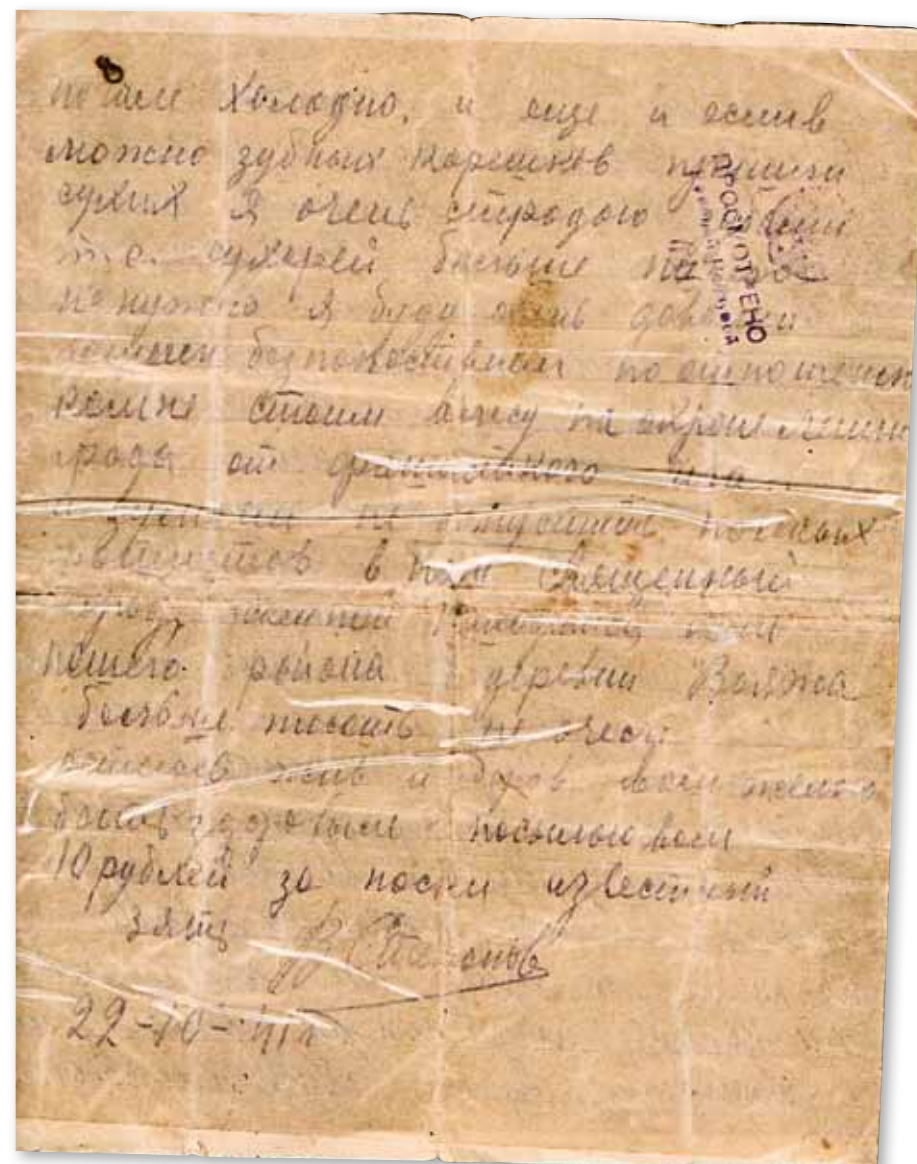
В нашей семье сохранились некоторые документы военной поры. Возможно, они будут интересны читателям.

Фронтовое письмо моего отца, Верещагина Василия Ефимовича, своим родственникам от 21 октября 1941 года

«.... Я очень вам благодарен за ваше предложение, но спасибо, перчаток нам не нужно. А если есть возможность, от носков не откажусь, потому что в настоящее время обувь кожаная, ногам холодно.

И ещё, если можно, пришли сухих зубных корешков. Я очень страдаю зубами, то есть сухарей больше не нужно. Мне будет очень приятна ваша забота обо мне.

Стоим в лесу на охране Ленинграда от фашистского ига и думаем не допустить поганых фашистов в наш священный город...»

Документы моего свёкра Недельчика Владимира Емельяновича

Справка

Дана настоящая машинисту паровоза № 74302, приписанного к Связьрем № 1, тов. Недельчику В. Е. в том, что имевшееся у него свидетельство на право управления паровозом, выданное Управлением Окт. ж.д. 23.10.1934 г., сгорело вместе с турной теплушкой № 416667 во время налета вражеской авиации на гор. Тихвин 22.04.1934 г.

Настоящая справка дана взамен удостоверения на право управления паровозом впредь до получения дубликата, который затребован от Управления Окт. ж.д. 15.05.1943 г.

Печать

Подпись начальника Восстановительной колонны связи и сигнализации НКПС (Связьрем) №1 Шаталова

Удостоверение

Тов. Недельчик Владимир Емельянович состоит с 27.08.1941 г. на действительной военной службе в рядах Рабоче-Крестьянской Красной армии, и поэтому он и члены его семьи имеют право на льготы, перечисленные на обороте настоящего удостоверения, наравне с рядовым составом РККА срочной службы и членами его семьи.

Основание: Постановление СНК СССР от 6 сентября 1932 г. за № 1381/297-сс и от 5 марта 1933 г. за № 362/62-с. Удостоверение действительно по 25.02.1944 г. (Выдается сроком на 1 год).

Печать

Подпись

Удостоверение

За участие в героической обороне ЛЕНИНГРАДА
Недельчик Владимир
Емельянович
Указом Президиума
Верховного Совета СССР
от 22 декабря 1942 года
награждён медалью
«За оборону Ленинграда»
*

От имени Президиума
Верховного Совета СССР
медаль «За оборону
Ленинграда»
вручена 19 сентября
1943 г.
№ С33361

Печать

Председатель Исполнительного Комитета Ленинградского
Городского Совета Депутатов Трудящихся

Секретарь Исполнительного Комитета Ленинградского
Городского Совета Депутатов Трудящихся

Извещение

Ваш муж Недельчик Владимир Емельянович,
уроженец гор. Нарва ЭССР,
погиб на боевом посту при выполнении задания
8 апреля 1944 года.

Похоронен на кладбище при станции Неболчи
Окт. ж.д.

Настоящее извещение является документом для
возбуждения ходатайства о пенсии.

Печать   Подпись начальника связи и сигнализации
Героя Социалистического Труда Шаталова

Письмо начальника Восстановительной колонны связи и сигнализации № 1 моей свекрови Недельчик А. М.

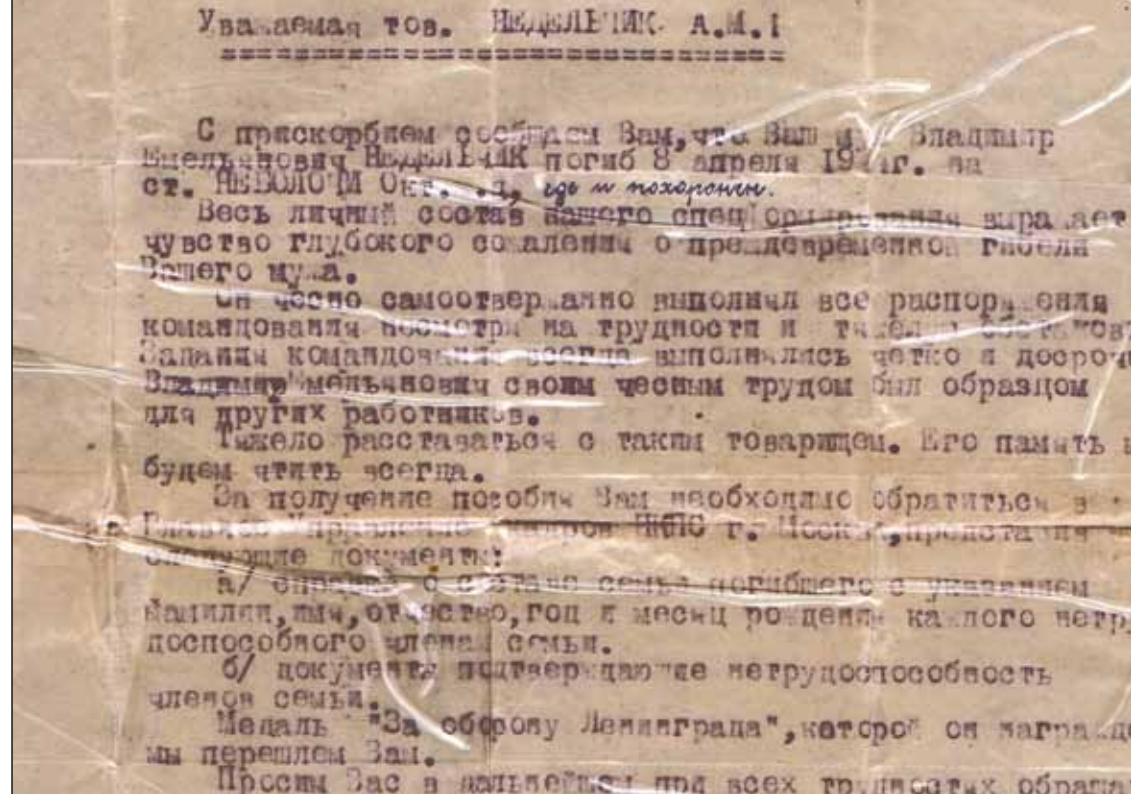
Уважаемая тов. Недельчик А. М.

С прискорбием сообщаем Вам, что Ваш муж Владимир
Емельянович Недельчик погиб 8 апреля 1944 г. на ст. Не-
болчи Окт. ж. д., где и похоронен.

Весь личный состав нашего спецформирования выражает
чувство глубокого сожаления о преждевременной гибели
Вашего мужа.

Он честно, самоотверженно выполнял все распоряжения
командования, несмотря на трудности и тяжелую обста-
новку. Задания командования всегда выполнялись четко и
досрочно. Владимир Емельянович своим честным трудом
был образцом для других работников.

Тяжело расставаться с таким товарищем. Его память
мы будем чтить всегда.

Для получения пособия Вам необходимо обратиться в Глав-
ное Управление кадров НКПС г. Москвы, предоставив сле-
дующие документы: а/справка о составе семьи погибшего
с указанием фамилии, имени, отчества, года и месяца рож-
дения каждого нетрудоспособного члена семьи; б/докумен-
ты, подтверждающие нетрудоспособность членов семьи.

Медаль «За оборону Ленинграда», которой он награжден,
мы перешлем Вам.

Просим Вас в дальнейшем при всех трудностях обращать-
ся к нам за помощью, не стесняясь.

Наш долг и обязанность помочь Вам и Вашим детям.

Подпись начальника связьрем № 1 Героя Социалистическо-
го Труда Шаталова

Подпись заместителя начальника связьрем № 1 по полит-
части Пименова

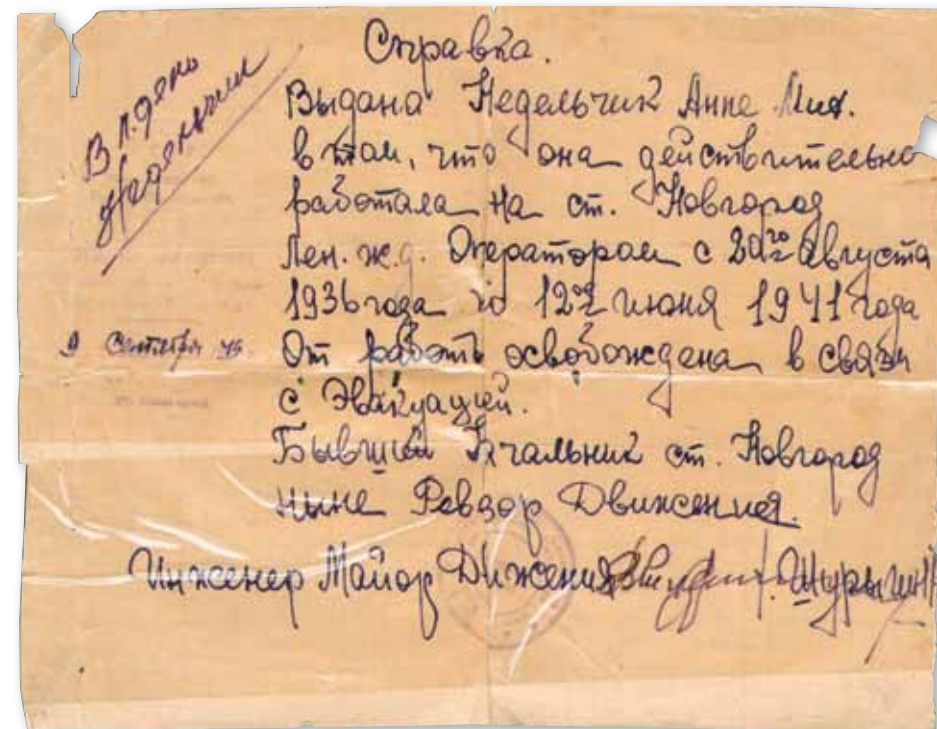
Владимир Емельянович Недельчик у своего тепловоза.
Погиб 8 апреля 1944 г. в Неболчах

Владимир Емельянович Недельчик
во время учёбы в Ленинграде. 1936 г.

Курсы пожарных при заводе «Светлана». 30 декабря 1935 г.

**Зинаида Николаевна
Фокина**

Раз в неделю
мы приходили
к тётё Наде, и она
отдавала всё, что
собрали жители
татарской деревни
для голодных
русских детей.

Зинаида Николаевна Фокина

Нас спасла татарская деревня

Я родилась в апреле 1933 года в деревне Едрово Валдайского района в семье железнодорожников.

Мне был всего один год, когда на операционном столе на станции Бологое умер отец. Это стало следствием тяжёлого ранения, полученного им в годы гражданской войны.

Мать, Евдокия Васильевна Фокина, осталась одна с тремя детьми. Она была рабочей на железной дороге, и растить одной троих детей ей было очень трудно. Мы жили в собственном доме, очень бедно.

Для меня, самой младшей из сестёр, мама редко покупала новые платья, но уж если я получала обновку, то со слезами умоляла

родственников не отрывать от платья этикетку, пока не покажусь в нём сверстникам. А то ведь никто не поверит, что у меня тоже бывают настоящие обновки.

В детстве я больше всего любила играть в школу. Мне хотелось быть учительницей, и я могла часами учить грамоте и послушанию моих тряпичных кукол.

Когда объявили о начале войны, почти все жители села были за озером на футбольном поле. Там проходила товарищеская встреча сельских футболистов с командой военного городка Выпозово.

Неожиданно игру прервали. Из гарнизона прислали 5 машин и спрятали за деревьями, чтобы не сеять панику. В рупор объявили, что на нашу страну напала фашистская Германия. Военных — и игроков, и болельщиков — спешно погрузили на машины и увезли в гарнизон. Сельчанам было велено расходиться по домам и ждать дополнительных сообщений.

Мы, ребяташки, восприняли объявление о начале войны без всякого страха. Даже наоборот, с любопытством. Были уверены, что русские, как в детской игре, обязательно победят.

Уже на следующий день немецкие самолёты бомбили военный гарнизон и железнодорожную станцию, но больше всего досталось водокачке.

Мы, дети, наблюдали, как бомбы падали на станцию, которая была немного в стороне от села. А когда авианалёт закончился, побежали посмотреть поближе и насобирать осколков. Одна из бомб угодила в военный эшелон, и оттуда доносились крики раненых. Нас на станцию не пустили. Даже принести воды для раненых не разрешили. Осколков мы так и не набрали.

Возмущённые, мы всей ватагой отправились домой. Над нами низко-низко пролетел немецкий самолёт. Лётчик из кабины погрозил нам кулаком. Нас ничто не насторожило, было только интересно. Мы увидели, что из самолёта что-то упало. На дороге появилась прыгающая лягушка. Самый смелый из нас бросился

к ней. **Игрушка разорвалась прямо в его руках, мальчика разнесло на части.**

Мы в панике разбежались по домам. Это была первая встреча с войной, с ощущением смерти, которое она принесла.

Затем началась эвакуация. Старшей сестре было 18 лет, и её как комсомолку готовили для работы в партизанском отряде. Но мы узнали об этом только в день нашего отъезда: сестра отказалась ехать с нами.

Когда вражеские авианалёты стали повторяться по три раза в день, эвакуацию ускорили. Нас повезли в Казань, на больших станциях всех организованно кормили.

Помню, мы остановились на станции в Рыбинске, напротив эшелона с военными, который шёл на фронт. Стояли долго. Молодёжь начала завязывать разговоры. Меня посадили в теплушку к военным. Я пела им песни, а они аплодировали.

Вдруг военный эшелон дёрнулся и начал двигаться. Я не могла выпрыгнуть, было очень высоко. Мама и наши соседи по вагону закричали и побежали рядом с набирающим скорость составом. А тот шёл всё быстрее. К нашему счастью, военный эшелон совершил манёвр и вернулся на прежнее место. Меня сняли с вагона, и я от мамы получила полотенцем. Мама ревела, а я не понимала, в чём провинилась.

Когда эшелон с фронтовиками отправился на запад, старики крестили и напутствовали солдат: «Возвращайтесь! Мы вас ждём!»

Выехали из Рыбинска. Чтобы пропустить литерный состав, наш эшелон остановили в поле на неопределённое время. Мы из дому везли петуха. Он всю дорогу кукарекал. Во время стоянки решили его сварить. Развели около вагона костёр, зарезали петуха и бросили в котёл. Неожиданно состав тронулся, и наш петух так и остался вариться в поле.

Довезли нас до Горького. Всех эвакуированных пересадили на баржу. Раздали чай, сухари. Нашу баржу обслуживали под-

ростки. Народу было много, и при погрузке все очень устали. Мама уложила меня спать, сверху накрыла моим пальто. Близилась осень, ночи были прохладными, и река по краям подмёрзла.

Проснувшись я от холода, в одном летнем платице с коротким рукавом. Моё пальто исчезло. Утром я всё же решила его найти и пошла по барже. Набрела на матросский кубрик, где пили чай. Один из матросов спросил, что мне нужно. Я сказала, что замёрзла и ищу своё пальто. Матрос снял бушлат и отдал его мне. В благодарность я им спела песню: «Как на речке было, на Фонтанке. Стоял извозчик, стал быть, молодой...» Детских песен я не знала.

На барже доплыли до Казани. Мальчишка, давший бушлат, подарил мне при высадке кусочек сахара и немного чёрного хлеба и сказал: «Расти здоровой».

В Казани всех эвакуированных расселили. Нас определили на подселение в частный дом. Маму устроили на переборку картошки. Я пошла в первый класс, сестра — в пятый.

Первый класс я закончила «на отлично», дали грамоту. Здесь же я получила свой первый заработок. На вечере, посвящённом годовщине Великого Октября, я рассказывала стихи и пела военные песни. После концерта мне дали ведро солёной моркови. Это стало прекрасным подспорьем для нашей семьи. Уже в том возрасте я хорошо понимала, как важно во всём помогать маме.

А у мамы начались проблемы со здоровьем. От голода стали опухать ноги. Её на полтора месяца положили в больницу. Мы с сестрой остались одни. Пришлось просить милостыню. Ходили по татарским деревням. Так как я была маленькая, то просить приходилось мне — маленькие вызывали жалость, и им охотней давали. Сестра в это время пряталась в кустах.

Помню, как-то постучалась в калитку, обратилась к хозяйке: «Подайте, Христа ради». Он рассердился, начал кричать. Я не так обратилась, не теми словами попросила. Его крик и лай злой собаки меня так напугали, что я громко заплакала. Русская женщина из этого села, у которой муж и свекровь были татара-

ми, пожалела нас, пригласила к себе, накормила и, так как надвигался вечер, оставила ночевать.

Ночью нас с сестрой разбудили громкие голоса, разговаривали на непонятном языке. Нам стало очень страшно. В доме собралось много мужчин и стариков. Мы решили, что нас хотят убить. Когда все разошлись, хозяйка увидела, что мы не спим и дрожим от страха. И объяснила, что жители деревни устроили охоту на волков, которые нападали на скотные дворы.

Столько лет прошло, а я до сих пор вспоминаю с благодарностью эту добрую женщину, которая в своей деревне собирала еду для нашей семьи. Нам уже не приходилось ходить по домам и просить милостыню. Раз в неделю мы приходили к тётке Наде, и она отдавала всё, что собрали жители татарской деревни для голодных русских детей.

Надо сказать, что и государство нам тоже помогало. Когда мама выписалась из больницы, нашу семью направили в деревню Корноухово Рыбно-Слободского района. Маму устроили поваром на полевой стан, сестра работала помощником комбайнёра, а я на обед зарабатывала песнями. Жили мы там же, в вагончике.

После освобождения Новгорода старшая сестра, работавшая в поселковом совете Выползово, прислала нам вызов, и мы вернулись домой. Оказалось, что наш район не был оккупирован немцами, и сестре не пришлось идти в партизаны.

Во время войны в нашем доме располагался госпиталь, поэтому мы поселились на частной квартире. О Победе мы узнали ещё раньше, чем об этом было официально объявлено. В полчетвёртого ночи к нам в окно постучались и сообщили, что война закончилась. Эта новость передавалась от дома к дому. Люди сначала не верили. А потом началась такая стрельба, радость, ликование!

**Елена Николаевна
Тейс**

Как-то дворовые
мальчишки
нашли мину,
разожгли
на пустыре костёр
и бросили туда
мину.

Елена Николаевна Тейс

Война ещё долго напоминала о себе

Я родилась в Новгороде. Мой отец, Тейс Николай Георгиевич, уже в первые дни войны был призван в Красную Армию и направлен на Северо-Западный фронт, под Старую Руссу. Мне тогда было всего четыре года.

Нашу семью эвакуировали в деревню Яхно Вологодской области. Поселили в новой пустой избе. Мама работала, а я целыми днями сидела дома. Зима была снежная и морозная. **Большую часть времени я проводила у окна, наблюдала за собаками, которые бродили вокруг избы. Позже я узнала, что это волки.**

Там мы прожили одну зиму. А когда получили известие от родственников, эвакуированных в город Омутнинск Кировской области, то переехали к ним.

Жили мы недалеко от озера. Помню, однажды пришли мы с бабушкой на озеро, и вдруг из него поднялось большое облако. Это явление настолько поразило меня, что я закричала. Так я впервые познакомилась с круговоротом воды в природе.

Мамина работа была в шести километрах от дома. Из-за волков маме было страшно ходить одной.

Помню, как папа прислал кусок парашютного шёлка, и мама обменяла его на козу. Коза была бодливая, и я её очень боялась.

В этом городе мы прожили до освобождения Ленинграда, куда приехали в 1944 году, получив вызов от родственницы.

Летом 1942 года военную часть, в которой служил отец, переформировали, и его направили на 2-й Белорусский фронт, в сапёрную часть особого назначения, которая строила переправы через водные преграды. Эта часть занималась ещё и разминированием освобождённых населённых пунктов.

Отец со своей частью освобождал Кёнигсберг, дошёл до Берлина и даже написал на стене Рейхстага: «Тейс из Новгорода». Там же, на другом конце, расписался его старший брат: «Тейс». Но в Берлине они не встретились. Был отец и на Эльбе. Сначала в его части числилось около тысячи бойцов, до Победы дошли единицы.

После войны воинскую часть, где служил отец, направили на восстановление Минска. Отец получил неделю отпуска и приехал повидаться с семьёй. Его мать и сёстры тоже вернулись в Ленинград.

Потом со своей мамой они поехали в Новгород, чтобы посмотреть, сохранился ли наш дом. Дома, конечно же, не было. Побывали они и на Рождественском кладбище, где с XIX века находился наш семейный склеп. Но немцы использовали его как огневую точку. **Везде валялись разбросанные останки наших предков. Всё, что смогли, собрали в ящик и перезахоронили.**

В городе отец встретился с председателем горисполкома, Юдиным Михаилом Васильевичем, с которым был давно знаком.

До войны Михаил Васильевич занимал ту же должность, а в военное время был в партизанском отряде. Он предложил отцу вернуться в Новгород и возглавить его восстановление. Сделал запрос через ЦК КПСС, и отца из Минска перевели в Новгород. С января 1946 года отец приступил к работе в нашем городе в должности начальника «Ремстройтреста». В марте этого же года ему дали комнату на Суворовской улице, дом 17, куда он и перевёз свою семью.

Николай Георгиевич Тейс

Новгород тогда представлял собой сплошные развалины и кучи земли, заросшие бурьяном. Помню огромные очереди за хлебом, другими продуктами, за керосином. В очередях стояли ночами. На пустыре жители нашего дома, мы в том числе, разбили грядки, посадили картошку.

С нами по соседству пленные немцы строили двухэтажное деревянное здание. Бабушка иногда давала мне несколько горячих картофелин, которые я им относил и подсовывала под забор. Тощие, грязные, голодные немцы были благодарны даже за эту крохотную помощь.

Как-то дворовые мальчишки нашли мину, разожгли на пустыре костёр и бросили туда мину. Одному из ребят, 8-летнему пацану, взрывом разорвало живот. Все внутренности вывалились наружу. Мальчик в агонии бегал и пытался затолкать их обратно. Это было страшное зрелище. Война ещё долго напоминала о себе.

К 1947 году отец построил небольшой дом, куда переехала наша семья. Вернувшиеся горожане старались строить частные дома. На восстановление Новгорода направлялись строительные бри-

гады из всех городов и районов области, которые во время войны не были оккупированы фашистами. Здесь работали Батецкая, Боровичская, Крестецкая и другие строительные бригады.

Летом 2012 года на улице Батецкой на одном из домов-новостроек открылась мемориальная доска в честь батецких строителей, восстанавливавших город.

Для временного проживания строились деревянные бараки. Строители приезжали со своим скарбом и живностью — козами, коровами и пр. Отдельные рабочие в этих бригадах сменялись, но большая часть людей прижилась в городе, отчасти и поэтому увеличивалось его население.

До 1947 года на восстановлении Новгорода использовался и труд военнопленных. Их лагерь располагался за Никольской заставой, где сейчас разбит парк имени 30-летия Октября.

**Людмила Кимовна
Умарова**

Когда я смотрю
на его юношескую
фотографию,
я представляю
его возможную
будущность, если бы...

Людмила Кимовна Умарова

«Ах, война, что ты подлая сделала!»

Нет на свете дела подлее, безнравственнее и бесчеловечнее, чем война. Последняя война своим тяжелым сапогом прошла по миллионам жизней, смешала планы людей, разрушила семьи, изменила судьбы. Вот уже четвертое поколение, не знающее войны, живет на нашей земле, а мы все помним минувшую бойню и не забудем никогда.

Нет, наверное, в нашей стране семьи, на которой война не оставила бы свой страшный след. Моя семья не исключение.

Когда началась война, моему отцу было 16. Он закончил десятилетку, и перед ним открывались чудесные возможности, замечательное будущее.

Ким Васильевич Кудряшов был высок, мускулист, красив. Ясный взгляд голубых глаз, прекрасный звучный голос, белозубая улыбка

ка. Он прекрасно пел, читал стихи, посещал драмкружок и, кто знает, мог сделаться замечательным артистом. Когда я смотрю на его юношескую фотографию, я представляю его возможную будущность, если бы... Если бы не случилась эта проклятая война.

Но она случилась, и мой отец, как тысячи других юношей, в первые же недели войны отправился в военкомат. Он прибавил себе два года, проще говоря, подделал документы и вступил в народное ополчение. Я думаю, он был не одинок в своем стремлении пойти на фронт. Наверное, многие его сверстники делали то же самое, потому что военное начальство не обратило никакого внимания на дату его рождения.

Да что говорить, ведь его собственный отец, который был политруком, не препятствовал своему сыну идти на фронт. Чтобы хоть как-то обезопасить Кима, он сделал единственное, что посчитал возможным, — приписал его к своей воинской части.

Но судьба распорядилась иначе. В первом же бою под Ленинградом прямым попаданием снаряда мой дед Кудряшов Василий Николаевич был убит на глазах своего сына. А Ким Кудряшов был ранен в левую руку выше локтя, контужен и в бессознательном состоянии взят немцами в плен.

Когда я была ребенком, часто просила отца рассказать о войне, но он не любил об этом говорить, отмалчивался. Слишком сильную душевную боль вызывали у него воспоминания о минувших событиях. Когда я уже была подростком, мы иногда ездили на рыбалку с отцом, и вечерами у костра папа все же рассказывал о войне, о плене, о концлагере, о своих скитаниях и злоключениях.

Когда он очнулся, все было уже кончено: над ним стоял немец с автоматом. Мой папа, 16-летний мальчишка, оказался среди таких же раненых, как он. Когда я думаю об этом, у меня по телу проходит дрожь. Я в этом возрасте еще играла в куклы, а тут...

Отец погиб, его останки на глазах сына разметало вражеским снарядом. Сам Ким ранен, истекает кровью, рука безжизненно повисла, рукав набряк от крови, голова идет кругом. И полная

неизвестность впереди! Спасало то, что не один, вокруг советские военнопленные, многие ранены, некоторые контужены, ничего не помнят.

По пути в лагерь, устроенный в районе Гатчины, Ким встретил знакомую санитарку из своей части. В лагере военный врач, тоже оказавшийся в плену, сделал операцию, удалил осколки без всякого наркоза.

Но то ли осколки задели нерв, то ли во время операции произошло что-то непредвиденное, только рука очень скоро стала сохнуть. Пальцы не разжимались и не работали, так на всю жизнь и остались безжизненной, не чувствительной ни к чему гроздью.

Но Костя, такое имя моему отцу дали в лагере (только за имя, которое он носил, ему грозил расстрел, ведь КИМ — это Коммунистический Интернационал Молодежи), не унывал и был рад тому, что остался жив. Но какая жизнь ожидала его дальше!

16-летний мальчишка, в первом же бою изувеченный фашистской гранатой, в одночасье превратившийся в инвалида, многие месяцы ничего не видел, кроме колючей проволоки, оскаленных сторожевых псов и автоматчиков с их возгласами «Халть!». Голод, рабский труд, антисанитария, вши, болезни. Спасали товарищи, которые помогали всем, чем только могли, отдавали последнее, делились крохами и поддерживали друг друга.

Потом отец работал батраком в Литве, когда его, умирающего, подобрали в концентрационном лагере из жалости.

Рассказывая об этой поре своей жизни, отец плакал.

Ким Васильевич Кудряшов

«Знаешь, что такое доходяга? — рассказывал он. — Я, взрослый мужчина, весил 40 килограммов, еле таскал ноги. Меня ожидала либо смерть от истощения в лагере, либо расстрел, потому что нетрудоспособных расстреливали на месте. И вот один литовский фермер выпросил у лагерного начальства бесплатных работников. «Все равно умрут, так лучше пусть поработают, хоть какую-то пользу принесут».

Именно это и спасло моему отцу жизнь. Привезли его на удаленный литовский хутор на телеге, а он и слезть с нее не может.

Стали кормить, поставили пасти стадо.

«Коровы бредут себе потихоньку, щиплют травку. Я за ними на своих нетвердых ногах, — продолжает, вздыхая, отец, — а тут канава. Коровы-то ее перешли и медленно двинулись дальше. А я в канаву-то спустился, а вылезти не могу. Сил нет. Сижу и плачу. Так и просидел до темноты, пока хозяин-литовец не нашел меня и не привез на лошади на хутор обратно».

До самой смерти встречался мой отец каждый год со своими однополчанами и с той самой санитаркой, которая ассистировала лагерному хирургу на операции, а потом выхаживала отца в лагере.

После освобождения из трёхлетнего плена отца ожидали нелегкие годы. Допросы особистов, следствие, высылка на пять лет без права проживания в крупных городах. Но отец не озлобился, не обозлился ни на власти, ни на судьбу.

Вернувшись в Ленинград, он устроился в артель чертежником, поступил в техникум и познакомился с моей мамой Куликовой Тamarой Сергеевной, судьба которой не менее драматична.

Тамарочка — только так, и не иначе, называли кареглазую красавицу, отличницу, комсомолку, которую любили все без исключения. Мама мечтала о высшем образовании, но война спутала все планы, неожиданно взорвав мирную жизнь семьи Куликовых.

Моя бабушка Татьяна Михайловна, дед Сергей Яковлевич, их дочка Тамара, моя мама, и сын, мой дядя Гурий, жили в коммунальной квартире в двух комнатах на Гороховой улице и были обычной семьей. Родители мечтали дать детям образование и ничего не жалели для этого, хотя и были самыми простыми людьми.

Бабушка приехала в Петроград в 1921 году, а дед еще раньше, в 1910-м. Война застала их в Ленинграде. На тот момент бабушка работала официанткой в столовой, а дед заведовал магазином.

Когда началась блокада, а это случилось неожиданно быстро, никаких мыслей по поводу отъезда из города у Куликовых не было. Никто и представить себе не мог, что блокада продлится 900 долгих дней, а война затянется на целых 4 года.

Татьяна Михайловна и Сергей Яковлевич с дочкой Тамарой

Дед по болезни не подлежал призыву, взрослые работали, дети учились, если можно так сказать. Сразу же с полок магазинов исчезли продукты, были введены карточки, нормы выдачи хлеба стремительно уменьшались. Правда, в школах детей кормили. Как рассказывала мама, давали суп из растворенных в воде дрожжей и лука, немного хлеба. Вот и вся еда.

Когда перестал работать водопровод, мама с братом ходили каждый день за водой на Фонтанку. А мой дядя должен был добывать еще и топливо для буржуйки. Так называли маленькие печечки, ко-

Дядя Гурий

Гурием должны были отоваривать карточки. Очередь за хлебом занимали с раннего утра, когда было еще совсем темно.

Однажды, когда бабушка возвращалась с работы, у неё из рук вырвали сумку с карточками. Это произошло в самом начале месяца. Семья осталась без карточек, и всех ждала неминуемая смерть. Бабушка пришла домой вся в слезах, упала на пол и закричала: «Мы все теперь умрем!»

Свирепствовала самая холодная и самая голодная первая блокадная зима. Прямо на улицах лежали трупы умерших людей, это уже никого не удивляло. Было очень страшно. И тогда дедушка отдал семье свои карточки рабочего, тем самым практически спас жизнь жене и своим детям.

Он умер через две недели. Бабушка, мама и дядя завернули его тело в простыню и на детских саночках отвезли на Волково

торые появились почти в каждой комнате, отопление ведь тоже не работало. На такой печке, труба которой выходила прямо в окно комнаты, грели чайник, подсушивали хлеб, наполовину состоявший из отрубей и опилок.

Дров в городе не было. Все деревянные строения очень скоро были разобраны жителями на дрова, и в качестве топлива люди использовали книги. Неподалеку от своего дома мой 12-летний дядя нашел разбомбленную библиотеку и каждый день ходил туда за книгами, которые жгли вместо дров.

Самым страшным испытанием для моих родных стала утрата карточек. Бабушка работала, а Тамара вместе с младшим братом

кладбище. За полбуханки хлеба купили гроб и похоронили его в общей могиле. Когда я была совсем еще девочкой, бабушка возила меня на Волково кладбище. Мы пытались найти то место, где, по воспоминаниям, бабушки лежит мой дед.

Но столько времени прошло. Вокруг все так изменилось, поставили обелиски, разбили газоны. Это место мы так и не нашли, но каждую осень ездили с бабушкой на кладбище с цветами в память о дедушке.

Как рассказывала мама, в эту блокадную зиму, оставшись втроем, они спали на одной кровати, чтобы было теплее. После смерти деда дети боялись умереть от голода, и бабушка решила эвакуироваться. Весной, пережив первую, самую страшную блокадную зиму, семья эвакуировалась через Ладожское озеро на барже в деревню Кобона, а потом в Сибирь.

Два месяца ехали в вагонах для скота, но были счастливы, что остались живы. Разместили семьи эвакуированных в Новосибирской области в районе станции Тагучин, выдали по мешку картошки на каждую семью на первое время. Каким богатством казалась эта картошка голодным ленинградцам!

Бабушке, прекрасной портнихе, удалось вывезти из блокадного Ленинграда ручную швейную машинку, на которой она зарабатывала, обшивая местных женщин. Мама получила почти полное среднее образование и была чуть ли не самой образованной во всей округе. Ей предложили работать в местной школе учительницей начальных классов.

Тамара Сергеевна Кудряшова

Она, конечно, с готовностью согласилась. Но работать пришлось не только в начальной школе. Учителей не хватало, пришлось проводить уроки физкультуры, истории, географии и работать не только с малышами, но и со старшеклассниками. Порой в одном классе оказывались семилетки и пятнадцатилетние ребята. Что поделаешь? Война!

Через год мама сдала экстерном экзамены на аттестат зрелости и уехала в Новосибирск поступать в институт. Ей повезло: в Новосибирске работал эвакуированный из Ленинграда Оптико-механический институт, куда моя мама сразу же и поступила. Так началась ее студенческая жизнь.

Она и ее однокурсница снимали угол у хозяйки в частном доме и жили за печкой. Потом они заболели чесоткой и очень боялись, что хозяйка их выгонит. Им приходилось по ночам мазаться какой-то вонючей мазью, чтобы вылечиться от этой самой чесотки.

В институте студенты получали хлеб по карточкам, и мама раз в 2 недели ездила в деревню навещать родных, возила им хлеб и брала у них картошку.

Время было военное, пассажирские поезда не ходили, все товарные охранялись военными. Чтобы сесть на поезд, нужно было иметь пропуск. Кто же даст такой пропуск девчонке, чтобы съездить к маме! **Сколько раз ее ссаживали с поезда, но она все-таки умудрялась правдами и неправдами доехать до станции Тагучин и кубарем скатиться с поезда прямо в снег.** Могла себе и шею свернуть, но все обошлось.

Перед станцией поезд шел медленнее. Это, наверное, и спасало маму. А дальше шла долгих 8 километров через заснеженный лес. Всю дорогу от станции и до самой деревни маму провожали волки; она рассказывала, что две красные точки (глаза волков ночью светятся красным) то слева, то справа неизменно появлялись в темноте. Сердце замирает от страха, а она идет и песни поет, чтобы не так жутко было. Проведает маму и брата, переночует, а на следующий день — в обратный путь.

Скатиться с поезда, с железнодорожной насыпи в кювет, конечно, страшно и опасно. А вот как сесть на товарный поезд, который не останавливается, да еще и охраняется вооруженными людьми?

Вагоны — открытые платформы, нагруженные углем или щебнем. Поезд перед станцией немного притормаживал, и мама, эта почти еще девочка, рискуя жизнью, с разбега бросалась на поезд, хваталась за что только можно, часто срывалась и падала, царапая себе руки и лицо. А вагоны шли и шли мимо. «Вот сейчас прыгну, вот сейчас!» — говорила она себе. Сердце бешено колотилось где-то в горле, под ложечкой замирало. И вот толчок, бросок — и мама на куче щебня или угля, прикинув всем телом, едет до самого Новосибирска. А там еще нужно до вокзала незаметно слезть с поезда, а то поймают и в комендатуру отведут. Время-то военное! Шутки плохи!

Когда блокада была снята, мама вместе с институтом вернулась из эвакуации в Ленинград, а потом вызвала родных. Так моя семья опять вернулась домой. Куликовы получили комнату на набережной Фонтанки в полуподвальном помещении. Когда в городе случалось наводнение, их заливало, и они спасались от воды у соседей с верхних этажей. Но они были живы, все вместе, в своем родном городе!

Мой дядя Гурий во время войны был подростком. Он рассказывал мне о военном времени, в основном о жизни в эвакуации. Гурий уже тогда понимал, что он единственный мужчина в семье и должен взять на себя всю мужскую работу. Подросток ходил в лес за дровами, обеспечивал кормом поросенка, которого они купили, надеясь откормить.

Но кормить поросенка было нечем. На одних картофельных очистках он рос рахитичным и больным. А когда его закололи, и есть-то особо было нечего.

Гурий познакомился с местным охотником. Дед был старым, хромым, на фронт его не брали. Охотиться ему было тяжело, но в деревне только у него было ружье. Старик научил дядю стрелять, давал ему патроны и разрешал охотиться. Убьет Гурий на охоте четырёх уток, трёх отдаст хозяину ружья, одну — себе.

Убьет дядя трёх зайцев, ему достается только один, остальные — охотнику. Так и жили.

«Все матери полегче», — рассказывал Гурий. Война научила этого 13-летнего мальчика прежде всего думать о своих родных, заботиться о членах своей семьи, научила его труду и терпению, жалости и любви к своим близким. Уже потом, в мирной жизни, я наблюдала за отношениями между братом и сестрой, Гулькой и Тamarочкой, как они называли друг друга. Никаких ссор, только нежность, забота и любовь.

Вернувшись в Ленинград, Гурий поступил в мореходку. Выбирая профессию, рассуждал так: кормят бесплатно, форму выдают, всё матери подмога. Гурий Сергеевич окончил училище имени Макарова, кораблестроительный институт. Став корабелом, проектировал подводные лодки. У него несколько изобретений.

Сейчас никого из моих родных старшего поколения уже нет в живых, но я часто думаю о них, об их героическом прошлом.

Недавно, перебирая старые фотографии и документы, я наткну-

Доверенность

лась на пожелтевший листок картона и чуть не выбросила его. Вчитавшись, я поняла, что у меня на ладони лежит живая история. Этот кусочек картона — доверенность, написанная моим отцом на передовой. Наверное, мой папа перед войной устраивался подработать и поручил матери получить свою зарплату. Уходя на фронт, сам этого сделать не мог. Дата на доверенности — 29 июля 1941 года, подпись удостоверена начальником штаба.

Вот что могут рассказать нам старые документы и старые фотографии. Мы помним!

Светлана Евгеньевна Карпова

К смерти готов
каждый,
на фронте это —
привычное,
нормальное
состояние.

Светлана Евгеньевна Карпова

Гремящие военные годы

Гремящие военные годы.... Всё меньше остаётся представителей того поколения, которому довелось пережить горький трагический рассвет 22 июня 1941 года и наполненное бурной радостью солнечное утро 9 мая 1945-го.

В нашей семье бережно хранятся дорогие реликвии: фотографии, письма, красноармейская книжка, военный билет моего деда, стихи и песни, написанные им во время войны. Сохранилось даже Пособие командиру и бойцу стрелкового отделения и Дисциплинарный устав Красной Армии.

Мой дедушка, Максимов Пётр Иванович, родился в 1906 году в деревне Заболотье Старорусского района Новгородской области. В 1918 году окончил местную начальную школу.

СС СР

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ

Серия А № **01869**

Фамилия Максимов
 Имя и отчество Пётр Иванович
 Год рождения 1906
 Личная подпись владельца Максимов
 Выдан Шаргородским гарнизонным комиссариатом
 М. П. Шаргородский гарнизонный комиссариат
 Место для фотосъёмки

I. Военно-учетные сведения

1. Год рождения	<u>1906</u>	
2. Отметка о категории учета	Запас <u>первой</u> (прописью) категории	
3. Группа учета	<u>В. В.</u>	
4. Состав	<u>Сержант</u>	
5. № военно-учетной специальности	<u>48</u>	<u>48</u>
6. Наименование военно-учетной специальности	<u>Связисты проб. спец. Кав. мех. м. п.</u>	
7. Наименование должностной квалификации	<u>Конт. сержант связи</u>	
8. Военное звание	<u>Сержант</u>	

Пётр Иванович Максимов
справа. 1943 г.

Пётр Иванович Максимов

В 22 года был призван на срочную службу, зачислен в эскадрон связи 4-й Краснознамённой кавалерийской дивизии, через два года уволен в запас.

Дедушка прошёл связистом две войны: Советско-Финляндскую и Великую Отечественную. Домой вернулся в октябре 1945 года.

К сожалению, дедушки уже нет с нами. По словам моего отца, Пётр Иванович не любил вспоминать военное время. А если и вспоминал, то почти всегда со слезами на глазах. **Он прошёл две войны и остался живым, потому считал себя счастливым человеком.** Но война забрала родных и близких людей, однополчан, друзей, многих изувечила, отняла молодость и здоровье. Вспоминать об этом было трудно даже спустя долгие годы. И всё-таки о своём военном прошлом он иногда рассказывал.

Самым тяжёлым испытанием моральных и физических качеств бойца, считал дедушка, был бой. Его выдерживали далеко не все, особенно в первые месяцы войны. Бой мог начаться после утомительного марша и продолжаться несколько суток.

III. Сведения о прохождении призыва на действительную службу

1. Призван Шаргородским (каким военкоматом, какой области и когда)
Новг. обл. Ноябрь-28г.
 Призван годным к службе (указать степень годности к военной службе)

и зачислен Эскадрон связи (указать в какую часть или в запас)
Чая Лен. Красноз. кавал. дивизии

Измерения роста, головы, ступни в сантиметрах или условных номерах (ростовках)			
Рост	Окружность головы	Размер противотазы	Размер обуви
<u>168</u>	<u>56</u>	<u>2</u>	<u>41</u>

IV. Краткие сведения о прохождении службы в кадрах Красной Армии, Военно-Морского флота, пограничных и внутренних войск Министерства внутренних дел

(Указать время прибытия и часть, основные перемены, специальность, должностные квалификации и время увольнения в запас)

1. Эскадрон связи - с ноября-28г. по ноябрь-30г.
уволен в запас 6.11.30г.
 Призван на мобилизацию Шаргор. Р. В. К. 7.9.39г.
в авио-базе - связист
с сент.-39г. по июль-40г.
Уволен в запас 5.7.40г.
 Призван на мобилизацию Шаргор Р. В. К. 23.6.41г.

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ
КНИЖКА

III. Участие в походах, награждения и отличия

Награда, где участвовал в боях	Дата	Ранение	Особые заслуги
В боях с белофиннами	1939-1940		
Отеч.-Земля фр.	26.6.1941		
3 Прибалт. фронт	10.12.1941		
3 Белорусский фронт	15.6.1944		
Прибалт. фронт	15.7.1944		
2 Приб. фронт	15.7.1945		
Прибалт. фронт	15.7.1945		
Прибалт. фронт	15.7.1945		

IV. Вещные ценности

Наименование	Материал	Изготовитель	Срок службы
Шапка (шлем) зимняя			
Пилотка	Л	УС IV	
Фуражка			
Шпатель	Л	УС IV	
Гимнастерка сун.			
Гимнастерка хл.-б.	Л	УС IV	
Шаровары сукон.			
Шаровары хл.-б.	Л	УС IV	

Чтобы, несмотря на опасность, выполнить поставленную задачу, да к тому же сохранить свою жизнь и жизнь товарищей, требовались находчивость, смелость, выносливость и сила.

Дед на войне был связистом. Передавал устные и письменные приказы, следил за сигналами командира. Связисту нужны острое зрение, хороший слух, отличная память.

Он прошёл две войны без единой царапины, и это воспринимается, как чудо. **Рассказывал, что люди на войне быстро привыкают к постоянной опасности и становятся равнодушными к смерти, ибо она подстерегает на каждом шагу.** К смерти готов каждый, на фронте это — привычное, нормальное состояние.

Демобилизовался Пётр Иванович в конце сентября 1945 года. Вернулся в родную деревню. Там его ждала жена, с которой они поженились задолго до войны, в феврале 1931 года. Они вместе пошли работать в колхоз, поднимать разрушенное хозяйство.

Мой дедушка умел воевать и умел работать. О его ударном труде не раз писали газеты «Трибуна» и «Старорусская правда». В нашем семейном архиве сохранилась стопка старых пожелтевших газет, и нам остаётся только удивляться тому подъёму, с которым трудились люди, перенёсшие столько бед и лишений! Колхоз имени Чапаева стал со временем колхозом-миллионером!

Сохранились записные книжки моего дедушки, а в них — его собственные стихи и песни: «Шарф голубой», «Провожала мать

Место рождения и постоянного жительства. Домашний адрес, фамилия, имя и отчество жены или родителей

Род. Мат. Мать: **Матильда Матильда**

Отец: **Матильда Матильда**

II. Прохождение службы

Часть, подразделение, специальная должность и звание	Место и время	Срок службы	Ранения
Отец: Матильда Матильда	1939-1940		
Мать: Матильда Матильда	1939-1940		
Отец: Матильда Матильда	1939-1940		
Мать: Матильда Матильда	1939-1940		

III. Вещные ценности

Наименование	Материал	Изготовитель	Срок службы
Шапка (шлем) зимняя			
Пилотка	Л	УС IV	
Фуражка			
Шпатель	Л	УС IV	
Гимнастерка сун.			
Гимнастерка хл.-б.	Л	УС IV	
Шаровары сукон.			
Шаровары хл.-б.	Л	УС IV	

сыночка», «Чёрные косы», «Под ракитой зелёной», «Ответ на огонёк», «Медсестра», «Голубой конверт», «Твой портрет», «Морячка», «Песня лётчика», «Нас разлучила война» и др.

Нынешнее поколение молодых людей должно помнить и чтить тех, кто вынес на своих плечах все тяготы военного и послевоенного времени. Нам даже трудно представить, как можно было совершить такое? И что это были за люди?

Это были настоящие герои!

Провожала мать сыночка

13 мая 1945 г.

Провожала мать сыночка,
Крепко, крепко обняла;
Не отерла глаз платочком —
Горьких слез не пролила.

Не жалея отваги, силы.
Бей злодеев до конца!
Я вспоила и вскормила
Победителя-бойца.

«Враг суровый угрожает,
Туча черная идет.
Не одна я провожаю
Сына милого в поход.

Я даю тебе платочек.
Вытирай им пот и кровь.
В том платочке завязала
Свою крепкую любовь.

Горевать мне нет причины.
Я не труса родила!
Отправляйся, сын родимый,
На великие дела!

Как герой с врагом сражайся!
Все отдай за край родной.
К нам с победой возвращайся,
Мой сыночек дорогой!»

Пётр Иванович Максимов

Анюта

7 апреля 1945 г.

Дул холодный порывистый ветер,
И во фляге замерзла вода.
Нашу встречу и тот зимний вечер
Не смогу я забыть никогда!

Был я ранен, и капля за каплей
Кровь горячая стыла в снегу.
Наши близко, но силы иссякли,
И не страшен я больше врагу.

Мне столетьем казалась минута!
Шел по-прежнему яростный бой,
Медсестра молодая, Анюта,
Подползла, прошептала: «Живой?»

Ты проснись, погляди на Анюту,
Докажи, что ты, парень, — герой!
Не сдавайся, ты смертушке лютый.
Посмеемся над нею с тобой».

И взвалила на девичьи плечи.
Отодвинулась злая беда.
Нашу встречу и тот зимний вечер
Не смогу я забыть никогда!

Михаил Степанович Сергеев

О той войне,
которой как будто
и вовсе не было,
следует помнить.

Михаил Степанович Сергеев

Память — лучшее, что у нас сегодня осталось

Ушедший в прошлое XX век навсегда останется в народной памяти как один из самых жестоких и кровавых в истории. Он принёс человечеству две мировые войны, сотни локальных войн и вооружённых конфликтов. Никогда не забудутся миллионы погибших, исковерканные судьбы, стёртые с лица земли города и сёла.

Вполне возможно, наши потомки будут с недоумением размышлять, почему мы так жили, во имя каких идеалов принесли в жертву миллионы людей. Хочется верить, что для них останутся священными такие слова и понятия как Отечество, Долг, Честь.

Михаил Степанович слева.
КНР. 1953 г.

Закончилась Великая Отечественная война. После Победы казалось, что люди извлекут уроки из этой страшной бойни и сделают всё, чтобы прошлое не повторилось.

Но на смену «горячим» войнам пришла война «холодная», которая породила сотни кровавых конфликтов. Более чем в 30 из них на территории 17 стран и 4 континентов,

в той или иной степени, принимали участие советские солдаты и офицеры. Их количество исчисляется сотнями тысяч, тысячи из них погибли.

Наши военнослужащие принимали участие в боевых действиях в Китае, Корее, Венгрии, Алжире, Египте, Сирии, Йемене, Вьетнаме, Эфиопии, Анголе, Мозамбике, Бангладеш, Лаосе, Ливане и других странах. Активно участвовали в известных событиях на Кубе, в Чехословакии, Афганистане.

Умирать тяжело всегда. Но умирать за правое дело, защищая Родину, — это оправдано и понятно. И, может быть, легче морально. А вот погибать в мирное для страны время, да ещё вдали от родной земли, иногда не понимая за что, во сто крат тяжелее.

Сейчас трудно, почти невозможно представить, что чувствовали они, умирая под чужими фамилиями и в чужой военной форме в небе Кореи, в Аравийских пустынях, в джунглях Вьетнама или на улицах и площадях Будапешта. Они приняли присягу на верность Отечеству и свой воинский долг выполнили до конца.

Но... На Родине им не поставлены величественные памятники, не сооружены мемориалы, в их честь не названы улицы и посёлки. На домах, где они жили, нет даже скромных мемориальных табличек.

До последнего времени участие наших соотечественников в локальных войнах после Великой Отечественной войны за-

Экипаж радиолокационной станции. КНР. Октябрь 1954 г.

малчивалось. И до сих пор эта славная страница нашей военной истории остаётся неизвестной для современников. Это неправильно и несправедливо.

***

Мне не довелось воевать в Великую Отечественную: в 45-м мне исполнилось всего 16 лет. Впрочем, войн и сражений хватило и на мой век.

Военная служба определила моё участие в боевых действиях в так называемой неизвестной Корейской войне 1950—1953 годов и в венгерских событиях 1956 года.

После разгрома Квантунской армии в 1945 году Корея ещё не знала деления на Северную и Южную. А вот Китай оставался расколотым на два лагеря: на образовавшуюся при поддержке СССР Китайскую Народную Республику и противостоящие ей силы, возглавляемые Чан Кай-ши. Гоминьдановского лидера

У Юнь-Шин. 11 декабря 1954 г.

финансами, вооружением и собственным военным присутствием поддерживали Соединённые Штаты, развязавшие в этом обширном регионе крупномасштабную войну.

Ни Корея, ни КНР хоть сколько-нибудь организованной авиацией и зенитной артиллерией тогда не обладали, и на помощь им пришёл победоносный «старший брат». Почему-то окружив эту помощь военной и дипломатической тайной.

Таким образом, спустя всего пять лет после Великой Победы в дальневосточном небе Советский Союз схватился со своим недавним союзником, ставшим врагом, — Соединёнными Штатами. Возможно, это столкновение ещё тогда отбило у американцев охоту к войне «горячей» и заставило их предпочесть её «холодные» варианты.

Это был первый в истории войн случай массового применения реактивной авиации. И начало так называемой радиоэлектронной войны. А я как раз только что окончил Гомельское училище инструментальной разведки...

На северном побережье Корейского залива, в районе города Аньдун, что на реке Ялуцзян, расположились аэродромы и службы 64-го истребительного авиационного корпуса (ИАК) и две зенитно-артиллерийские дивизии. В состав корпуса входил и экипаж радиолокационной разведки дальнего обнаружения, которым командовал я.

64-й ИАК был основной боевой единицей в Корейской войне и действовал с территории Китая. Он выполнял главную задачу — защиту территории Северной Кореи и Северо-Восточного Китая от ударов бомбардировщиков, а также защиту стратегических и военных объектов.

Мои два локатора стояли на вершине господствующей 200-метровой сопки. Они «просматривали» территорию на расстояние до 400 километров, — а это половина Корейского полуострова (с севера на юг). Наша задача: как можно раньше «увидеть» самолёты противника, определить, по возможности их тип, примерное количество и высоту полёта.

Эти данные немедленно шли на КП корпуса, где оценивалась воздушная обстановка. Налёты совершались группами от 50 до 300 самолётов. Особое значение придавалось определению их количества. От этого зависело, сколько истребителей надо было поднять в воздух и как их выводить на цель.

В вопросе «сколько» 64-й корпус сильно проигрывал американцам, открыто державшим на Дальнем Востоке миллионную армию. И тем не менее успешно им противостоял. Именно так завещал воевать наш великий земляк граф Суворов-Рымникский: «не числом, а умением».

Американцы никогда не воевали на равных. За три года в Китае я не видел ни одного боя «пара на пару». Хотя при соотношении 30 к 4 они смело бросались в бой. Старались задавить количеством. Но это у них, как правило, не получалось.

***

Статистика — наука точная. А она свидетельствует: на 1 ноября 1952 года в распоряжении 64-го корпуса было 320 самолётов, у американцев — 2300. То есть в семь раз больше! Приблизительно в таких же соотношениях и воевали. Только в бомбардировках моста через Ялуцзян в январе 1953 года, к примеру, за пять дней участвовало 1166 американских самолётов.

А вот другой пример. 1 апреля 1951 года американцы совершали налёт, в котором участвовало 48 «летающих крепостей» В-29

«Товарищу Сергееву на вечную память от Лиды. 25 ноября 1954 г.»

(этот самолёт печально известен бомбардировкой Хиросимы). Их прикрывали более двух сотен истребителей F-86 («сейбр»). Эту армаду встретила группа всего лишь из 50 наших МИГ-15, которую вёл сам командующий корпусом генерал-лейтенант Лобов.

Результат встречи: 12 сбитых «крепостей» и 4 «сейбра».

И ни единого потерянного МИГа! За этот бой гвардии капитан Сергей Крамаренко первым в той войне удостоился звания Героя Советского Союза. Всего же из Корейской войны Героями вышло 35 советских лётчиков.

Вот лучшие из них: полковник Евгений Пепеляев и капитан Николай Сутягин сбили по 23 самолета противника; капитан Лев Щукин и подполковник Александр Сморгчов — по 15 самолётов, майор Дмитрий Оськин и капитан Михаил Пономарёв — по 14; капитан Сергей Крамаренко сбил 13 самолётов.

Первоапрельский бой 1951 — не единичный случай. Подобная схватка имела место 30 ноября того же года. Правда, тогда был сбит и наш истребитель. Но пропорции сил и результатов обычно оставались неизменными на протяжении всей войны.

Ещё немного статистики. За три года боевых действий 64-й корпус потерял 345 самолётов, американцы — 1309, причём 212 из них были сбиты нашими зенитками времён Великой Отечественной войны.

В чём же секрет такого успеха русского оружия? Ясно, что не в количестве. Так, может быть, в качестве?

Думаю, нет. Американские и советские истребители по тактическим возможностям были примерно равны. Если тяга двигателя МИГа сильнее на вертикалях, то «сейбры» имели преимущества в скорости и радиусе разворота.

Возникает естественный вопрос: «Возможно, в Китае в ходе войны поставлялись более совершенные модификации наших истребителей?» Тоже нет. В то время, как в Союзе повсеместно уже стояли на вооружении МИГ-17 и даже отдельные эскадрильи МИГ-19, над Китаем и Кореей наши лётчики всё ещё летали

на 15-х. Это как раз американцы опробовали там все свои новейшие модификации.

Получается, у нас ни в чем не было перевеса, но эффект поразительный! В чём же всё-таки причина наших побед, какими такими особыми секретами мы владели?

Всё дело в наших людях! Действительно, в дальневосточном небе американцы столкнулись с прославленными асами Великой Отечественной. А это ведь не раздавленную Японию добивать и не беззащитную Сербию с безопасного расстояния ракетами забрасывать!

Достаточно вспомнить хотя бы, что одной из дивизий в той войне командовал трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб. А он там был далеко не единственным Героем!

Потому, вопреки всем преимуществам, и горели на корейской земле хваленые «фантомы». Именно потому гнали их за спасительную 38-ю параллель наши маленькие МИГи — родные братья того, что повис в Великом Новгороде над Большой Санкт-Петербургской у въезда на Колмовский мост.

Советские лётчики-истребители достойно следовали славным боевым традициям героев Великой Отечественной войны. Они проявили себя бесстрашными воинами и настоящими мастерами воздушного боя. Это была первая в истории война с массовым применением реактивной авиации и средств радиоэлектронной борьбы.

Мы были патриотами и интернационалистами. И в Великой Отечественной, и в Корейской войне мы сражались за честь своей Родины.

***

Я 39 лет отдал службе в Вооружённых Силах. Помню страшные картины венгерского путча 1956 года, этапы взлёта и утасания Советской Армии послевоенного времени. То, как наши войска уходили из Прибалтики, мне кажется унижительным. После всех

успехов середины прошлого века больно вспоминать то, что ещё совсем недавно творилось в Чечне.

Чечня — позор, которым покрыли себя и всех нас те, кто посылал в пекло неподготовленных ребятишек. В Китае ничего подобного не было. Туда отбирали лучших и уж, во всяком случае, хорошо обученных. Там неподготовленного человека не то, что в бой, — к зоне боевых действий не подпустили бы. Потому и потери были минимальными: за три года войны — 317 человек.

Формально нас там и вовсе не было. Одежда китайская. Ни погон, ни каких-либо иных знаков различия. Принадлежность к воинскому сословию смутно угадывалась лишь по покрою одежды. У нас ничего своего не было, даже документов. Фотографировать строго запрещалось, потому и снимков мало. Это была «тайная война». Мы все подписку о неразглашении на 40 лет давали.

Однако прошло уже больше полувека со дня её окончания, а эта война всё ещё остаётся для нас «тайной». Лишь в голливудских боевиках нет-нет да и промелькнёт горькое упоминание о Корейской войне.

Перед нами тогда, помимо недопущения господства американцев в воздухе, стояла ещё одна, не менее важная задача: передать китайцам нашу технику и обучить их на ней работать.

А учениками китайские товарищи были на редкость прилежными. Их отношение к нам было особенным. Это даже больше, чем дружба. Они буквально преклонялись перед советским народом и нашей Победой. За каждого из нас были готовы отдать жизнь. Удивительное дружелюбие и редкая преданность!

В войска особого назначения (радиолокационные) брали исключительно на добровольной основе в основном студентов последних курсов технических вузов. Наши китайские ученики теоретически были хорошо подготовлены. Иногда такие вопросы задавали, что я, окончивший с отличием военное училище, затруднялся с ответом.

Учились они постоянно, глубоко вникая в содержание. По 16 часов ежедневно им казалось мало. Иногда приходили даже ночью. Будили и задавали вопросы. На русском говорили вполне прилично, потому что там его изучали все.

Китайцы летали на наших истребителях. Их надо было обучить работать на советской технике. Обычно в паре китайских лётчиков ставили ведомыми. Были они беззаветно преданными и отчаянно храбрыми, но, должен признать, летали всё-таки хуже наших.

Нам часто приходилось бывать под огнём. Иногда прятались от осколков наших же зенитных снарядов. Такое случалось. Да и американцы бомбили постоянно.

Помню, несколько раз они разбрасывали листовки на китайском и русском: мол, если не уберётесь — применим атомное оружие. Мы не убрались.

Имели место единичные случаи применения бактериологических бомб. Но наши специальные санитарные отряды гасили эту заразу вовремя, и ощутимого вреда она нам не принесла.

Самые страшные впечатления той войны — изувеченные бомбёжками корейские дети, разрушенные американской авиацией корейские города и сёла.

Самые светлые — преданность и глубокое уважение китайских и корейских друзей, их вера в Советский Союз, стремление быть похожими в бою на наших героев Великой Отечественной войны. Я испытал чувство глубокого удовлетворения от того, что мы не подвели и сумели их защитить. Да, мы умеем воевать! Умеем помогать тому, кто в беде!

Сейчас, наверное, уже не сумели бы, а, может, и не стали бы. Но о той войне, которой как будто и вовсе не было, следует помнить. Память — лучшее, что у нас сегодня осталось. А ещё вот этот орден Китайско-Советской дружбы, к нему удостоверение, начертанное замысловатыми иероглифами и подписанное председателем ревкома Центрального народного правительства Мао Цзэ-дуном...

И, конечно, невозможно забыть, стереть из памяти постоянную душевную боль: чужая форма без знаков различия, нет имени, нет документов и вроде бы нет нас...

***

В боевой работе расчёта РЛС были свои особенности и сложности.

Американцы применяли против нас средства электронной борьбы — активные и пассивные помехи. Пытались «ослепить» наши радары. Но мастерство наших операторов — солдат и сержантов — обеспечивало возможность командному пункту управлять воздушными боями даже в этих непростых условиях.

В воздушных боях участвовало большое количество самолётов (приблизительно 200 машин противника и 8—12 наших). Это не давало возможности «видеть» каждый свой самолёт. Только по ответному сигналу «я — свой» можно было управлять нашими машинами и выводить их из боя.

В сложнейших условиях воевали наши лётчики-истребители. К перечисленным выше особенностям нужно добавить также то, что для лётчиков был строго ограничен район боевых действий. Им, например, запрещалось преследовать противника над заливом, пересекать линию фронта. И не было, к сожалению, МИГ-17 и МИГ-19, которые имелись на вооружении в полках ВВС СССР.

Эти ограничения были на руку противнику, и он постоянно ими пользовался.

* * *

Венгерские события (октябрь—ноябрь 1956 года)

Это было первое и наиболее крупное вооруженное столкновение на территории государства-союзника по Варшавскому Договору. Оно отличалось не только драматизмом и политической остротой происходящего, но и масштабами участия в нем советских войск, количеством потерь.

*Экипаж радиолокационной станции. Г. Будапешт.
Венгрия. 1956—1958 гг.*

На заключительном этапе операции наших войск по подавлению контрреволюционного мятежа участвовали Особый Корпус, 38-я общевойсковая и 8-я механизированная армии. За 19 дней конфликта погибло более 700 наших военнослужащих, ранено более 1500.

Участником венгерских событий я оказался в ноябре 1956 года в составе ВВС Южной группы войск, в только что сформированном отдельном батальоне связи и РТО в должности начальника радиолокационной станции и радиолокационного высотомера.

Позиция базирования локаторов — полевой аэродром на окраине Будапешта, рядом с заводом «Икарус». Боевых действий авиации не было. Боевой расчет нес круглосуточное дежурство по радиолокационной разведке воздушного пространства над Венгрией и выдавал данные непосредственно на КП ВВС, расположенный неподалеку.

Условия несения службы и выполнения боевых задач в Венгрии отличались от корейских. Здесь мы были в советской военной форме, под своими именами, имели все необходимые документы.

Дорога на полевых учениях. Привал. Венгрия. 1964 г.

Часть населения по отношению к нам была настроена крайне враждебно. Озверевшая толпа снесла памятник советским войнам, и остановить её было невозможно.

Неоправданно высокие потери в наших частях объясняются тем, что действовал приказ: «Первыми огня не открывать!»

Боевые действия танковых и механизированных сил велись на узких городских улицах, в частности, Будапешта. Это позволяло противнику заливать бензином улицы и площади, поджигать его и фактически «запирать» наши танки в огненном мешке.

Вот некоторые примеры.

Безнаказанность порождала новые преступления. Только 24 октября 1956 года от рук террористов погибло 40 солдат и офицеров 2-й гвардейской дивизии. Охота на людей в советской военной форме, прибывших для поддержания порядка в городе и не открывавших огонь первыми, приняла опасный характер.

25—26 октября 1956 года 33-я механизированная дивизия потеряла на улицах Будапешта 130 военнослужащих, не приняв участия ни в одной из акций против вооруженных групп восставших.

Танки в городе — это оружие устрашения, а, когда оно не срабатывает, трагедия неизбежна. На узких улицах они становятся уязвимыми мишенями для бутылок с зажигательной смесью. Мятежники привлекали к своим варварским акциям даже младших школьников. Поджоги танков и БТРов при неприменении бортового оружия — пушек, пулеметов — явились причиной гибели многих советских военнослужащих.

Только около здания Министерства обороны Венгрии с 24 по 30 октября полевая санчасть приняла 189 советских солдат и офицеров. Они были ранены из засады или обгорели в бронемашинах. 90 из них скончались от тяжелых ран и ожогов. К слову, за это время была оказана помощь 40 венгерским военнослужащим, из них скончался только один.

И в такой чрезвычайно сложной обстановке советские солдаты и офицеры проявляли беспрецедентную выдержку, верность присяге и приказу. Сгорали в танках и БТРах, но ...не стреляли! 13 военнослужащих получили высокое звание Героя Советского Союза.

Прослужил я на территории Венгрии 8 лет — с 1956 года по 1964-й. Приехал начальником радиолокационной станции, а уехал — командиром войсковой части автоматизированной системы управления боевыми действиями истребительной авиации.

Во время венгерских событий я ещё раз убедился в организованности и силе Советской Армии, в её способности оказывать реальную помощь другим государствам в создании собственных вооруженных сил.

Увидел, как доброжелательно и с каким уважением относился трудовой народ Венгрии к нашей стране. Разрушенные памятники советским воинам были быстро восстановлены. Все наши воинские захоронения привели в порядок и благоустроили.

Местные жители стремились осваивать нашу технику, учиться в советских вузах.

С удовольствием вспоминаю, как удивительно красив Будапешт. С горы Геллерт на правом берегу Дуная открывается великолепный вид на город. Венгры — большие труженики и свою столицу содержат в исключительной чистоте. Да и другие города и сёла радуют глаз своей ухоженностью.

Огорчений тоже хватало.

До сих пор стоит перед глазами страшная картина: из обугленного танка вытаскивают останки заживо сгоревших советских воинов.

Невозможно забыть зверские расправы бандитов-националистов над своими же партийными активистами и работниками госбезопасности. Их вешали вверх ногами на деревьях и столбах, вспарывали животы. А малолетних детей бандиты выбрасывали на асфальт или булыжную мостовую перед идущей колонной советских танков.

Более 150 тысяч солдат и офицеров отдали свои жизни за освобождение Венгрии в годы Великой Отечественной войны. Поэтому тяжело было видеть осквернённые во время мятежа памятники советским воинам, погибшим в боях с фашизмом.

Нет прощения варварам, которые отстреливали крылья звезд на орденах Отечественной войны, установленных по обеим сторонам от входа в крепость на горе Геллерт. На стенах крепости золотом запечатлены имена советских воинов, погибших при освобождении Будапешта на исходе Великой Отечественной войны.

Илья Большаков
гр. 1061

Было в народе
высочайшее чувство
патриотизма,
воспитанное
в каждом советском
человеке с самого
детства.

Илья Большаков

Они защищали свой дом

Состоялась экскурсия студентов Политехнического института в Музей Северо-Западного фронта в городе Старая Русса.

С древнейшим русским городом Старая Русса связаны многие события отечественной истории. Особенно тяжёлая доля выпала ему в годы Великой Отечественной войны. 880 дней и ночей вели бои на старорусской земле воины Северо-Западного фронта, потеряв в сражениях 1941—1943 годов свыше 400 тысяч солдат и офицеров. Их памяти, ратным подвигам посвящена экспозиция единственного в стране музея, который рассказывает об истории целого фронта в годы Великой Отечественной войны.

На обозрение выставлено более полутора тысяч экспонатов, 840 из них — подлинники. Основу составляют оружие различных видов, карты, схемы, документы, выписки из архивов, награды, фотографии. А ещё фронтовые письма, личные вещи,

Музей Северо-Западного фронта

принадлежавшие как красноармейцам, так и немецким, испанским, финским солдатам, которые воевали в составе Вермахта.

В двух соседних витринах выставлены амуниция, одежда, вооружение советского и немецкого солдата. **Сравнивая экспонаты, легко видеть, как серьёзно готовились к войне наши противники, как тщательно была продумана каждая деталь солдатского снаряжения. А мы в июне 1941 года были к войне не готовы.**

Сколько потерь можно было избежать, если бы в нашей стране, зная, что война неизбежна, больше думали о людях!

До 90-х годов в фондах музея не было ни одного предмета, по которому можно было бы судить о положении дел в войсках противника. Но историческая обстановка в мире изменилась. У исследователей появился открытый доступ к музейным архивам и ранее засекреченным документам. Появилась возможность обратиться к бывшим солдатам Вермахта. И они откликнулись, поделились сохранившимися реликвиями военного времени.

Г. Старая Русса

Представленные в этих витринах предметы относятся к 1941 году. Их немного — в нашей почве ткани и металл сохраняются плохо. Есть в «немецкой» витрине такой интересный экспонат: шерстяные гетры, какие носили солдаты и офицеры. Благодаря заклёпкам и многочисленным ремешкам, гетры прекрасно фиксировались на ноге и не сваливались при ходьбе. Они защищали от холода и грязи и были очень удобны.

А советские солдаты о таких деталях одежды даже мечтать не могли. Нашему фронтовику выдавались высокие, грубые кирзовые сапоги, а к ним портянки, которые нужно было умело намотать, иначе не оберёшься проблем с больными ногами.

Два предмета — хлебный мешок и котелок — передал музею немец, который в сопроводительной записке написал: «Передаю в ваш музей самое дорогое и памятное о моей трудной юности под Старой Руссой». Немецкий котелок имел удобную форму, позволявшую пристёгивать его к поясу. Глубокая, герметично

закрывающаяся крышка давала возможность сохранять жидкую еду. У крышки была и другая функция: в откинутом виде она служила десертной тарелкой.

Наши котелки по всем характеристикам уступали немецким. Их приходилось носить в руке. Они быстро выходили из строя и выбрасывались, как непригодные для использования.

Среди костей немецких солдат найдены две бутылки. Люди погибли, а хрупкие стеклянные сосуды великолепно сохранились. Видно, немецкие солдаты собирались с бутылками шнапса праздновать победу, но пришлось поминать погибших товарищей.

Были у противника персональные противогазы и удобные металлические каски, покрытые изнутри тонко выделанной кожей, которая защищала голову от ушибов. А наша каска, хоть и защищала не хуже, но была жёсткой и неудобной.

Самое страшное, что летом 1941 года наши войска были плохо вооружены. У них были винтовки конструкции Мосина, устаревшие лет за 50 до этого. Они не шли ни в какое сравнение с немецкими автоматами: быстрыми, эффективными, с большой поражающей силой.

Музей Северо-Западного фронта

Музей Северо-Западного фронта

Но в 1941 году даже этих устаревших винтовок не хватало, особенно в тех ополченских частях, которые формировались в крупных городах, таких, как Москва и Ленинград.

Я, конечно, знал, что наша армия в начале войны была плохо подготовлена к ведению боевых действий, особенно на своей территории. **Но одна (!) винтовка на 10-15 человек в ополчении!** Такая статистика меня просто шокировала! Советские солдаты стали тем самым пушечным мясом, которое выдвигалось на фронт и множило страшные цифры наших потерь.

Война была жестокая и кровопролитная! И всё же мы победили! Благодаря чему?

Было в народе высочайшее чувство патриотизма, воспитанное в каждом советском человеке с самого детства школой, семьёй, всем обществом. Наши люди знали, что они идут защищать свою землю, свой дом, свою семью.

Красная армия стойко держала оборону. На Северо-Западном фронте летом 1941 года мы ежедневно теряли по пять тысяч сол-

Музей Северо-Западного фронта

дат и офицеров. Именно войска Северо-Западного фронта, а не Волховского, который был создан только в декабре этого года, защищали Старую Руссу и Новгород.

Наши войска находились в крайне тяжёлом положении. Дивизии были укомплектованы примерно наполовину. Героизм советских солдат был невероятным! Черняховский в своём политдонесении генералу Коровникову, который возглавлял оборону Новгорода, писал: «Мои танкисты дерутся на улицах Новгорода, как львы. Они бросаются на немецкие танки с бутылками

с зажигательной смесью, а по немецким автоматчикам ведут огонь на поражение из табельного оружия»

И всё же... 19 августа 1941 года Новгород был занят фашистами.

Уникальным экспонатом является колокол, который был отлит в 1672 году в немецком городе Любек известным колокольным мастером Альбертом Беннингом. Старая Русса получила этот колокол в подарок от императора Петра I. В декабре 1942 года колокол был вывезен из Старой Руссы в Германию и возвращён обратно спустя несколько десятилетий, только в 2001 году. В заключение экскурсии нам дали возможность услышать его чистый, красивый, волшебный голос.

Экскурсия была исключительно интересной и познавательной. В значительной степени благодаря экскурсоводам: их увлечённости и профессионализму. Советую всем побывать в Старой Руссе, посетить Музей Северо-Западного фронта. Новые знания и впечатления делают нашу жизнь ярче, помогают многое понять и оценить в тысячелетней истории нашего края.

**Алла Филипповна
Булгакова**

Он силой духа возвращал себя к жизни

В мае 2012 года состоялась автобусная экскурсия студентов Политехнического института в Музей-заповедник А. В. Суворова.

Имение Суворова расположено в одном из красивейших уголков России, на Валдайской возвышенности, в 35 км от Боровичей. Более 200 лет назад здесь жил и работал великий русский полководец, полвека беззаветно служивший России. Именно здесь он готовился к своему знаменитому сражению — переходу через Альпы.

*Памятник А. В. Суворову
в Кончанском-Суворовском.*

Александр Васильевич Суворов в Кончанском бывал трижды: зимой 1784 года, весной 1786 года и в 1797—1799 годах, отбывая ссылку. Эти несколько лет оставили в биографии полководца яркий, неизгладимый след. Здесь, в ссылке, практически в уединении, он проводил дни, полные раздумий, разных переживаний и воспоминаний.

Судя по всему, Суворову удавалось сохранить боевой дух, он работал над стратегией и тактикой предстоящей войны с Францией, несколько раз пытался получить прощение Павла Первого. Собственно, опала и была непрочной, Па-

вел сменил гнев на уважительное отношение, а затем и совсем простил.

Однако только война стала причиной окончательного возвращения опального фельдмаршала на службу. Даже не столько сама война, сколько настоятельные просьбы из Лондона и Вены.

В марте 1799 года 69-летний фельдмаршал граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский решением российского и австрийского императоров (по инициативе англичан) был назначен главнокомандующим объединенной армией союзников в Италии. Под его руководством с апреля по конец августа там была проведена блестящая кампания, которая закончилась полным разгромом войск французской Директории. Однако главное испытание ждало русского полководца впереди. Его лебединой песней, «лучшим лавровым венком», явился Альпийский поход, в который он был направлен решением правителей коалиции против своей воли.

Почти семь десятилетий в Кончанском существует музей, экспозиция которого посвящена одной из самых замечательных личностей XVIII века. Гениальный полководец, переживший семь смертельно опасных и двадцать лёгких ранений, несколько контузий, каждый раз буквально силой духа возвращал себя к жизни. **Суворов выиграл более 60 сражений и создал немеркнущую славу русскому оружию.**

Дом-музей Суворова был открыт 25 октября 1942 года, в самый трудный год Великой Отечественной войны. В экспозиции музея есть фотоснимок: группа солдат Волховского фронта на открытии музея. Отсюда, прямо с митинга, бойцы уходили защищать Родину. В 1950 году село Кончанское было переименовано в Кончанское—Суворовское.

Дом-музей с разными хозяйственными пристройками, летний домик-светёлка на горе Дубиха, диорама «Альпийский поход А. В. Суворова», выполненная тремя художниками-баталистами и открытая 18 мая 1975 года, — всё это с парком и окружающей природой — Музей-заповедник А. В. Суворова в Кончанском-Суворовском.

Дом-музей А. В. Суворова в Кончанском-Суворовском.

Пребывание в Кончанском великого полководца как бы наложило особый отпечаток на весь типично новгородский пейзаж этой местности. Кажется, что все леса и холмы вокруг имения овеяны бессмертием суворовского гения. С горы, где расположен летний домик, любимое место отдыха полководца, видны окрестности на много вёрст вокруг. Под горой, как на ладони, село и парк, раскинувшийся со своими дубовыми, берёзовыми и липовыми рощами на территории в четыре гектара.

Вёл экскурсию старший научный сотрудник НГОМЗ Владимир Николаевич Варнаев. Его яркий, эмоциональный рассказ о давней и новейшей истории России содержал огромное количество интереснейшей информации.

Прославленный русский полководец родился в семье генерал-аншефа В. И. Суворова, хорошо образованного человека и достаточно важного сановника. Крёстным отцом Василия Ивановича был сам Пётр Великий. До сих пор не установлено место рождения полководца. На звание родины Суворова претендуют несколько городов, в том числе обе столицы. Семья Суворова, одна из богатейших в России, имела дома в разных городах страны.

Но больше всего оснований называться родиной Суворова имеет село Каменка Любытинского района Новгородской области. И есть тому документальные подтверждения — письма сына генералиссимуса. Существуют на этот счёт и другие мнения учёных. К сожалению, до сих пор в Каменке не восстановлено даже имение великого полководца.

В маленькой Швейцарии, как рассказал наш экскурсовод, 80 (!) музеев Суворова, а в огромной России — всего 4. Русский гений считается национальным героем Альпийской республики, а мы, россияне, так мало о нём знаем! У Александра Васильевича в разные периоды жизни были непростые отношения с российскими монархами. Однако, несмотря на это, они умели ценить великого полководца, так много сделавшего для России.

Заповедник А. В. Суворова — удивительное место, уникальное! Пронзительное, прекрасное чувство Родины, когда вдруг начинаешь осознавать, что всё вокруг — твоё, и именно тебе суждено это сберечь, не возникает само по себе. Оно воспитывается в таких вот поездках по родному краю.

Наши многочисленные встречи с ветеранами, экскурсии по местам боевой славы, в краеведческие и военно-исторические музеи так важны для гражданского становления молодого поколения! Пришло время собирать камни, и мы видим результат наших воспитательных усилий. Мы в Политехническом институте растим патриотов, и нам в этом смысле уже есть чем гордиться.

После экскурсии один из студентов сказал: «Как много всего я узнал! И, главное, понял, что посещение музеев — это не подвиг, а нормальное времяпрепровождение любого современного молодого человека».

Если до сих пор для большинства из нас Суворов был только неким символом русской доблести и славы, то экспозиция музея и наш экскурсовод Владимир Николаевич помогли нам увидеть живого человека со своими радостями и горестями, не очень-то счастливого в личной жизни, но умевшего ценить простого солдата. Именно ратным трудом рядового русского воина и прозорливостью, полководческим даром Суворова добыта каждая победа.

Полина Смирнова
гр. 9061

Красота
и величественность
паркового комплекса,
помнящего шаги
самого фельдмаршала
Суворова, навевают
возвышенные
патриотические
чувства.

Полина Смирнова

Прикосновение к гению

Наша семья очень любит путешествовать. На машине мы объездили всю Тверскую, Ярославскую и Новгородскую области. В одной из таких поездок мы побывали в музее-усадьбе А. В. Суворова.

К сожалению, мы не попали на экскурсию, послушать знающего человека было бы очень интересно. Зато у нас хватило времени, чтобы вдоволь погулять по заповеднику, — благо, позволяла погода. Мы ездили в конце июля, день был тёплый и солнечный.

В первую очередь обратили внимание на красоту и ухоженность территории парка. Видно, что сотрудники музея тщательно следят за усадьбой.

Несмотря на выходной день и чудесную погоду, посетителей было мало, хотя, как нам стало известно, музей поддерживает связь с 13-ю туристическими фирмами Новгорода, Боровичей, Петербурга, Москвы, Твери.

Деревянная церковь в Кончанском-Суворовском

В последние годы работники музея активно возрождают парк. В аллеях посажены молодые липки и берёзки. Именно их любил Александр Суворов и хотел видеть в своём парке, хотя в этой заболоченной местности они плохо приживались. Сейчас эта проблема решена, территория парка осушена, копать дренажные канавки помогают ученики местной средней школы.

Была возможность, и мы посетили летний и зимний домики Суворова.

Дом-музей великого русского полководца в Кончанском был открыт ещё в военное время, в 1942 году. Через пять лет после победы село было переименовано в Кончанское-Суворовское, а в 1960 году на базе дома-музея стали создавать самый настоящий музей-заповедник.

Большое количество мест, связанных с жизнью Александра Васильевича, было взято государством под охрану. Вошла в их число и гора Дубиха, где любил отдыхать и любоваться природой

Диорама «Альпийский поход А. В. Суворова»

Суворов. Хранители заповедника бережно относятся ко всему, что связано с именем великого полководца.

В отреставрированной церкви выставлена на всеобщее обозрение известная диорама «Альпийский поход А. В. Суворова», на которой изображено сражение у Чёртова моста.

С натуры художник писал портрет Суворова только один раз, и, как на самом деле выглядел полководец, мы представляем не очень чётко. Вот почему и двести, и триста лет спустя мы внимательно вглядываемся в черты лица истинно русского человека, военного гения, пытаюсь их лучше рассмотреть, понять и запомнить.

Красота и величественность паркового комплекса, помнящего шаги самого фельдмаршала Суворова, навевают возвышенные патриотические чувства, которых нам порой так не хватает. Начинаешь понимать, в каких удивительных местах мы живём и как много нужно сделать, чтобы сохранить эту землю, завещанную нам предками.

Алла Филипповна
Булгакова

Вечная память известным и безымянным героям

8 мая в деревне Мясной Бор Новгородского района на воинском мемориале состоялась торжественная церемония захоронения останков воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны и обнаруженных в ходе поисковых работ за время весенней Вахты Памяти 2012 года.

Были преданы земле останки 371 красноармейца. Возвращены из небытия несколько имён тех, кто в течение семи десятилетий числился пропавшим без вести. Участники поисковых отрядов со всего бывшего Советского Союза несли и несли на плечах гробы, обтянутые красным шёлком и просто из необструганных досок. И, казалось, не будет этому конца и края...

Вся церемония, несмотря на солнечную погоду, а, может, наоборот, по контрасту с ней, была проникнута такой глубокой скорбью, что почти сразу заметно изменились лица наших студентов. Плакали девочки, суровыми и сосредоточенными выглядели мальчики.

Впервые на траурной церемонии, которая в Мясном Бору проходит ежегодно, было много маленьких детей. Новое поколение мудрых молодых родителей посчитало правильным привезти сюда своих 5—10-летних детей, чтобы они уже с малых лет прочувствовали атмосферу единения поколений,

почитания великого подвига советского народа, своей причастности к истории страны.

Что они понимают, эти маленькие дети? Да очень многое, гораздо больше, чем нам кажется. После нашей апрельской экскурсии в Мясной Бор десятилетний Ванечка Емельянов, сын молодого преподавателя кафедры архитектурного проектирования Татьяны Васильевой, долго молчал, размышлял об увиденном и услышанном, а потом сказал: «Когда я вырасту, то стану архитектором, построю новый город и назову его «Свиклин».

Вот как поразил ребёнка рассказ нашего экскурсовода Владимира Николаевича Варнаева о генерале Теодоре Свиклине, легендарном полководце, освобождавшем Новгород в январе 1944 года, чья память, к сожалению, в нашем городе до сих пор не увековечена.

Эти детские мечты — награда всем нам и, в первую очередь маме, за воспитание молодого поколения. Не знаю, кем в будущем станет этот мальчик, но то, что он вырастет глубоко и тонко чувствующим человеком, для которого слово «Родина» — не пустой звук, можно не сомневаться.

Студенты, впервые побывавшие на траурном митинге в «Долине мужества», ушли совершенно потрясенные масштабами героизма и трагедии 2-й Ударной армии.

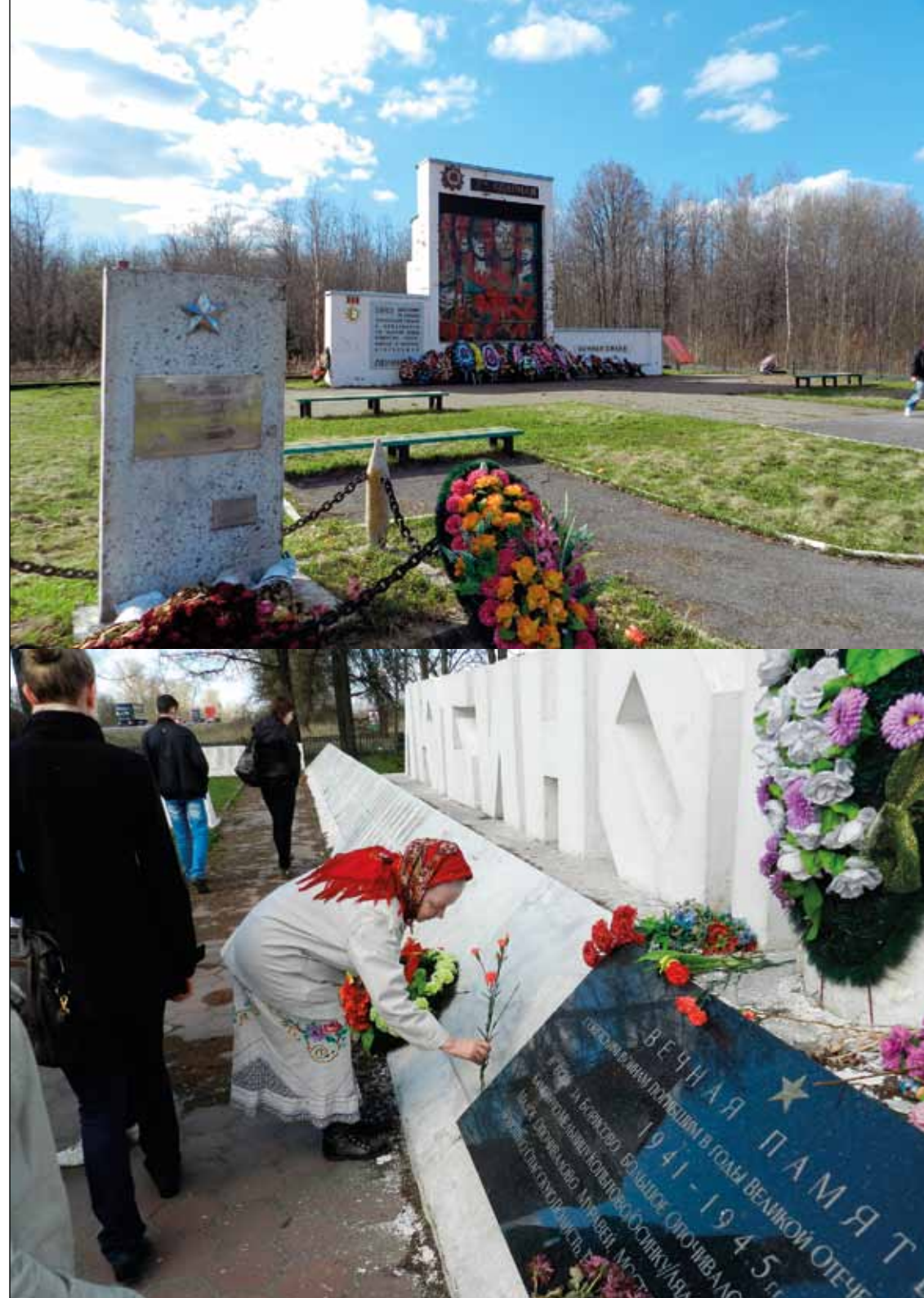
Студенты Политехнического института возложили к новой братской могиле цветы и венок от студентов и сотрудников Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Вечная память известным и безымянным героям, чьи могилы разбросаны по необъятным просторам нашей Родины и многих стран Европы, а также тем, чьи останки ещё только ждут своего упокоения!

Низкий поклон ныне живущим ветеранам, которые прошли, выстояли и победили, и с которыми нам посчастливилось жить в одном городе!

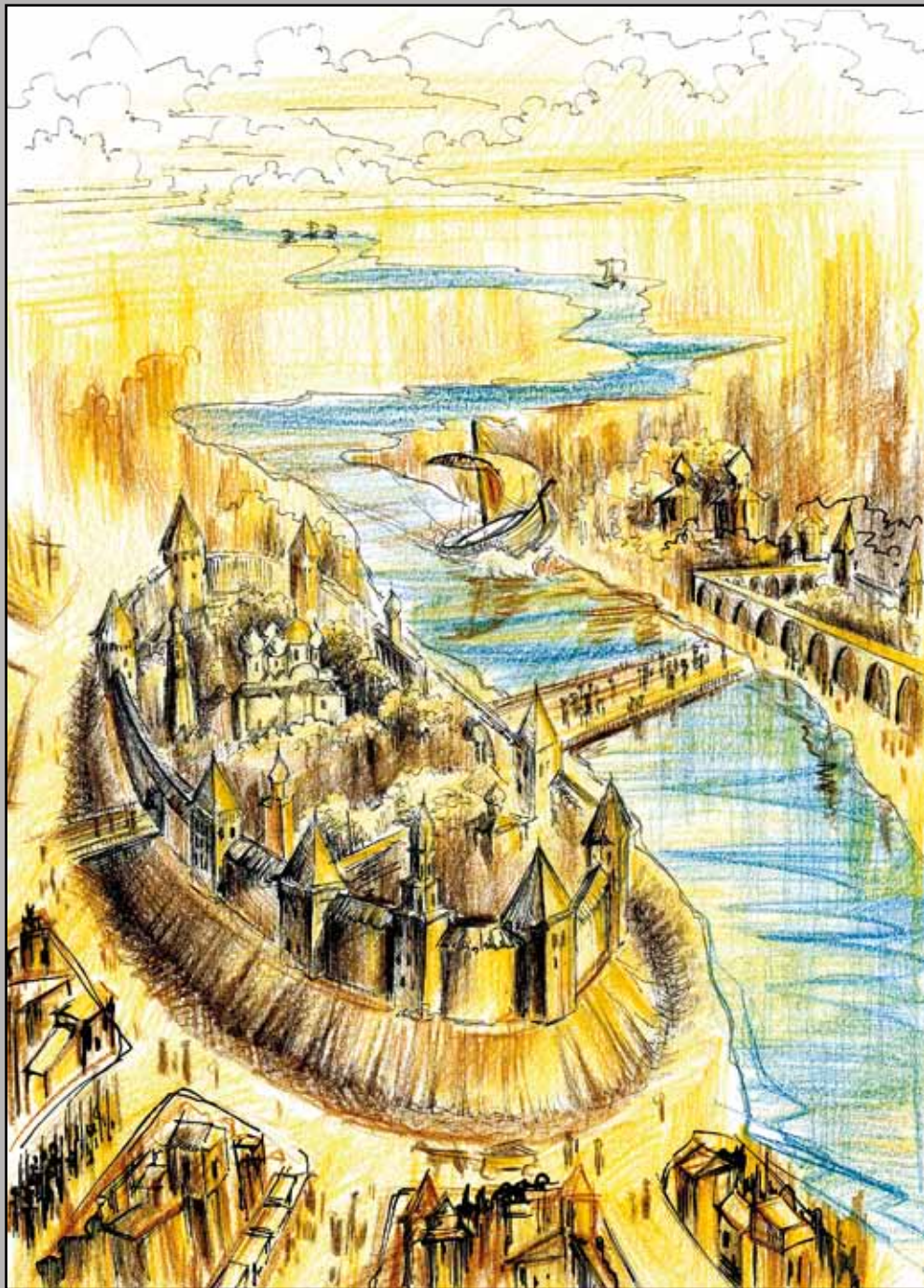
Наше безграничное уважение «детям войны», которые вынесли голод, холод, боль, смерть и разлуку, но сумели сохранить человеческое достоинство, оптимизм, жизнелюбие, веру в людей!

Молодёжь чтит память о подвиге старших поколений, а, значит, у страны есть будущее!

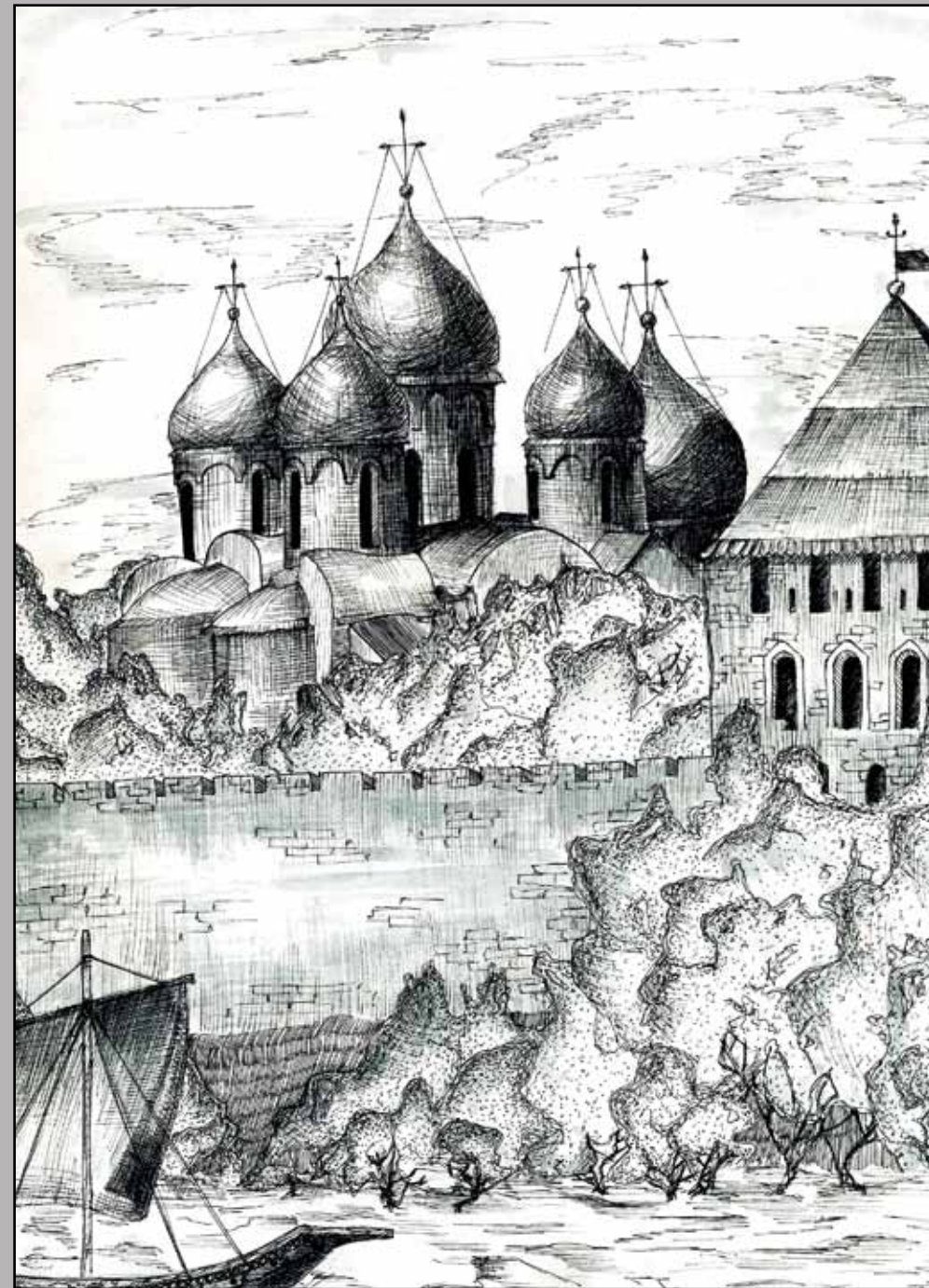

«Древний город». Екатерина Шакина, гр. 7081

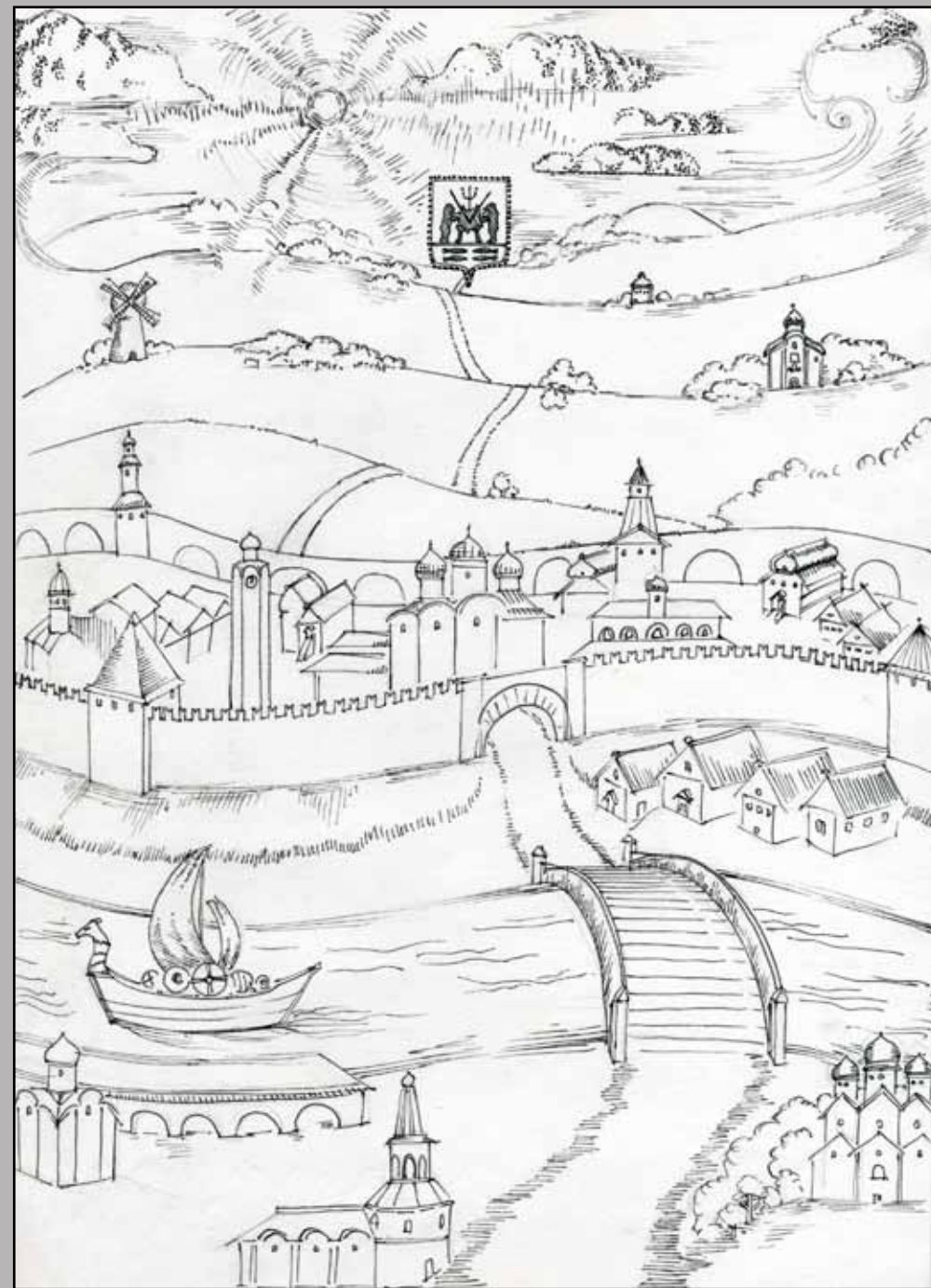
Композиция на тему «Древний Новгород». Данила Корнев, гр. 1081

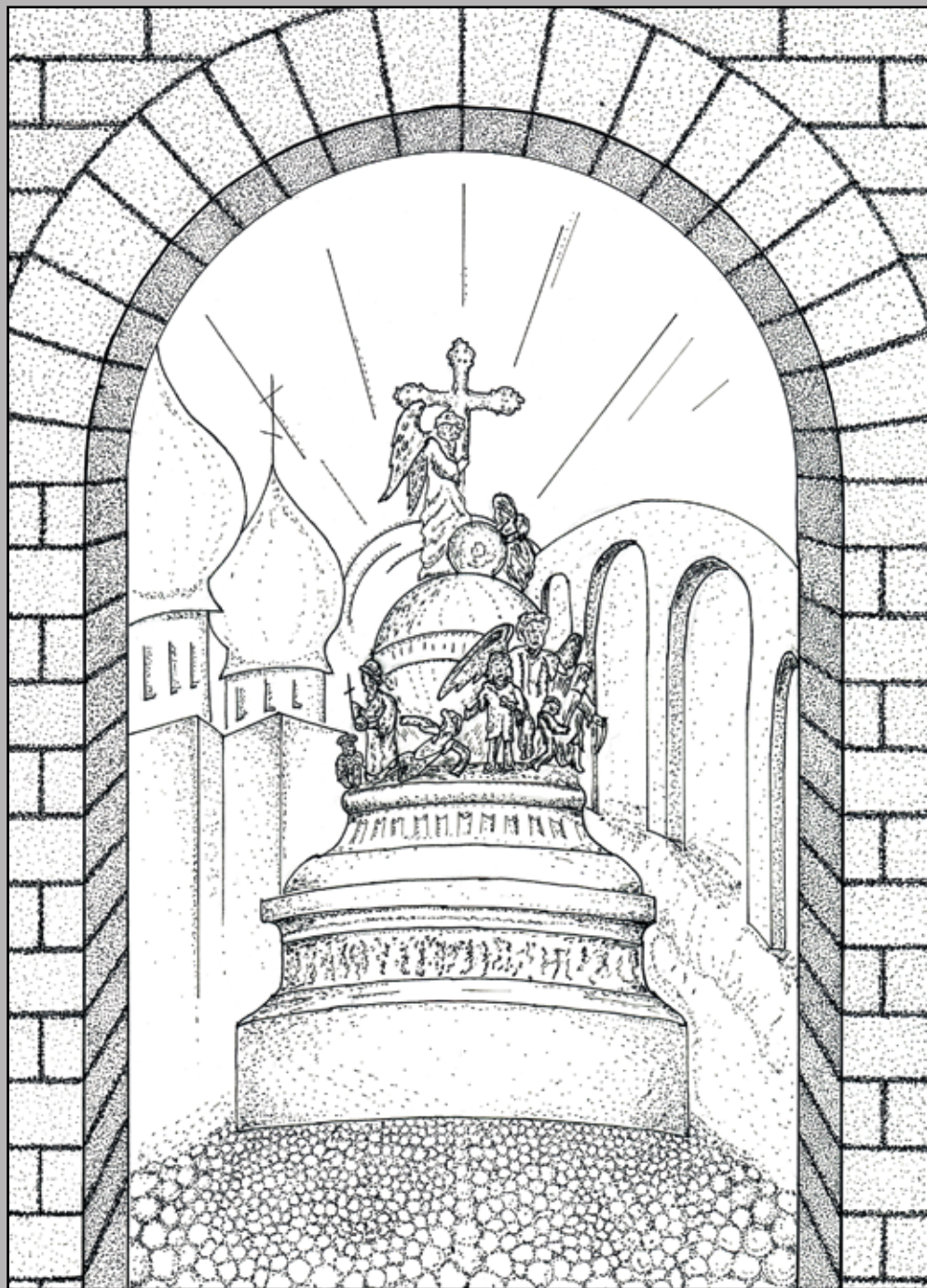
Композиция на тему «Древний Новгород». Алина Кириллова, гр. 1081

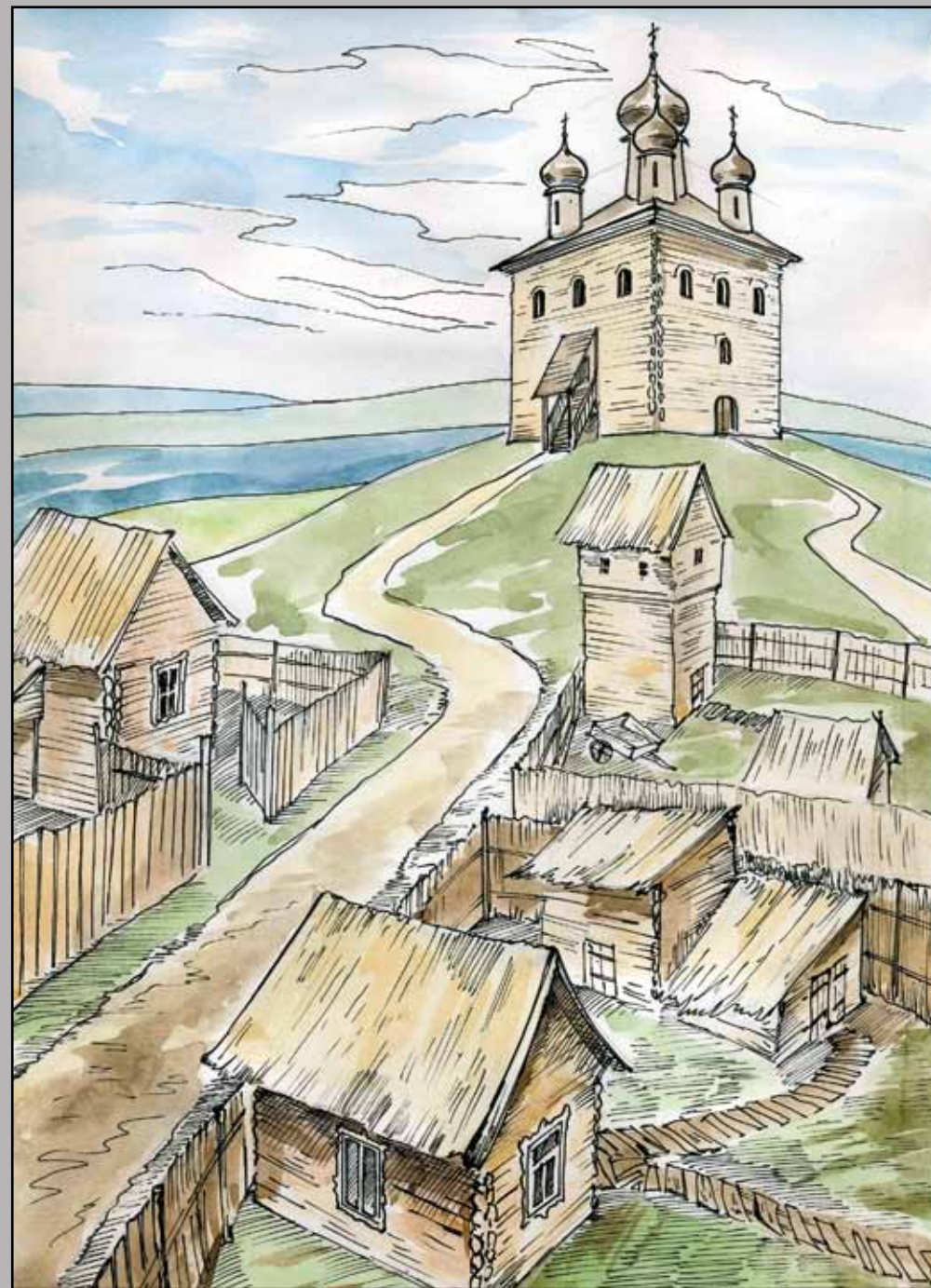
Композиция на тему «Древний Новгород». Дарья Карасёва, гр. 1081

Композиция на тему «Древний Новгород». Роман Григорьев, гр. 1081

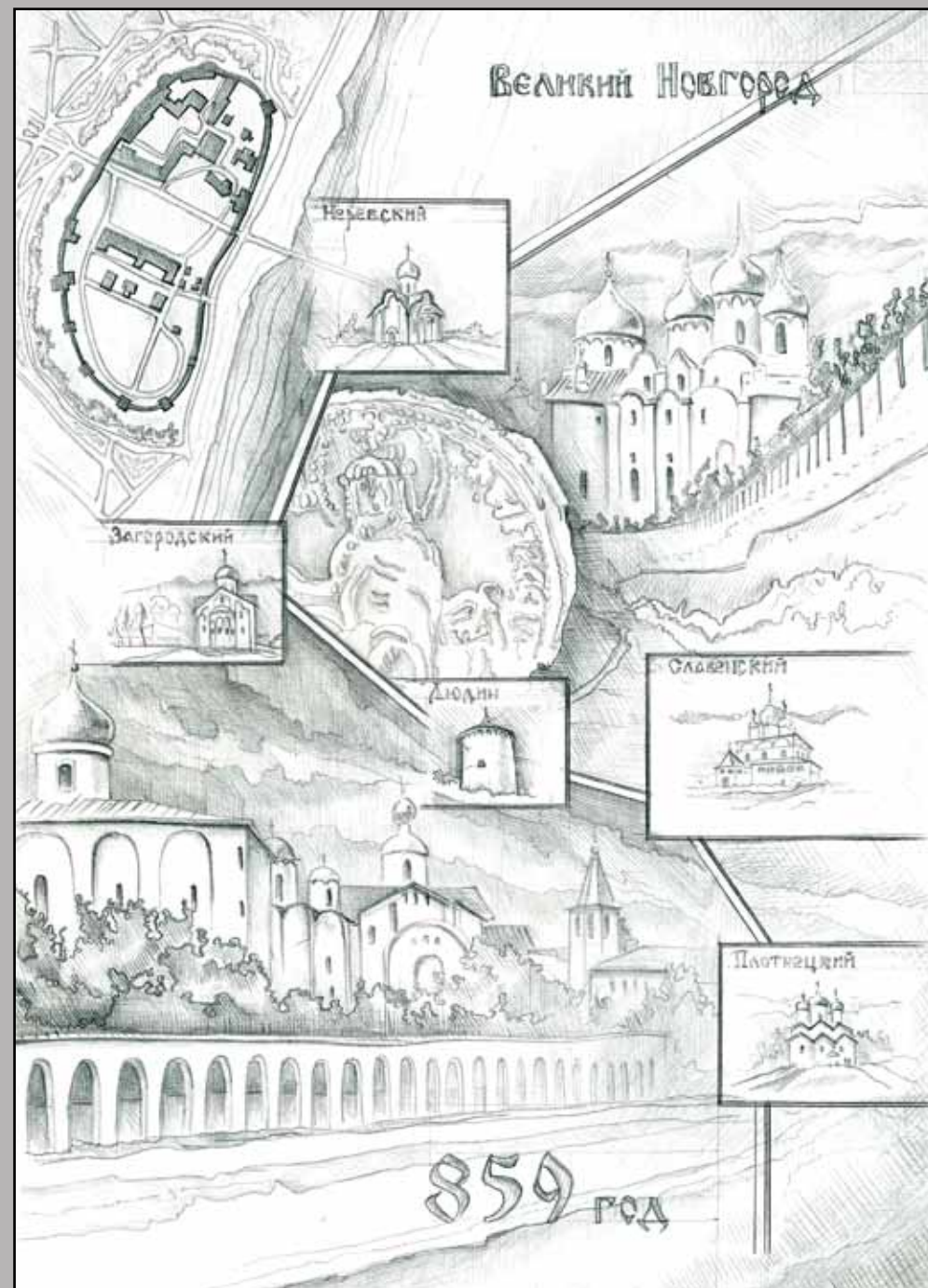
Композиция на тему «Древний Новгород». Евгений Гавриловец, гр. 1081

Композиция на тему «Древний Новгород». Рустам Антилогов, гр. 1081

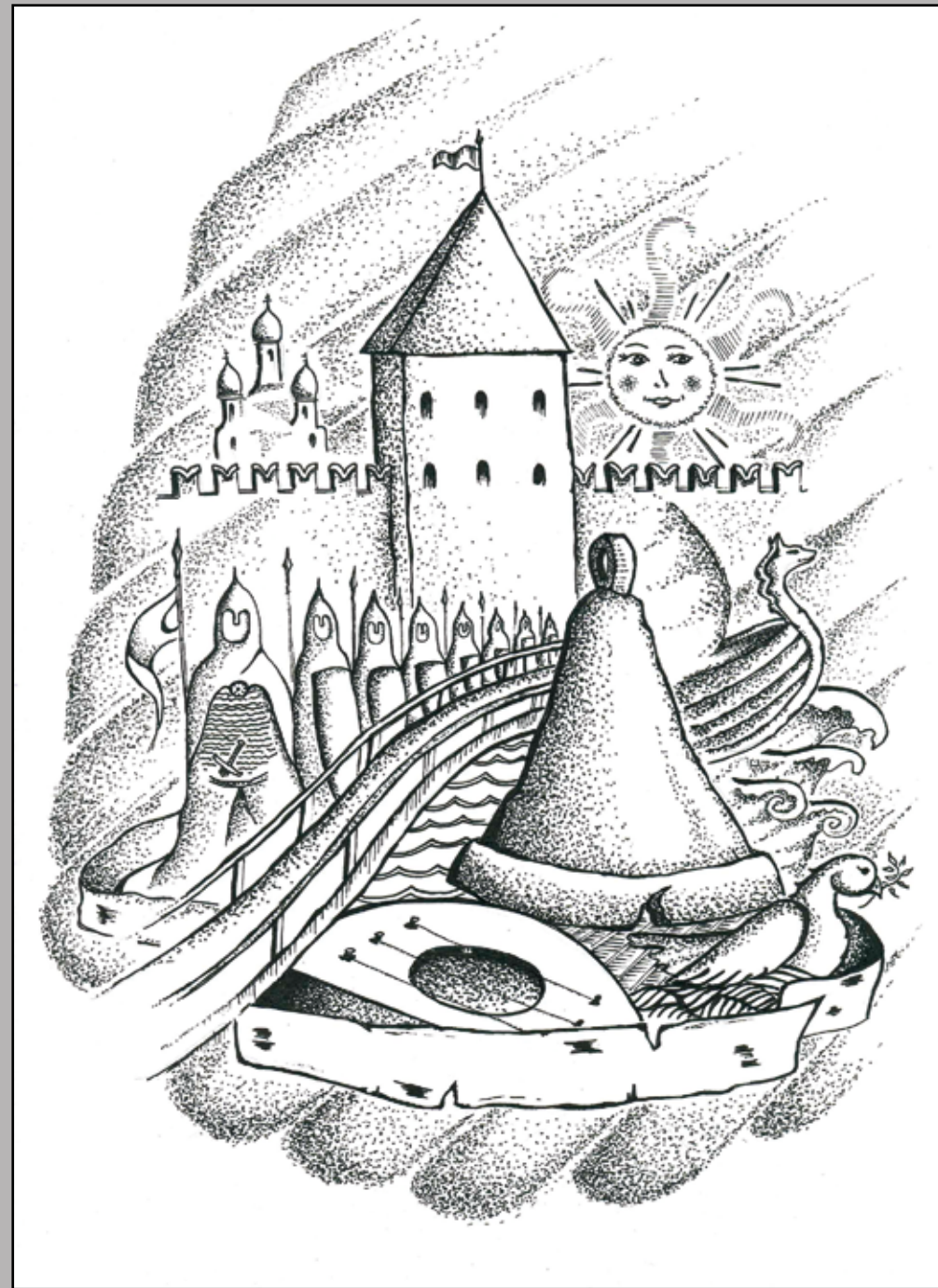
Композиция на тему «Древний Новгород». Дарья Алексеева, гр. 7081

Композиция на тему «Древний Новгород». Виктория Вишневская, гр. 7081

Композиция на тему «Древний Новгород». Валерия Стальмак, гр. 9081

Композиция на тему «Древний Новгород». Роман Пухов, гр. 9081

**Вам, живым и павшим героям
Великой Отечественной войны,
посвящается этот сборник**

*Мы Родину себе не выбираем.
Она, как жизнь, даётся нам судьбой.
И в каждой жизни есть передовая,
И в каждой жизни есть последний бой.*

*Ирина Савинова,
новгородская журналистка*

Историко-краеведческое издание

Дорога пришедших с войны

Сборник эссе студентов, преподавателей и сотрудников
Политехнического института НовГУ

Составитель и редактор
Булгакова А. Ф.

Оригинал-макет подготовлен
Политехническим институтом НовГУ

Подписано в печать 10.01.2013. Формат 90×60/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл.печт.л. 9,5
Тираж 200 экз. Заказ № 007.